81.60-21(Ад)
П12

ПАДЕЖНЫЙ СОСТАВ И СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Махачкала 1987

825545

4/3

2665

81.60-21 (Ад)
П12

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

Отдел национальной
и краеведческой
ЛИТЕРАТУРЫ

2012

ПАДЕЖНЫЙ СОСТАВ И СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Сборник статей

825545

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
АДЫГЕИ

Махачкала 1987

Центральная
библиотека
БССР
им. Я. Л. Лонгва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абдуллаев З. Г (отв. редактор), *Абдуллаев И. Х.*, *Ибрагимов Г Х.*, *Магомедов А. Г Микаилов К. Ш.*, *Саидова П. А.*

Рецензент — *Гасанова С. М.*

В настоящем сборнике рассматривается актуальная проблема изучения падежного состава и системы склонения в кавказских языках. Проблема ставится и решается с разных позиций — исторической, историко-сравнительной, типологической, описательной. Анализируются вопросы образования падежных форм, диалектных различий в склонении имени, системы и генезиса падежных формантов, выражения ими различных содержательных детерминант и синтаксических категорий.

Сборник предназначен для лингвистов-кавказоведов и всех тех, кто интересуется грамматическим строем кавказских языков.

ВВЕДЕНИЕ

В 1964 г. у лингвистов Института истории, языка и литературы им. Г Цадасы Дагестанского филиала АН СССР зародилась идея организации научной сессии, посвященной вопросам сравнительно-исторического изучения северокавказских языков. Речь шла тогда о языках ограниченного северокавказского региона, а не обо всех кавказских языках. Эта идея получила поддержку у соответствующих инстанций и в июне 1965 г. под грифом названного института совместно с Институтом языкознания АН СССР (Москва) и Северо-Кавказским советом по координации и планированию научно-исследовательских работ по гуманитарным наукам (Ростов-на-Дону) в г Махачкале была организована и проведена такая сессия. Это была научная сессия по изучению кавказских языков, идея и честь организации которой целиком принадлежали дагестанским лингвистам. На сессии были представлены 25 докладов. В работе сессии участвовали ученые Москвы и разных городов Кавказа — Махачкалы, Тбилиси, Еревана, Баку, Нальчика, Грозного, Орджоникидзе. Она получила название «первой», так как было решено в дальнейшем проводить такие сессии один раз в каждые два года. Таким образом, махачкалинская сессия 1965 года стала первой проблемной сессией по изучению кавказских языков. Материалы этой сессии были изданы в 1969 г (к сожалению, в сборник вошли лишь 16 докладов).

Все последующие сессии поочередно проводились в столицах республик и областей Кавказа: II — 1967, Тбилиси; III — 1969, Грозный; IV — 1971, Нальчик; V — 1973, Орджоникидзе; VI — 1975, Майкоп; VII — 1977, Сухуми; VIII — 1979, Черкесск.

В 1981 году начался второй круг — вновь в Махачкале. Предлагаемые читателю материалы представляют собой доклады второй махачкалинской сессии, или первой сессии второго круга. На этот раз махачкалинская сессия по количеству участников, уровню научных идей и организационной техники значительно отличалась от первой сессии. На сессии, проходившей 16—18 сентября 1981 г было заслушано 73 доклада (к сожалению, не все зачитанные доклады вошли в данный сборник, ряд докладов не был впоследствии представлен для публикации). В ее работе приняли участие лингвисты Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Тбилиси, Сухуми, Нальчика, Орджоникидзе, Цхинвали, Армавира, Майкопа, Черкесска, Кировобада, Грозного, Баку, Махачкалы. Сессия была посвящена падежному составу и системе склонения в кавказских языках.

Как видно, количество участников кавказоведческих сессий

лингвистов увеличивается, круг городов, представляемых ими, расширяется. Эта тенденция наблюдается от сессии к сессии. Следовательно, все сложнее и сложнее становится не только сама организация сессии, но и дальнейшая подготовка и издание материалов сессии. Возникает необходимость рассмотреть организационные вопросы — всех ли желающих допускать к участию в работе сессии или проводить отбор; если же проводить отбор, то кто это должен делать — учреждения, представители которых участвуют в работе сессии, оргкомиссия города, проводящего данную очередную сессию, или же постоянный оргкомитет сессии. Отбор необходим не только для регулирования количественного состава участников сессии, но и для оценки качественной стороны самих докладов (чего греха таить — далеко не все доклады отвечают требованиям высокого форума). От решения этого вопроса зависит установление регламента и объема доклада на сессии (вынесенное на X сессии секретарем оргкомитета предложение установить объем доклада в 4 страницы едва ли удовлетворит кого-либо из участников). Важным компонентом успешной организации сессии является также заблаговременное определение проблемы очередной сессии. Было бы желательно сделать непреложным законом провозглашать и утверждать на текущей сессии тематику следующей сессии и место ее проведения. Крайне важно также заблаговременно определить доклады, выносимые на пленарное заседание, а также секционное разделение сессии. К сожалению, эти и другие вопросы организационного порядка до сих пор остаются неурегулированными до конца, а их нерешенность отрицательно влияет на качество организации сессии и участие в ее работе. Но самое главное — это издание материалов сессии, подведение ее окончательных итогов.

В связи с созданием «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания» возникла надежда на своевременное и оперативное издание материалов сессии на страницах этого сборника. Полагали, что он станет как бы органом общекавказского форума. Однако, к сожалению, материалы лишь двух сессий из десяти нашли отражение на страницах этого издания. Издание материалов сессии находится в ведении того учреждения, которое проводило данную сессию. А у разных городов и разных учреждений издательские возможности тоже разные. Поэтому качество и сроки издания материалов сессии находятся пока во власти случайных факторов.

Сессия по изучению кавказских языков стала важным фактором не только научной, но и общественно-политической значимости — дух дружбы и интернационализма укрепляется от сессии к сессии. Совместные и целенаправленные усилия большого отряда кавказоведов-лингвистов приносят заметные плоды. Необходимо поддерживать и в дальнейшем научный авторитет и идейный пафос кавказоведческого форума, организационно улучшить и совершенствовать условия его проведения и предотвратить тенденцию спада внимания к его деятельности.

З. Г Абдуллаев

КАРТВЕЛЬСКИЕ И АБХАЗСКО-АДЫГСКИЕ ЯЗЫКИ

А. С. Чикобава

ОБ ЭРГАТИВНОМ ПАДЕЖЕ — «КОСВЕННОМ» И «ПРЯМОМ» — В ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Падеж — основная морфологическая категория имен (существ., прилагат., числит., местоимений).

Система изменения имен по падежам образует склонение.

При помощи падежей выражается синтаксическая связь между именами, между глаголом и именем: «друг отца», «отец друга», «принес отцу», «недоволен другом».

При отсутствии падежей в языке связь слов выражается иными средствами: порядком слов, интонацией, частицами...: недостающее в СТРУКТУРЕ СЛОВА восполняется в предложении СРЕДСТВАМИ СИНТАКСИСА.

2. При наличии падежей между языками могут наблюдаться расхождения и в процессе склонения, и в СОСТАВЕ ПАДЕЖЕЙ: проблема ОБЩЕГО и ОТЛИЧНОГО дает себя знать здесь в полной мере.

Подлинных универсалий и в этой зоне структуры языка не бывает: универсальной грамматики не может быть, поскольку невозможна универсальная структура. Конечно, универсалии, с учетом их условного характера, отвергать не приходится.

3. Для падежного состава ИКЯ специфично отсутствие винительного падежа, аккузатива и наличие эргатива.

Когда каноны греческой филологической грамматики считались общеобязательными, тогда и в грамматике грузинского языка находили искусственное образование для винительного падежа [1], но в то же время могли не заметить наличия самостоятельной падежной формы эргатива.

К чести автора первой пространной грузинской грамматики Антония (1753 г.) можно сказать, что эргатив был им выделен в качестве самостоятельной падежной единицы («падеж повествовательный» narrativus).

---

[1] В сложных условиях сильного иноязычного влияния аккузатив может отпочковаться от другого падежа (удийский дат.), эргатив же — отпасть (атинский говор чанск. речи).

Сомнения были Антонием высказаны о наличии аккузатива (не имеется, мол, соответствующего форманта!)[2], но аккузатив был им все же оставлен в числе падежей.

Даже в семидесятых годах XIX века известный лингвист-картвелолог проф. А. Цагарели писал, что винительный в грузинском языке совпадает с именительным, т. е. винительный падеж имеется, но своего форманта не имеет.

В индоевропейских языках винительный совпадает с именительным в именах среднего рода («окно», «море», «знамя»), но обладает собственной формой в именах женского рода («траву», «воду», «скалу»...).

Если же ни в какой категории имен не имеется отличного форманта, говорить о самостоятельном падеже нет оснований.

П. К. Услар писал в 1862 году о том, что в чеченском языке винительного падежа не может быть, поскольку в нем не имеется глаголов действительного залога[3].

Н. Ф. Яковлев в «Синтаксисе чеченского языка» (1939 г.) говорит о наличии в чеченском языке именительного — винительного падежа, поскольку, по-видимому, именительным падежом передается винительный падеж, напр., русского языка.

При этом Н. Ф. Яковлевым категорически отвергается мнение, будто в чеченском языке не имеется глаголов действительного залога: это обусловлено, мол, классовой установкой авторов[4], отрицающих в кавказских языках наличие глаголов действительного залога.

4. Термин эргативный падеж, восходящий к Ад. Дирру, часто называется также активным; в русском языке термин «эргативный» получил распространение благодаря трудам И. И. Мещанинова.

К И. И. Мещанинову восходят понятия «эргатив самостоятельный» и «эргатив совмещающий». Для последнего характерно наличие общей формы с другими падежами: «творительным» (в аварском яз.), «родительным» (в лакском яз.). П. Услар называл их соответственно «творительным», «родительным».

5. С самостоятельным эргативом переходный глагол согласуется; такая эргативная конструкция является активной: самостоятельный эргатив — это «прямой» падеж (как, напр., именительный падеж русского, латинского языков).

И наоборот, с совмещающим эргативным падежом переходный глагол не согласуется: совмещающий эргатив — падеж косвенный; соответствующая эргативная конструкция окажется пассивной.

Таким образом, взаимосвязанными оказываются квалифика-

---

[2] «Не насилу же веревкой приволакивать винительный падеж, — писал Антоний в 1767 г., — его не имеется в некоторых языках Европы...».

[3] *Услар П. К.* Чеченский язык. 1888, § 49, с. 65 (печатное издание). В 1862 г. — литографир. издание.

[4] *Яковлев Н. Ф.* Синтаксис чеченского литературного языка. М.; Л., 1940, с. 46—48.

ция эргативного падежа («прямой», «косвенный») и квалификация «переходного» глагола и соответствующей синтаксической конструкции, эргативной: пассивная поначалу, она становится (в языках с самостоятельным эргативом) конструкцией активной.

Между тем:

а) глагол естественно характеризовать по признакам, ему присущим: глагол не различающий залогов — действительного, страдательного — не может считаться ни активным, ни пассивным; в отношении залогов он будет индифферентным, как и имя существительное;

б) глагол переходный может не согласовываться с самостоятельным эргативом (напр., в чеченском, ингушском) и наоборот, согласовываться с совмещающим эргативом (напр., в грузинском яз. — во множ. числе с формантом -ta: dzmata tkwes «братья сказали», в адыгейском языке).

Согласование наблюдается в условиях личного спряжения. Но переходный глагол не согласуется с самостоятельным эргативом, если спряжение классное.

Синтаксическая валентность самостоятельного эргатива изменялась в зависимости от принципов спряжения.

6. Понятия «прямой падеж», «косвенный падеж» созданы применительно к грамматике древнегреческого языка, его морфологии: ptosis orthē «падеж прямой», «начальный», «данный без изменения»; ему противостоят падежи «косвенные» plagiai, отклоняющиеся от «прямого»: genikē «родовой», dotikē «дательный», aitiatikē «обусловленный».

В грамматике латинского языка orthē было названо «именительным» (nominativus букв. «назывной»), genike переведено через genitivus «родительный» (вместо «родовой»), aitiatikē превратилось в accusativus «винительный». В терминах casus «падеж» и declinatio «склонение» даны соответствия: ptosis «падение», «падеж» и отклонение от «прямого», «наклон».

Термины «прямой падеж», «косвенные падежи» из морфологии перешли в синтаксис: здесь прямой падеж (т. е. именительный) выступает в роли подлежащего, косвенные же падежи обозначают «дополнения (косвенные)».

7. В иберийско-кавказских языках положение иное: именительный падеж является падежом субъекта лишь для непереходных глаголов; при переходных же глаголах именительный падеж — это падеж объекта, к тому же «ближайшего объекта», т. е. «прямого дополнения».

Что же до эргатива, то в роли прямого падежа может выступать лишь «эргатив самостоятельный»: им объект не обозначается.

Но и самостоятельный эргатив **морфологически** невозможно считать «прямым» падежом: это не «назывная», «исходная» форма имени.

Итак, понятие «прямой падеж» и соотнесенное понятие — «косвенный падеж» не могут иметь в ИКЯ применения, адекватного этим понятиям в индоевропейских языках, конечно, если считаться со смыслом этих понятий и их структурной спецификой.

К. В. Ломтатидзе

ОКАМЕНЕЛЫЙ ПАДЕЖНЫЙ СУФФИКС В КЛЯТВЕННЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ В АБХАЗСКОМ И АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Общепризнано, что в абхазском языке нет системы склонения имени. В основном такое же положение наблюдается и в близкородственном абазинском языке.

Выделенные еще П. Усларом т. н. падежные формы имени, как, например, падеж союзный, падеж лишения, инструменталис, не следует квалифицировать как падежные формы имени[1].

Единственная форма имени, которую можно было бы считать падежной формой в абхазском языке, это обстоятельственно-превратительная форма имени[2] (по Услару — ы-фактитив) с суффиксом -s: а вы-s[3] «в качестве отца», р а-s «в качестве сына» и т. д., но при этом следует подчеркнуть, что именно по этой форме сильно расходятся между собой почти все абхазско-абазинские диалекты: в абжуйском диалекте, а также в бзыбском, большое распространение имеет падежная морфема -s (ы/а), в ашхарском диалекте (в его кувинском подговоре) на ее месте стоит суф. -n(ы), а в тапантском диалекте ее заменяет частица-суффикс -sta > -ta, позднейшего образования.

Для исходного состояния абхазского и абазинского языков в функции фактитива естественно допустить суффикс -n(ы), имеющий широкое применение как в различных разрядах имен, так и в глагольных и особенно деепричастных образованиях[4].

---

[1] А. Н. Генко в абазинском языке выделяет 6 падежных форм (*см. его:* Абазинский язык. Грамматический очерк наречия Тапанта. М., 1935, с. 118), но там же отмечает «относительную условность самого понятия падежа» в данном случае.

[2] Местоимения этой формы не имеют.

[3] Буквой *ы* в данной работе обозначается специфический иррациональный гласный абхазского языка. — *Прим. ред.*

[4] *Ломтатидзе К.* К образованию т. н. условно-целевого наклонения в абхазско-абазинских диалектах.— В кн.: Иберийско-кавказское языкознание, II. Тбилиси, 1948.

Наряду с формой превратительно-обстоятельственной в абазинском языке инструменталис сформировался как падежная форма, однако при отсутствии таких основных падежей, как номинатив, эргатив, датив и т. д.[5], трудно говорить о системе склонения.

Отсутствие падежной системы имени в рассмотренных языках компенсируется другими способами: в частности, порядком расположения имени в предложении, применением различных рядов лично-классных префиксов в глагольной форме и способом их расположения: lara lx°č dы-jы-lы-r-bejt̆ lasa «женщина брату показала своего ребенка» — в приведенном предложении ни одно имя не принимает падежного окончания, тогда как в глагольной форме каждое из них имеет свое соответствующее выражение, соответствующую морфему.

Выявление различных показателей в абхазско-абазинских диалектах при образовании обстоятельственно-превратительной формы имени указывает на различный источник и время их возникновения.

Среди них особо следует выделить суффикс -s(ы/а), который фигурирует в абхазских диалектах и на месте которого в абазинских диалектах выступают другие суффиксы.

Названный суффикс встречается в качестве словообразовательного элемента в словах: а-**wы**-га «делать»[6], а-ča-га «кушать».

Но, что особо важно отметить, эти слова, образованные при помощи суффикса -s бытуют и в абазинских диалектах, в которых суффикс -s в этой функции отсутствует (подобная форма с этим суффиксом в редких случаях появляется в пословицах)

Вопрос об историческом наличии падежей в этих языках решался по-разному. Н. Марр сперва считал, что в абхазском языке хорошо была развита система склонения. Впоследствии он придерживался мнения об отсутствии системы склонения в этом языке.

А. Генко пытался выявить следы наличия бывших падежных форм. Такими он считал формы, экспонентами которых служили: -**n**, -**s**, -**a**, -ы[7]

Падеж -**n** он называл падежом «местного» значения.

Падеж -**s**- «(быть) чем-либо», утраченный абазинскими диалектами, но сохранившийся в составе слов wыs «дело», čas «кушанье»

Для иллюстрации падежных форм на суффиксы *а* и *ы* он при-

---

[5] Об аккузативе и речь не может идти в этих языках как типичных иберийско-кавказских языках, на что в свое время указал и П. Услар (*см. его*: Абхазский язык.— Этнография Кавказа. Языкознание, I. Тифлис, 1887, с. 81).

[6] На эту связь указывал П. Услар (см.: Абхазский язык, с. 164—165).

[7] *Генко А. Н.* Указ. соч., с. 121—122.

водит, с одной стороны, ams'/ms'ы «день» и, с другой стороны,— jasыms'a «ежедневно» и т. п.[8]

Как выясняется, такие различные по вокализму формы основ имени — результат редукции гласных и трудно увязать с упомянутой морфологической функцией.

Что касается формы на -n, безусловно, эта форма, как выше было отмечено, имела и широкое распространение во всех диалектах и разнообразные функции, в основном обстоятельственного характера.

Формы же с суффиксом -s, о чем выше шла речь, позднего образования.

Более древним и общим для этих языков следует считать суффикс -s (<sa), образующий наречие образа действия: abas, abagasa «так, таким, образом» и т. п.

По функции он близко стоит к вышерассмотренному суффиксу обстоятельственно-превратительнай формы имени -s < -sa, чем и объясняется тот факт, что их часто отождествляют[9].

Их нельзя считать одним и тем же элементом. Они представляют собой совершенно различные по происхождению морфемы.

Суффикс -s < -sa, выступающий в основах обстоятельственных наречий, восходит к свистяще-шипящему спиранту s' (||s'a), ср. бзыбск. abas' («так, таким образом») и т. д., тогда как суффикс обстоятельственно-превратительной формы имени — свистящий спирант -s (||sa): aᵇыs «в качестве отца» и т. д.

Сфера применения суффикса -s|-sa (восходящего к свистяще-шипящему s'||s'a) ограничивается лишь местоименно-наречными основами (wыs', ans', ubas'...) и почти одинаково повторяется во всех абхазско-абазинских диалектах (здесь же следует указать, что местоимения не принимают свистящего спиранта -s' ни в одном из диалектов).

Суффикс -s(< -s'), выступает в подобной же функции и в глагольных наклонениях, в частности, в условно-целевом наклонении,

---

[8] А. Генко, на наш взгляд, не совсем удачно объединяет с ними ашхарские сложные образования со значением «материал для чего либо»: qax°tapыs «материал для бешмета» (при qax°tap «бешмет»), qыlpas «материал для шапки» (при qыlpa «шапка»), ajk°as «материал для брюк» (при ajk°a «брюки»), áuṛpas «материал для бурки» (при auṛpa «бурка»), (См. указ. соч., с. 123). Эти слова — композитного образования. Вторая часть приведенных слов восходит к самостоятельному слову as-qa (sasa) «материя».

[9] См.: *Услар П.* Указ. соч., с. 164—165; Georges Dumezil, Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. V Etudes Abkhaz. Paris, 1967, s. 14 (§ 10), 15 (§ 12); *Ломтатидзе К.* Проблема склонения в абхазском языке.— Известия ИЯИМК, т. XII, 1942. с. 191.

где он в этой форме заменяет обстоятельственно-превратительный суффикс -**п**[10].

Как мы уже отмечали выше, в именных основах нет случаев применения данного суффикса -s′ Но с этой точки зрения наше внимание привлекла окаменелая «частица» -**пыs**, образующая клятвенные выражения как в абхазском, так и в абазинском языке.

Широкое распространение имеет выражение абх. а п с°і **п ы s**, абаз. а п с° а j **п ы s** «ей-богу», где первое слово а п с° а — «бог» и вторая часть — j - **п ы s**.

Но -**пыs** встречается в клятвенных выражениях и с другими притяжательными лично-классными префиксами, как напр., sыpsд **а** п ы s «клянусь жизнью», sав[а] **j** - п ы s «клянусь отцом», san **l** - п ы s «клянусь матерью», wara **w** п ы s «клянусь тебе» и т. д.

Принимая различные притяжательные префиксы, -**пыs** является и носителем именного корня, на основе чего образуется словосочетание. Выходит, что само значение клятвы содержится в «частице» -**пыs**.

Естественно в клятвенной форме допустить присутствие слова «бог».

Как уже установлено, слово «бог», выступающее в настоящее время в виде а п с° а, содержит окаменелый суффикс множественного числа -**с°а** (П. Услар, П. Чарая, Н. Джанашиа, С. Джанашиа), в исходе же корень имел вид — **пы** < -**па**[11].

Таким образом, в клятвенной частице -**пыs** в качестве корневого элемента следует выделять **пы** (< **па**) «бог», а -**s** — окаменелый суффикс. Исходя из данных бзыбского диалекта, в котором названный суффикс имеет свистяще-шипящий вид — (**пыs′**), естественно его увязать с суффиксом -**s** (< -s′а) обстоятельственных наречий, образованных от указательных местоимений (см. выше).

Что в форме -**пыs′** следует ожидать «падежное» окончание, подтверждается на материале абазинского языка. Здесь -**пыs** дополнительно принимает и «падежное» окончание инструменталиса -**lа** и получается — **пыslа**, что толкуется как «ради»[12], букв. «**ради** (б о г а)».

Таким образом, в виде -**пыs** перед нами окаменелая форма слова «бог» с показателем обстоятельственно-наречного «падежа» «указательных местоимений». Ее функцию толковать точно затруднительно. При переводе на другие языки (напр., на грузинский) она соотносится с разными падежными образованиями.

---

[10] Подробно об этих вопросах см.: *Ломтатидзе К.* К образованию т. н. условно-целового наклонения..., с. 26—28.

[11] *Ломтатидзе К. В.* Еще раз о слове а п с° а («Божеский») в абхазском и абазинском языках. Известия Академии наук Грузинской ССР. Серия языка и литературы. Тбилиси. 1978, 3, с. 144—147.

[12] Абазинско-русский словарь. /Под ред. Тугова В. Б. М., 1967, с. 294.

Следовательно, исторически при абхазско-абазинской языковой общности нужно полагать два почти однородных суффикса -n(a) и -s′(a)[13] с общим значением. Из них широкое применение имел суффикс **n(a)**, выступающий в различных частях речи (за исключением местоимений), суффиксом же -s′(-s′/a) оформлялись основы указательных местоимений.

На основе анализа окаменелого клятвенного выражения удалось засвидетельствовать его и в основе имени «бог».

В дальнейшем приходится ставить вопрос о связи этих суффиксов — **-пы** и **s′ы** с соответствующими падежными окончаниями других родственных иберийско-кавказских языков.

---

[13] Однако это не тот -s(a), который имел в виду А. Генко (см. выше).

Г. В. Рогава

К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН ПО ПРИНЦИПУ ДВУХ ОСНОВ ПО ДАННЫМ АБХАЗСКО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

В абхазско-адыгских языках в отношении системы склонения имен наблюдаются расхождения существенного характера.

В абхазском и абазинском языках нет категории склонения имен, по крайней мере нет т. н. прямых падежей — номинатива и эргатива, характерных для других иберийско-кавказских языков.

В отличие от других иберийско-кавказских языков в абхазско-адыгских языках нет основных косвенных падежей — дательного и родительного. Функцию их в адыгских и убыхском языках выполняет эргативный падеж.

Отсутствие дательного падежа имен в указанных языках обусловлено тем обстоятельством, что в предикативных синтагмах функцию дательного падежа имен выполняют глагольные префиксы косвенных отношений, а функцию родительного падежа в атрибутивных синтагмах — посессивный префикс определяемого имени.

Относительно эргатива в функции творительного падежа будет сказано ниже.

В адыгских языках (как и в картвельских) имеются показатели эргатива двух формаций; древнейшего периода — в указательных местоимениях с окончаниями *щ* в адыгейском языке и *-бы* — в кабардинском языке — адыг *а-щ а-р ылъэгъугъ*, каб. *а-бы а-р йылъэгъуашъ* «тот его увидел», и второго, более позднего образования, в именах с окончанием *-м*, по происхождению указательного местоимения-артикля в эргативном падеже — *м* ← *мыщ* || *мы-бы:* адыг. *чIалэ-м лIыжъы-р ылъэгъугъ*, каб. *шъIалэм лIыжъы-р йылъэгъуашъ* «юноша увидел старика».

Показатели эргатива указательных местоимений — адыг *-щ* и каб. *-бы* — общеадыгские морфемы органического образования.

Наличие двух аффиксов эргатива следует считать исторически обусловленным наличием в указанных языках классного склонения [1].

---

[1] *Рогава Г. В.* К вопросу об эргативе в абхазско-адыгских языках. *ИКЯ*, XIV, 1964, с. 241 *(на груз. яз., резюме на рус. яз.)*.

Иная картина в отношении системы склонения в убыхском языке. В убыхском языке, в отличие от адыгских языков, наличен только один суффикс эргатива *-н* как в местоимениях — *уана-н* «тот» (эрг п.), так и в именах — *мызы-н* «юноша» (эрг. п.). Номинатив в убыхском языке (как в большинстве иберийско-кавказских языков) не маркирован.

Следует полагать, что в убыхском языке суффикс эргатива *-н*, как и в адыгских языках суффиксы эргатива *-щ* и *-бы*, с самого начала появились в указательных местоимениях. В убыхском языке этот местоименный суффикс эргатива стал суффиксом эргатива и имен.

Особое место занимают в отношении категории склонения абхазский и абазинский языки. В этих языках, как выше было сказано, нет категории склонения. Но имеются основания предполагать, что и в этих языках исторически указательные местоимения располагали основным падежом иберийско-кавказских языков — падежом эргатива; аффиксы эргатива *-б(а)* и возможно *-н(а)* в застывшем виде сохранились в указательных местоимениях — абх. *а-б-р-и* || *а-б-н-и а-н-и* «этот», ср. кабардинский действующий суффикс эргатива *-бы мы-бы* «этот» (эрг. п.), который во множественном числе вошел в состав основы указательных местоимений — *а-бы-хэ-р* (им. п.), *а-бы-хэ-м* (эрг п.)

В отличие от убыхского языка в абхазском и абазинском языках окаменелые суффиксы эргатива указательных местоимений *-б(а)* или *-н(а)*, когда они были действующими аффиксами, не были применены в именах в качестве эргатива, а также в отличие от адыгских языков эти же местоимения по определенным причинам не стали падежными окончаниями имен. В результате этого и в указательных местоимениях падежные окончания эргатива постепенно подверглись десемантизации.

Выше было указано, что в адыгских и убыхском языках нет основных косвенных падежей, и их функцию выполняет эргативный падеж, поэтому в этих языках не может образоваться склонение имен по принципу двух основ, характерное для многих западных иберийско-кавказских языков.

Но адыгским языкам потенциально присуще образование склонения имен по принципу двух основ.

В этом отношении вызывает интерес тот факт, что и в адыгских языках в результате появления суффикса инструменталиса *-чIэ* ← *-кьIэ* образовалась одна форма склонения имен по принципу двух основ. В указанных языках имеется два вида образования инструменталиса: один, более древний вид, образован, как и «дательный падеж», эргативом с помощью префикса *ры-* в глаголе — адыг. *пшъашъэ-м джанэ-р мастэ-м р-и-дыгъ* ← *ры-йы-дыгъ* «девушка рубаху иглой сшила», а второй вид инструменталиса, следует полагать, более позднего образования, с суффиксом *-чIэ* ← *кьIэ* — *мастэ-м-чIэ* || *мастэ-чIэ* «иглой». В этом случае отпадает глагольный префикс инструменталиса — *ры-: пшъашъэ-м джанэ-р мастэ-чIэ* || *мастэ-м-чIэ ыдыгъ* «девушка рубаху иглой сшила».

Падежная форма имени *мастэ-м-чIэ* по существу образец склонения имен по принципу двух основ.

Это же предположение подтверждается и данными сванского языка. Как это установлено С. Н. Джанашиа, в сванском языке имеется адыгский субстрат в виде суффикса эргатива *-м* и при наличии в сванском самостоятельного суффикса родительного падежа *-иш* образовался родительный падеж по принципу двух основ: сван. *мäре* «человек» (им. п.) *мäре-м* (эрг. п.), *мäре-м-иш* (род .п.)[2].

---

[2] *Джанашиа С. Н.* Сванско-адыгские (черкесские) языковые связи. — Известия ИЯИМК АН ГрузССР, т. XII, 1942, с. 249—278 *(на груз. яз., резюме на рус. яз.).*

Ш. Т Апридонидзе

ФОРМЫ ОБРАЩЕНИЯ И ВОПРОС СЛОГОВОГО СОСТАВА ГРУЗИНСКИХ ЛИЧНЫХ ИМЕН

В современном грузинском языке обращение передается: в глаголах — через императивную форму, в именах же — через вокативную, т. н. звательную форму, причисляемую многими учеными (А. Г Шанидзе и др.) к падежам. Однако сразу же следует оговориться, что синтаксическая необусловленность (или необязательная обусловленность), своеобразная синтаксическая автономия вокативной формы, с одной стороны, и ритмико-интонационная обособленность, с другой, позволяет рассматривать тезис о падежности этой формы в плане дискуссионном (А. С. Чикобава, В. Т. Топуриа).

За неимением собственных дополнительных аргументов в пользу того или иного мнения, не втягиваясь в дискуссию, в настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с вокативной формой существительных.

Прежде всего привлекают внимание вокативные формы имен нарицательных. Имена любой длины с согласным исходом в основе и односложные имена с гласным исходом присоединяют в качестве форманта вокативности лабиальный гласный *-о* (напр.: *ღმერთ-ო!* «боже!», *მზე-ო!* «о, солнце!»); существительные же подлиннее предпочитают остаться без наращения гласного, довольствуясь, и то факультативно, консонантным рефлексом гласного *о* — лабиальным согласным *в* (напр., *სამშობლო-ვ!* «о, родина!»), фактически не меняя в конечном итоге длины, т. е. слогового состава существительных.

Следовательно, для реализации вокативной формы в современном грузинском языке необходимый минимум слогов — два слога. Односложных вокативных форм в грузинском языке практически нет (исключения лишь стилистического и ритмического порядка и вызваны версификационными нуждами).

Учитывая функциональное назначение вокатива как формы императивного обращения, представляется вполне закономерным, что произношению этой формы сопутствует относительно высокий тон и повышенная напряженность голоса.

2 Заказ 301

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА АДЫГЕИ

825545

С другой стороны, поскольку вокативная форма является интонационно и ритмически изолированной единицей, в любой позиции она выделяется паузой (графически выражаемой знаками препинания), и предпаузная позиция — ее постоянная и стабильная позиция.

Соединив и обобщив последние два положения, получаем, что в предпаузной позиции при более интенсивной и напряженной модуляции голоса вокативная форма нарицательных имен избегает односложности и стремится к гласному исходу, вокализации окончания.

В общности этих двух факторов вырисовываются контуры определенной группы имен, условно называемой нами «родительской группой». В ее состав входят аппелятивы со значением кровных родственников исключительно старшего поколения (мать, отец, дядя, тетя, бабушка, дедушка, кормилица, крестная мать / крестный отец), выступающие в качестве личных имен. Все эти имена без исключения оканчиваются на гласный *а* и ни одно из них не является односложным *(деда, мама, бидза, деида, мамида, бебиа, папа, бабуа, дзидза...)*.

Функционирование вышеотмеченных существительных в качестве личных имен доказывается несколькими фактами: омоформные дублеты ведут себя по-разному в зависимости от того, выполняют ли они функцию нарицательного или собственного имени: в частности, выполняя функцию нарицательных, они усекаются в двух падежах (в родительном и творительном) и множественном числе, например: *Мам-ис мовалеоба швилис цинаше* — «Долг отца перед сыном», а в функции личных имен — не усекаются, например: «*Мама-с чибухи*» — «Папина трубка» (Примеры А. С. Чикобава. См. его предисловие к «Толковому словарю грузинского языка», т. I, Тбилиси, 1950, с. 038.)

Следовательно, омоформность апеллятива и имени собственного преодолевается морфологической дифференцированностью.

В этой связи интересны данные родственного грузинскому языку сванского языка, где нарицательное значение «матери» и «отца» реализуется односложными словами *ди* и *му* соответственно, а собственное значение — двусложными вариантами: *деде / нана* «мама», *буа/баба* «папа».

Нарицательные и собственные значения отмеченных существительных дифференцированы в ряде индоевропейских языков, в том числе и русском, английском и др., например: мать — мама, отец — папа и т п. Но эта дифференциация не основана на слоговой оппозиции. Поэтому аналогичность на первый взгляд фактов сванского и индоевропейских языков удовлетворяют лишь условиям семантической типологии, которые могут совпадать во многих языках различных систем. В структурном же отношении они в корне отличны.

Еще одна специфическая черта существительных «родительской группы»: все они сочетаются (могут сочетаться) с инверсивно расположенными, т. е. постпозитивными притяжательными

местоимениями, образуя сложные слова, т. е. композиты типа *дедачеми, мамачеми, деидачеми* («мать-моя», «отец-мой», «тетя-моя» соответственно) и др. Аналогичные композиты образуются и в родственном грузинскому занском языке, напр., в мегрельском диалекте засвидетельствованы композиты: *диачкими* «мать-моя», *мумачкими* «отец-мой» и т. д.[1]

Подобные композиты не знакомы известным (и доступным) нам индоевропейским языкам, что лишний раз доказывает специфичность грузинских и вообще картвельских апеллятивов со значением родителей, вернее, кровных родственников старшего поколения, равнозначных личным именам.

Систематичность рассматриваемого явления хорошо подтверждается показаниями слогового состава собственных (личных) имен в грузинском языке. Констатирован факт, что грузинские личные имена неодносложны[2]. Действительно, в наиболее полном по сей день списке картвельских личных имен (а их около 13 000 единиц[3]) нет ни одного односложного имени.

Симптоматично, что при заимствовании из других языков односложных имен последние обязательно становятся двусложными. Так, например, случилось с именем иранского происхождения *Гив*, распространенным в грузинском языке после перевода «Шахнамэ», или «Книги царей» Фирдоуси. В произведении этот антропоним имеет односложную основу и склоняется соответственным образом: *Гив-ман* (эрг.), *Гив-са* (дат.), *Гив-о* (вокат.) Однако постепенно форма именительного падежа *Гив-и* стала основой и получила новые формы склонения: *Гиви-м* (эрг.), *Гиви-с* (дат.), *Гиви!* (вокат.) и т. д.

То же самое случилось с именем *Дал* (ныне *Дали*), а также с нарицательными, ставшими впоследствии антропонимами: *Лали, Нукри, Бичи* (апеллятивные значения «рубин», «олененок», «мальчик» соответственно)

Таким образом, односложное имя с согласным исходом в основе реализовало две отмеченные нами тенденции формы обращения, в частности, вокативной формы: стремление избежать односложности и стремление к гласному окончанию.

Именно поэтому не столь эффективной кажется борьба литературной нормы против неправильных вокативных форм антропонимов, а именно, *Нодари! Вахтанги!* и т. д. вместо литературных форм: *Нодар! Вахтанг!* и т. д.

---

[1] В чанском диалекте занского языка в образовании сложных слов участвует также существительное неродительской группы *джума* «брат». Аналогичные выражения представляются А. С. Чикобава промежуточной ступенью между композитами и словосочетаниями. См.: *Чикобава А. С.* Грамматический анализ чанского диалекта, Тифлис, 1936, с. 68 *(на груз. яз.)*.

[2] *Чумбуридзе З. Г* Структура личных имен в грузинском языке. — VIII Республиканская научно-методическая конференция кафедр грузинского языка Вузов Грузинской ССР: Тезисы докладов. Кутаиси, 1970, с. 15.

[3] *Глонти А. А.* Картвельские собственные имена. Тбилиси, 1967 *(на груз. яз.)*.

Кроме того, само по себе неоспоримое толкование имен греческого происхождения с исходом на *-е* — типа *Петре, Иване, Христе* — греческих вокативных форм как результата устных, непосредственных контактов[4] требует дальнейшей детализации: устные контакты с греческим, надо полагать, не исключались и в случае многих других языков, однако лишь грузинский усвоил их в вокативе, превратив эту форму в основу. Причина лежит в ритмико-интонационных особенностях заимствующего, в данном случае — грузинского языка.

Учитывая исходную функцию личных имен — функцию императивного выделения и обращения, реализуемого в условиях повышения тона и напряжения голоса, а также интонационные особенности предпаузной позиции подобных единиц, логично допустить, что двусложность — необходимое и достаточное условие для реализации обращения. Максимальное же условие — вокальное окончание обращения.

С этим выводом хорошо согласуется поведение односложных слов при общем вопросе, требующем альтернативных ответов *да* или *нет*, либо при переспросе. Например: *ки-и? хо-о? ха-ар? га-аквс?* и т. д. («да?» «есть ли?» «имеешь?»)

Как видим, за счет удвоения корневого гласного односложное слово становится двусложным. Это явление убедительно показала К. В. Ломтатидзе на примерах придаточных предложений[5]. Тут уместно вспомнить функционирование древнегрузинской вопросительной частицы *-а*, сохранившейся в настоящее время в северо-восточных диалектах грузинского языка (в хевсурском, пшавском и др.), которая присоединялась в основном к глаголу либо к любому конечному слову предложения. В обоих случаях частица *-а* занимает предпаузную позицию, поскольку глагол, даже в серединной позиции, являясь предикатом, потенциально реализует и, следовательно, как бы завершает предложение. Поэтому нет принципиальной разницы в изохронности между глагольными формами: *ха-ар?* и *хар-а?; га-аквс?* и *гаквс-а?* и т. д. Упразднение вопросительной частицы *-а* компенсируется удвоением корневого (единственного!) гласного.

С этим же вопросом увязывается вопрос предпаузной позиции т. н. эмфатической частицы *-а*, присоединяемой к форме косвенных падежей (дательного, генетивного, творительного и направительного)[6] Одна из основных синтаксических функций этой частицы — создать замкнутую конструкцию путем наращения на постпозитив-

---

[4] *Каухчишвили С. Г* О передаче греческих мужских имен в грузинском языке. — В кн.: К истории склонения имен в картвельских языках, I, Тбилиси, 1956, с. 151

[5] *Ломтатидзе К. В.* Одна особенность придаточного предложения в некоторых грузинских диалектах. — ИКЯ, I. Тбилиси, 1946, с. 242—243.

[6] *Зурабишвили Т Д.* Эмфатическая частица *а* в новогрузинском языке. — В кн.: К истории склонения имен в картвельских языках, I, Тбилиси, 1956, с. 228.

ное генитивное определяющее (напр., *лекси Орбелианис-а* «стихотворение Орбелиани», ср. *Орбелианис* = ∅ *лекси*).

Таким образом, все вышерассмотренные факты, касающиеся казалось бы совершенно различных единиц — вокативных форм апеллятивов, существительных т. н. «родительской группы», антропонимов, эмфатической частицы *-а* в именах и вопросительной частицы *-а* в глаголах — и ряд других вопросов, сосредоточиваясь в одном кругу, имеют одну направленность.

Отмеченная тенденция представляется общекартвельской. В индоевропейских языках подобные явления в комплексе не отмечаются. Интересно было бы в этой связи изучить данные северокавказских языков. Пока же на настоящем этапе и уровне наших знаний рассмотренную тенденцию можно считать специфически картвельским феноменом. Плоскость рассмотрения, разумеется, должна быть только исторической. Такой подход позволяет проследить за процессом морфологизации фонемного инвентаря с идентичной исходной функцией.

Б. Х. Балкаров

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

В абхазо-адыгских языках в число главных членов предложения входят не только подлежащее и сказуемое, но и прямое дополнение. В ряду главных членов предложения прямое дополнение занимает специфическое положение. Своеобразие его положения проявляется в том, что оно является главным структурным элементом эргативной конструкции предложения. Оно определяет структуру предложения и те отношения, которые складываются между его членами. Только одно его появление преобразует предложение номинативного строя в предложение эргативного строя. Это наиболее ярко обнаруживается в абхазском и абазинском языках. Так, абхазское номинативное предложение *Сара сфоитI* «Я кушаю» превращается в эргативное благодаря включению в его состав прямого дополнения *Сара ажьы йысфойтI* «Я кушаю мясо». То же самое наблюдается и в абазинском. Ср.: абазинские предложения *Сара сыфитI* «Я кушаю» с *Сара ажьы йысфитI* «Я кушаю мясо».

Аналогичное отмечается и в других западнокавказских языках, когда в предложении в роли сказуемого выступает лабильный глагол. Например, в кабардинском языке предложение *Сэ совэ* «Я пашу» является номинативным, а предложение *Сэ хьэсэ совэ* «Я пашу поле» — эргативным. В этих предложениях синтаксическую роль сказуемого выполняет лабильный глагол *вэн* «пахать». Трансформация номинативной конструкции в эргативную связано с включением в состав второго предложения прямого дополнения. Такие превращения характерны для адыгейского и убыхского языков. Вот примеры: адыг. *Сэ сэжъуэ* «Я пашу» и *Сэ хьас сэжъуэ* «Я пашу поле», убых. *Сыгъуэ сыжъэн* «Я пашу», *Сыгъуэ атгъуэ сыжъэн* «Я пашу поле».

Перестройка номинативного предложения в эргативное вызывает изменения структуры и парадигмы глагола-сказуемого: он становится двуличным путем включения в его состав индекса прямого дополнения, причем он отодвигает назад показатель подлежащего и занимает первое место. Кроме того, в парадигме наблюдается редукция согласовки показателей членов предложе-

ния в формах прошедших и будущих времен, что является причиной ассимилятивных явлений.

Тот факт, что индекс прямого дополнения занимает первое место среди показателей членов предложения, указывает на то, что прямое дополнение как член предложения в этих языках обладает тем же статусом, что и подлежащее номинативной конструкции.

Дополнительной опорой для такого утверждения служат данные нахских и некоторых дагестанских языков, в которых сказуемое эргативной конструкции предложения согласуется обычно с прямым дополнением. В связи с этим в этих языках в состав сказуемого включается классный показатель прямого дополнения и не включается классный показатель подлежащего[1]. Приведем примеры из чеченского и аварского языков: чечен. *Дарас и книга йешна йу* «Дара прочитала уже эту книгу»; авар. *Инсуца хур бекьана* «Отец поле пахал»[2]. В этих предложениях сказуемое согласуется с прямым дополнением, включив в свой состав классный показатель последнего.

Одинаковый с подлежащим номинативной конструкции ранг прямого дополнения в абхазском и абазинском проявляется еще в форме их представителей в сказуемом. Если эти члены предложения выражены третьим лицом, то их представители не различают класса мужчин и класса женщин. В качестве их индекса в сказуемом выступает нерасчлененный показатель класса человека *-д:* абхаз. *д-цеитI* «он (ч.) ушел», *ды-рбеитI* «его (ч.) они увидели»[3], абазин. *д-цатI* «он (ч.) ушел», *ды-рбатI* «его (ч.) они увидели»[4].

Паритет этих членов предложения обнаруживается еще и в том, что в адыгских языках, в которых имеется склонение, оба принимают одну и ту же форму. Общей формой для них является именительный падеж: каб. *цIыхур матхэ* «Человек пишет», *ЦIыхухэм тхылъыр йатх* «Люди пишут книгу»; адыг. *ЦIыфыр матхэ; ЦIыфмэ тхылъыр атх.* В этих примерах подлежащее номинативного предложения *цIыхур* || *цIыфыр* стоит в именительном падеже, как и прямое дополнение эргативного предложения *тхылъыр.*

Одинаковый статус подлежащего номинативного предложения и прямого дополнения эргативного предложения обусловлен, вероятно, тем, что на оба этих члена предложения одинаково распространяется действие, выражаемое сказуемым. В номинативной конструкции подлежащее совершает действие и испытывает на себе самом это действие, т. е. как бы одновременно выступает в двух ролях: субъекта и объекта. В эргативном же предложении действие не распространяется на подлежащее. Здесь оно не только совершает действие, но и служит своеобразным орудием этого действия, с помощью которого осуществляется воздействие на

---

[1] Языки народов СССР, т. IV (иберийско-кавказские языки). М., 1967.
[2] Там же, с. 206 и 267
[3] Там же, с. 113.
[4] Там же, с. 135.

прямое дополнение. С этой функциональной особенностью эргативного подлежащего связано употребление формы эргативного падежа для выражения орудного дополнения в определенных типах предложения в адыгских языках.

Аналогичное явление в адыгейском языке У С. Зекох объясняет тем, что в его синтаксисе, кроме сказуемого, все члены предложения имеют статус дополнения[5].

В западнокавказских языках по-разному выражается прямое дополнение.

В адыгских языках обычна двойная связь между прямым дополнением и сказуемым: прямое дополнение принимает форму именительного падежа, а его показатель включается в состав сказуемого. Примеры: каб. *Сабийхэм мыIэрысэр йаих* «Дети едят яблоко», адыг *Пшъашъэжъыем мыIэрысэр йеих* «Девушка ест яблоко».

В этих предложениях прямое дополнение *мыIэрысэр* оформлено именительным падежом и оканчивается на *-р*. Его форма обусловлена сказуемым, выраженным переходным глаголом *йаих* || *йеих*. Это линия связи, идущая от сказуемого к прямому дополнению, а другая — идет в обратном направлении: прямое дополнение вызывает появление его индекса *-й* в составе сказуемого.

Иногда вторая линия связи может отсутствовать. Это отмечается в адыгейском языке, когда прямое дополнение выражено 3-м лицом: *ХьакIэмэ нашэр аих* «Гости едят дыню»[6].

Подобное встречается и в бесленеевском диалекте: *Сабий эм нашэ аих*. «Дети едят дыню». Ср.: каб. литер. *ХьэщIэхэм нащэ йаих* «Гости едят огурец».

Показатель прямого дополнения в сказуемом опускается в обоих языках, когда подлежащее выражено личными местоимениями: каб. *Сэ нащэр соих* «Я ем огурец», *Дэ нащэр доих* «Мы едим огурец»; адыг *Сэ нащэр сэих* «Я ем дыню», *Тэ нашэр тэих* «Мы едим дыню».

В индефинитной конструкции предложения в адыгских языках одинарная связь между прямым дополнением и сказуемым выражается включением в состав сказуемого индекса прямого дополнения. Каб. *Сэ уэ уыслъэгъуащ* «Я тебя увидел», *Жэм лъакъуэ шкIэ йыукIыркъым* «Коровья нога не убивает теленка», адыг. *Сэ уэ услъэгъуагъ*.

И в этой конструкции сказуемое утрачивает показатель прямого дополнения, выраженного 3-м лицом, если в роли подлежащего выступает личное местоимение: каб. *Сэ тхылъ сотх* «Я пишу книгу», адыг. *Сэ тхылъ сэтх*.

В таких предложениях нет прямой связи между сказуемым и прямым дополнением. На наличие последнего указывает переходность глагола, выступающего в роли сказуемого.

---

[5] *Зекох У С.* О структуре простого предложения в адыгейском языке.— В кн.: Строение предложения в адыгейском языке. Майкоп, 1976.

[6] *Зекох У С.* Там же, с. 20.

Индекс прямого дополнения, выраженного 3-м лицом, опускается и в тех случаях, когда в состав сказуемого включаются превербы направления: каб. *Абыхэм тхылъыр къахь* «Они несут книгу (сюда)»; *Абыхэм тхылъыр нахь* «Они несут книгу (туда)»; адыг. *Абымэ тхылъыр къахь; Абымэ тхылъыр нахь.*

Редукция показателя прямого дополнения под влиянием превербов направления в адыгейских языках связана с тем, что последние занимают обычно ту позицию, которая характерна для индекса прямого объекта.

В убыхском языке связь прямого дополнения со сказуемым осуществляется так же, как в индефинитной конструкции в адыгских языках. Само прямое дополнение не получает падежного окончания, зато его индекс включается в форму сказуемого: *Сыгъуэ уыыъуэ узбиен.* «Я вижу тебя»; *сыгъуэ уана азбиен*[7] «Я вижу его».

В первом предложении показателем прямого дополнения в составе сказуемого выступает *-у* — согласный элемент личного местоимения второго лица единственного числа, а во втором предложении *-а* — гласный элемент личного местоимения 3-го лица. Они занимают первое место среди индексов членов предложения.

Показатель прямого дополнения может опускаться, если оно выражено 3-м лицом личного местоимения: *Уалуена уана абиен* «Они видят его»[8] Подобное наблюдается и тогда, когда прямое дополнение выражено существительным: *Ши-джила-гъы-зу а-нарт-ин ы-ки-къа*[9] «Нарт убил нашего старшего брата». Правда, в этих предложениях подлежащее оформлено эргативным падежом. Больше того, если в предложении отдельным словом выражен один из субъектно-объектных членов, то отмечается редукция индекса прямого дополнения: *Сыгъуэ стхын* «Я пишу что-то», *Уычьи збиан* «Я вижу твою лошадь»[10]

Представляет интерес индекс прямого дополнения *-а.* Он материально увязывается с картвельским префиксом переходности *-а,* который сохранился в сванском, факультативно встречается в грузинском[11].

В убыхском языке этот префикс используется для образования переходной формы глагола: *а-стхо* «я пишу что-то», *а-утхо* «ты пишешь что-то», *а-шьтхо* «мы пишем что-то»[12].

В абхазском и абазинском языках связь между прямым дополнением и сказуемым одинарная: она осуществляется включением в форму сказуемого показателя грамматического класса того

---

[7] Dirr A. Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928, 43.

[8] Dort auch, s. 44.

[9] Dumezil W Les lange des oubykhs, Paris, 1931, s. 117.

[10] Dirr A. Die Sprache der Ubychen, Leipzig, 1928; Mesiaros Y. Die Päkhy-Sprache, Chicago, 1934; Dumezil W Le verbe ubykhs, Paris, 1975.

[11] *Чикобава Арн.* К вопросу о переходности глагола как морфологической категории.— В кн.: Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп, 1980.

[12] Meszaros Y. Die Päkhy-Sprache, Chicago, 1934, s. 115.

имени, которое выступает в синтаксической роли прямого объекта. Примеры: абазин. *Сара уара уызбитI* «Я вижу тебя»; *Ауи йсамалет адгьыл йгIаквйырчIвахэт* «Он посадил свой самолет на землю»; абхаз. *Сара уара уызбойтI; АпхIвызба лахIвшьа илылтеитI ашвкъу*[13] «Девушка дала книгу своей сестре».

Показатель прямого дополнения в этих языках тоже может опускаться. Это явление находится в определенной зависимости от класса существительного: если в роли прямого дополнения выступает существительное класса вещей, то его показатель в сказуемом опускается. Например: абазин. *АчкIвын ала батI* «Мальчик увидел собаку»; абхаз. *АчкIвын ала беитI*.

Оно зависит и от позиции прямого дополнения: если оно непосредственно соседствует со сказуемым, то его показатель редуцируется. Например: абазин. *ГIвшварацыгIвчва йаразынла йара шварахкI рбатI*[14] «Два охотника одновременно заметили оленя»; абхаз. *ГIвджашварацагIвцва иаразнак шварахкI рбеитI*. Срав. абазин. *ШварацыгIв ашварах зынла йыбатI* «Охотник увидел сразу оленя»; абхаз. *АшварацагIв ашварах зныкIала йырбеитI*.

Разные способы выражения прямого дополнения в этих языках отражают разные этапы становления переходной конструкции и средств актуализации ее структурных элементов. Первоначально синтаксическая конструкция приобретала переходный характер благодаря появлению в составе предложения прямого дополнения. Его синтаксическим индикатором служила позиция в предложении. Такой позицией являлось место непосредственно перед сказуемым. Об этом свидетельствует тот факт, что в абхазском и абазинском языках индекс прямого дополнения, выраженного 3-м лицом, опускается, если прямое дополнение стоит непосредственно перед сказуемым: абазин. *АчкIвын ала батI*. «Мальчик увидел собаку»; абхаз. *АчкIвын ала беитI*.

В связи с развитием грамматических классов появляется дополнительное средство выражения синтаксической роли членов предложения. Таковым становятся классные показатели имен. Они, включаясь в состав сказуемого, начинают выполнять функции синтаксических индикаторов. Этот этап сохраняют абхазский и абазинский языки. Примеры: абхаз. *Агъьынч инапха дидыруеитI* «Вор знает своего доносчика»[15]; абазин. *ХъацIа апхIвыспа зынла дыйыбатI* «Мужчина увидел сразу девушку».

На следующем этапе становления переходной конструкции предложения в языке появляется эргативный падеж, который выполняет функцию синтаксического индикатора подлежащего. В оппозиции к нему оказывается нулевое окончание имени как именительный падеж. Эта форма выступает как носитель синтаксической функции прямого дополнения. При этом сохраняются индек-

---

[13] Грамматика абазинского языка. Черкесск, 1976, с. 113.

[14] Языки народов СССР, т. IV, с. 120.

[15] Грамматика абхазского языка (фонетика и морфология). Сухуми, 1968, с. 91.

сы членов предложения в составе сказуемого с тем же порядком, что и при индефинитной конструкции. Этот этап сохраняет убыхский язык. Например: *АшуакIьан антI йыкукъа* «Охотник убил дракона»[16] В этом предложении подлежащее *ашуакIьан* оформлено эргативным падежом и оканчивается на *-н,* а прямое дополнение *антIа* имеет нулевое окончание. На первичность этого этапа указывают и данные грузинского языка.

И, наконец, последний этап становления переходной конструкции в западнокавказских языках связан с дальнейшим развитием склонения имени, когда появляются формы и других падежей. В результате падежное оформление получает не только подлежащее, но и прямое дополнение: первое получает окончание эргативного падежа и второе — именительного падежа. Наряду с этим в состав сказуемого включаются их индексы в строго определенном порядке. Этот этап представлен в адыгских языках. Приведем пример из кабардинского языка: *Колхозхэтхэм нартыхур йапщIаш* «Колхозники пропололи кукурузу». В этом предложении подлежащее *колхозхэтхэм* оформлено эргативным падежом, а прямое дополнение *нартыхур* — именительным падежом. Вместе с тем индексы этих членов предложения *-а, й-* присутствуют в сказуемом.

В адыгейском языке в таком предложении сказуемое утрачивает индекс прямого дополнения: *Ахэр зэужэ колхозникхэм агъэбылъыгъагэх* «Все это колхозники спрятали»[17]

Опускание индекса прямого дополнения наблюдается и в кабардинском, когда оно выражено 3-м лицом, что отмечено выше.

Все это указывает на то, что стадии становления переходной конструкции предложения и способов выражения ее структурных элементов, отмечаемые в абхазо-адыгских языках, — не застывшие формы: они подвергаются определенным сдвигам.

Данные убыхского языка проливают свет на историю становления системы склонения в адыгских языках. Она выглядит следующим образом: вначале появился эргативный падеж, который противопоставлялся нулевому окончанию. Последняя форма в оппозиции к эргативу выступала в функции именительного падежа. Эти два падежа обеспечивали потребности языка в выражении не только субъектных отношений, но и объектных в прошлом. Об этом свидетельствуют случаи оформления объектных членов предложения этими падежами. Вот некоторые примеры из кабардинского языка: *Колхозхэтыр пхъэIэщэм йыровэ* «Колхозник пашет плугом». В этом предложении эргативный падеж замещает послеложный падеж и оформляет орудное дополнение. Этим падежом оформляется косвенное дополнение: *ЩIалэр шым йэIусащ* «Парень тронул лошадь».

Эти формы принимают и обстоятельственные члены предложения: *Ар мэзым макIуэ* «Он едет в лес»; *Сабийхэр школым щоджэ*

---

[16] Языки народов СССР, т. IV, с. 702.

[17] *Рогава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар, 1966, с. 344.

«Дети учатся в школе». В этих предложениях обстоятельственные члены оформлены эргативным падежом.

Именительный падеж оформляет не только подлежащее в непереходной конструкции, но и прямое дополнение, как показано выше.

В дальнейшем в связи с ростом и усложнением потребности языка в выражении синтаксических отношений в адыгских языках на базе форм первых двух падежей развились флексии остальных падежей, как в дагестанских языках.

Формы на *-м* и *-р*, как любые падежные формы, содержали элемент определенности, так как они выделялись среди нулевых форм имени. Этот элемент увеличился в формах послеложного и обстоятельственного падежей, в которых наряду с этими флексиями присутствовали специфические падежные окончания *-кIэ* и *-уэ*. Больше того, в формах последних падежей они утратили свое главное значение и превратились в показатели определенности. В свою очередь это способствовало усилению значения определенности в семантике форм эргативного и именительного падежей.

В связи с этим в адыгейских языках стали различать два типа склонения имен: определенный и неопределенный.

З. У. Блягоз

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СКЛОНЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Во взаимодействие друг с другом вступают как родственные, так и неродственные языки. При контактировании родственных языков взаимодействие проявляется сильнее на всех уровнях языковой структуры, чем при соприкосновении неродственных языков.

Известно, что русский и адыгейский языки разносистемны. Контактирование их началось еще до Великой Октябрьской социалистической революции, но особенно интенсивно началось взаимопроникновение языковых единиц после установления Советской власти. При этом русский язык стал оказывать огромное благотворное влияние на адыгейский язык, в первую очередь, в области лексики и фразеологии. Это естественно, так как при контактировании языков наиболее проницаемым уровнем языка является лексика.

Лексические заимствования из русского языка и через него, особенно ономастические слова, в заимствующем языке «ведут себя» своеобразно.

Заимствованные слова в адыгейском языке подвергаются фонетической, лексико-семантической и грамматической адаптации. Например, дореволюционные заимствования в адыгейском языке [*къэбаскъ*] — капуста, [*кэнау*] — канава и послеоктябрьские русские заимствования [*кэммунизм*], [*сэциализм*], [*сэвет*] и другие. Некоторые русские слова, проникая в адыгейский язык, могут употребляться в ином значении, чем в языке-источнике. Так, слово *костюм* используется в адыгейском языке в значении «пиджак», этого значения данное слово не имеет в русском языке. Слово «милиция» (*милицие*) в адыгейском языке употребляется в значении «милиционер», которого не знает язык-источник. Подобных фактов в адыгейском языке немало.

Русские слова, проникшие в адыгейский язык, подчиняются грамматическим законам заимствующего языка: изменяются по числам (*пальто — палътэухэр, стол — столхэр, доскэ — доскэхэр*); склоняются по четырехпадежной системе адыгейского языка, теряют категорию рода.

Говоря о склонении заимствованных существительных, отметим, что все типы заимствованных из русского языка слов, в отличие

от языка-источника, изменяются по падежам без исключения. Известно, что в русском языке, например, обычно не склоняются сложносокращенные слова, за исключением отдельных слов; не изменяется по падежам ряд лексических единиц — нарицательные существительные и собственные имена и фамилии типа *кино, депо, кашне, метро; Короленко, Москаленко, Матвиенко.*

В адыгейском же заимствующем языке эти слова склоняются по падежам. Например: им. п. *радио-р,* эрг п. *радио-м,* тв. п. *радио-м-кIэ,* пр. п. *радио-эу;* им. п. *СССР-р,* эрг. п. *СССР-м,* тв. п. *СССР-м-кIэ,* пр. п. *СССР-эу.* Так же склоняются все нарицательные заимствованные существительные.

Однако в системе склонения заимствованных антропонимов нередко наблюдается вариантность падежных форм личных имен и фамилий. В именительном падеже исконно адыгейские фамилии, в отличие от существительных нарицательных, обязательно принимают падежные окончания. Например, им. п. *Бэгъыр, Хьатыкъор;* эрг. п. *Бэгъым, Хьатыкъо-м,* тв. п. *Бэгъы-м-кIэ, Хьатыкъо-м-кIэ;* пр. п. *Бэгъэ-у, Хьатыкъо-у.* Здесь формы именительного и эргативного падежей противопоставлены. В склонении же заимствованных имен и фамилий обнаруживаются особенности, связанные с возможностью варьирования форм выражения значения названных падежей, что совершенно справедливо отмечается проф. Кумаховым М. А.[1] Например, в адыгейском языке наряду с именительным падежом, оформленным флексией *-р,* для иноязычных фамилий и имен возможна форма именительного падежа с нулевой флексией. Так, возможны формы в функции подлежащего в именительном падеже с окончанием *-р: Поповыр, Комаровы-р, Семеновы-р* и *Попов, Комаров, Семенов: Поповыр къэджагъ* «Попов позвал» и *Попов къэджагъ* «Попов позвал».

То же самое наблюдается, когда заимствованные личные имена и фамилии оказываются в объектной синтаксической позиции. Например: *Дороховыр тадэжъ къэсщагъ* «Дорохова привел я домой» и *Дорохов тадэжь къэсщагъ* «Дорохова привел я домой».

Следует отметить, что такая вариативность падежных форм при склонении заимствованных личных имен чаще обнаруживается в устной речи и художественных произведениях. Подобные явления реже встречаются в газетном стиле.

Противопоставление форм именительного и эргативного падежей при склонении исконных фамилий и имен может быть снято при склонении иноязычных фамилий, сочетающихся со сказуемыми, выраженными переходными или непереходными глаголами. Например: *Владимир матхэ* «Владимир пишет»; *Владимир етхы* «Владимир пишет что-то». Сравните эти факты с исконно адыгейскими именами: *Пщымаф матхэ* «Пшимаф пишет», но *Пщымафэ етхэ* «Пшимаф пишет что-то».

Вариантность падежных форм при склонении иноязычных фамилий и имен меньше характерна для творительного и превраги-

---

[1] *Кумахов М. А.* Словоизменение адыгейских языков. М., 1971, с. 90—92.

тельного падежей адыгейского языка. Например: *Сергеевы-м-кIэ ащ ыIуагъэр тэрэз* «То, что он сказал о Сергееве, правда»; *Матвеевэ-у зыфиIуагъэр къэкIуагъ* «Пришел тот Матвеев, которого ты имел в виду».

Бывают случаи, когда одинаково оформленные в языковом отношении фамилии, т. е. фамилии, имеющие одно и то же окончание в языке-источнике, в адыгейском языке по-разному ведут себя. Видимо, здесь определенную роль играет традиция.

Интересно отметить, что некоторые иноязычные фамилии под влиянием русского языка в адыгейском языке не принимают форм падежных окончаний, то есть не склоняются.

Выбор формы падежных окончаний при склонении иноязычных фамилий и имен зависит от различных факторов: экстралингвистических и внутриязыковых особенностей, которые ярко проявляются в текстах.

По нашим наблюдениям, нередко выбор формы заимствованных слов зависит от принадлежности носителя этого имени к той или иной нации. Если носителем имени является русский (или русская), то личное имя с конечным *-а* сохраняет этот гласный + форма падежного окончания (может иметь и нулевую флексию) *Ира письмэр ытхыгъ* «Ира написала письмо», если же носителем имени является человек адыгейской национальности, конечный *-а* заменяется звуком *э* и обязательно прибавляется флексия падежная: *Хъакъуй Лидэм письмэр ытхыгъ* «Хакуй Лида написала письмо».

Личные женские имена, выполняя функцию обращения, приобретают особую звательную форму *Лен, Зар, Люд*. Такие формы чаще встречаются в разговорной устной речи и в художественных произведениях.

При склонении иноязычных трехкомпонентных личных имен изменению падежных форм подвергается только последний компонент. Ср. им. п. *Сергеев Владимир Петрович (ыр)*; эрг п. *Сергеев Владимир Петрович-ым;* тв. п. *Сергеев Владимир Петрович-ым-кIэ,* пр. п. *Сергеев Владимир Петрович-эу.* Может быть иной порядок: им. п. *Иван Васильевич Павлов-(ыр)*, эрг п. *Иван Васильевич Павлов-ым* и т. д., но и при этом та же закономерность действует.

В русском языке, как известно, при склонении трехкомпонентных личных имен соответствующую падежную форму принимают одновременно все компоненты личного имени.

Наличие вариантных форм падежных окончаний при склонении иноязычных имен и фамилий свидетельствует о том, что в адыгейском литературном языке нет еще твердых устоявшихся норм в употреблении заимствованных антропонимов, что требует более глубокого и разностороннего изучения, даже специального исследования вопроса. Это будет способствовать регламентации форм употребления иноязычных личных имен в адыгейском языке, что весьма важно для подъема культуры речи.

Н. Т. Гишев

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ И НАЗВАНИЯХ АДЫГСКИХ ПАДЕЖЕЙ

Системы склонения адыгских языков у разных исследователей представлены по-разному. Так, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф именуют основные два падежа прямым (пассивным) и косвенным (активным). При этом они называют «форму дополнения с суффиксом «*-р*» прямой формой», а «форму с окончанием «*-м*» ...косвенной форой дополнительных слов»[1] Причем авторы считают «прямым падежом» не только форму имени с окончанием *-р*, но и без него. Таким же образом, наряду с именем, имеющем формант *-м*, имя без какого-либо форманта или же с формантом *-ы* признается ими «косвенным падежом». Прямой и косвенный падежи своим оформлением зависят от контекста. Однако, как справедливо отмечает Т И. Дешериева, «отличительной особенностью именительного падежа в любом языке, имеющем парадигму склонения, является оформление независимой, исходной формы имени существительного, в которой оно употребляется как название лица, предмета или явления»[2]. В адыгских языках формы «прямого» и «косвенного» падежей не всегда выступают носителями «функции оформления независимой, исходной формы имени существительного». Раз форма «прямого» падежа не является «исходной» и «независимой», то именовать данную форму «прямым» или «именительным» падежом нельзя. Независимой, исходной формой имени в адыгских языках является словарная форма. Именно от словарной формы имени образуются формы прямого (именительного) и некоторых других падежей. Следовательно, так называемый «прямой» падеж по-существу не является прямым, а является косвенным (в смысле отклонения от прямой исходной формы путем прибавления форманта *-р*)

Кроме этих двух основных падежей, Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф в адыгейском языке выделяли еще два падежа, две «падежеобразные формы»: орудную (творительную) и превратительную (продуктно-материальную) Названия последних падежей исходят из их функционально-семантической характеристики, но не из каких-либо связей с другими членами предложения, т е. не из связи с глаголом-сказуемым.

Г В. Рогава в своих работах по адыгским языкам останавли-

---

[1] *Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д. А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941, с. 30.

[2] *Дешериева Т. И.* Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М.: Наука, 1974, с. 18.

вается на четырех падежах: именительный, эргативный, творительный, превратительный. Неудобство в использовании термина «именительный падеж» чувствуется всеми современными исследователями. Данный термин не подходит к адыгским языкам, если в него вкладывается тот смысл, который имеется для индоевропейских языков. В последних языках под формой именительного падежа разумеется прямая, естественная, независимая словарная форма имени, от которой отклонились остальные падежи. Если же не вложить в адыгский «именительный падеж» то же содержание, что и в индоевропейских языках, то сохранение того же термина мешает выделению исходного, прямого независимого падежа, который реально существует, но никем до сих пор не выделен как исходный падеж. Интересно отметить, что несоответствие термина «именительный падеж» и фактов языка подчеркивается почти всеми исследователями адыгских падежей. Так, Г В. Рогава пишет: «В тех языках, в которых имена изменяются по падежам, имена, как словарные единицы, представлены в форме именительного падежа»[3]. Однако, как известно, имена в адыгских языках склоняются, но именительный падеж не всегда совпадает с исходной словарной формой имени. Такое расхождение формы именительного падежа со словарной формой имени объясняется Г В. Рогава тем, что «...суффикс именительного падежа *-р* имеет и другую основную функцию, функцию определенности»[4]. На наш взгляд, отсутствие именительного падежа как исходной формы имени в адыгских языках не зависит от бифункционального толкования форманта *-р*. Нам представляется более правильным, если словарную форму имени взять за исходный падеж, а остальные падежи — как отклонения от него. При этом функциональные совпадения различных падежных форм могут иметь место. Следует отметить, что форма исходного падежа не всегда совпадает в адыгейском языке со словарной формой имени. Чтобы словарная форма имени с консонантным исходом приобрела исходную падежную форму, она должна присоединить к себе гласный *э* или *ы*. Следовательно, так называемые предикативные словарные формы имени типа *уан* «седло», *джан* «рубаха», *шъуз* «женщина» и т. д. приобретают предметное значение при появлении на конце гласного *э* или *ы* и, естественно, становятся в исходном падеже.

Исключая исходную форму слова, оно может изменяться только по одному падежу В этом случае исходный падеж и другая, единственная падежная форма сопоставимы как образующие категорию склонения в данном языке. Так, по свидетельству В. Г Шенгелиа, указательные местоимения в убыхском языке «различают два падежа: именительный и эргативный»[5]. Первый

---

[3] *Рогава Г. В.* К словарной форме имени в адыгейском языке.— Уч. зап. АНИИ, т. II, Майкоп, 1963, с. 30.

[4] Там же.

[5] *Шенгелиа В. Г* Личные, указательные и вопросительные местоимения в абхазско-адыгских языках: *Автореф. дис. канд. филол. наук.* Тбилиси, 1968, с. 18.

из этих падежей имеет нулевое окончание, т. е. выступает в исходной форме (*ина*), а эргативный приобретает окончание *-н* (*ина-н*) Здесь нулевая форма именительного падежа противопоставляется форме эргативного падежа с *-н* и образует своеобразную систему склонения.

Аналогичную картину можно наблюдать и в абхазском языке. Как отмечает М. А. Кумахов, в абхазском языке «словоформы *аб* «отец», *-абыс* «отцом» выступают как члены грамматической оппозиции: *аб* — немаркированный член оппозиции, *абыс* — маркированный член оппозиции. В соответствии с этим *аб* выступает как форма прямого (именительного) падежа, *абыс* — как форма превратительного (обстоятельственного) падежа»[6]. Причем «падежи — прямой и превратительный — в абхазском и абазинском различаются не во всех классах слов. Противопоставление падежей в этих языках не реализуется в местоимениях и собственных именах»[7] В указанных языках склонение представлено в зачаточной форме в отдельных классах слов. При этом исходный падеж противопоставляется другой единственной падежной форме. Исходный падеж — «немаркированный член оппозиции» — именуется «именительным» у В. Г Шенгелия и «прямым (именительным)» у М. А. Кумахова. Если «немаркированный член оппозиции» не называть исходным падежом, то ближе к истине стоит термин «прямой падеж» в том смысле, в каком это используется М. А. Кумаховым («прямой (именительный) падеж» — без уточняющего термина «именительный»), но не в смысле термина «прямой падеж» Н. Ф Яковлева и Д. А. Ашхамафа. Последние, как известно, объединяли исходную форму слова и форму с окончанием *-р* под общим названием «прямой падеж»

У С. Зекох считает, что «... термин «именительный» оказывается заимствованным в адыгейский язык не только как слово, но и как понятие», и поэтому он предлагает новое название данному падежу — «патетивный падеж», означающий от греч. pathetos «(много) выстрадавший, испытавший»[8] Однако термин «патетив» не раскрывает сути *р*-падежа в адыгских языках. Если же «патетив» означает «выстрадавший» или «испытавший», то, стало быть, такое наименование данный падеж получает из-за его зависимости от глагола, но таким же образом от глагола зависит и эргативный падеж, который, по мнению автора, остается «ативным».

В адыгейском склонении У С. Зекох выделяет «патетивный», эргативный, «относительный», творительный, «адессивный» падежи, а также «сравнительный» падеж для личных местоимений, который выделяется не по показателю самого местоимения, а по употребляемым при нем словам со сравнительной семантикой. Например: *Ощ нахь лъэши къыкъокIын* — «Сильнее тебя найдется». Раз в самом местоимении *«ощ»* нет падежного показателя, то

---

[6] *Кумахов М. А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1972, 154.
[7] Там же.
[8] *Зекох У С.* Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969, с. 58.

такую форму и падежом считать нельзя. Что касается превратительного падежа, то и как в случае с «именительным», автор предлагает переименовать его в «относительный» за то, что *у*-форма напоминает ему семантику русского относительного местоимения «который» (*лIыжъэу къэкIуагъэр щыс* — «Старик («-который») приехавший сидит») В таком предложении форму превратительного падежа *«лIыжъэу»* автор считает именем реального исполнителя действия, а на самом деле она является относительным именем при причастиях. Заменяя падежное название, автор исходит прежде всего из того, что ...этой форме функционально присуще выражение идеи превратительности, но признак этот для нее не специфичен. Значением превратительности обладает не только *у*-падеж, но и творительный»[9]

Рассматривая высказывания Р Эркерта относительно адыгских падежей, У С. Зекох пишет: «Р Эркерт находит в адыгейском и так называемый адессив, который, по его мнению, маркируется послелогом *дэжь* «возле». ...Адыгейскому языку действительно известен адессивный падеж, но его выделение стало возможным лишь на современном этапе развития нашей грамматической науки»[10] Однако адессивный падеж, как и «сравнительный падеж», не имеет своей падежной функции, и поэтому его выделение как самостоятельного падежа не представляется возможным. Аффикс «адессива» *-ди (столымди)*, якобы являющийся индикатором данного падежа, в адыгейском языке восходит к послелогу *дэжь*, который не может выступать в роли словоизменительного аффикса.

Так называемый «патетивный падеж» не дает ничего для решения проблемы «именительного падежа» адыгских языков. Ибо «морфологической базой синтаксически независимого предметного члена может быть только прямая, естественная форма имени, т. е. такая форма, в которой дается десигнату словарное наименование, не окруженное реляционной атмосферой, и которая в структуре предложения не производится в порядке синтаксического соединения с другим словом, а воспроизводится как готовая единица. В русском и некоторых других языках такой формой служит именительный падеж»[11]. «Патетив» не отвечает этим требованиям. Этим требованиям может отвечать: исходная, естественная форма склоняемого слова. Стало быть, к утвердившемся в адыгейском языкознании четырем падежам следует добавить пятый — исходный падеж. Для краткости этому падежу можно присвоить название «аблатив», означающий исходный падеж, отделительный падеж и т. д.[12] В связи с этим, для устранения смешения с индоевропейским именительным падежом, адыгский «именительный» («прямой», «пассивный», «патетив») необходимо заменить другим

---

[9] Там же, с. 50—60.

[10] Там же, с. 15.

[11] Там же, с. 101.

[12] См. об этом: *Ахманова О. С* Словарь лингвистических терминов. М, 1966, с. 27.

термином. Таким принято считать «абсолютный падеж». Этот термин может и не отражать суть данного падежа, но он наиболее подходящий. Абсолютный падеж (абсолютив) используется в гренландском языке для обозначения падежа субъекта непереходных и объекта переходных глаголов[13], т. е. в той же функции, что и в адыгских языках.

Наиболее общепризнанным и удачным является термин *эргатив*, который мы оставляем без изменения.

«Творительный падеж» иногда называют «инструментальным» «орудным», «послеложным». Однако «инструментальным» называть его не следует, ибо, кроме «инструментального» значения, данная форма обладает еще рядом других. Таким же образом «орудностью» не ограничиваются его функции. Термин «послеложный» совершенно не подходит данному падежу, так как показатель падежа *-кIэ* давно потерял послеложное значение. Таким образом, самым подходящим для данной падежной формы является термин «творительный».

«Превратительный» («обстоятельственный», «относительный») падеж не является, на наш взгляд, удачным термином, так как *у*-форма выражает превращения, разные обстоятельственные значения, отношения и т. д. Вместо этих терминов следовало бы употребить термин «транслатив», указывающий на переход объекта в данное состояние или приобретение им данного признака[14].

Таким образом, в адыгских языках следует выделять пять падежей, которые последовательно можно именовать так: аблатив, абсолютив, эргатив, творительный и транслатив.

Из них в роли субъектов и объектов могут выступать аблатив, абсолютив и эргатив. При этом форма аблатива грамматически не оформлена. Абсолютив может быть оформлен падежным окончанием *-р*, а эргатив *-м*, *-щ*, *-бы*. Однако формы последних двух падежей могут иногда совпадать с формой аблатива. Обычно формы абсолютива с *-р* и эргатива с *-м* образуются от основы аблатива.

Из трех адыгских субъектно-объектных падежей, не зависимых от основы глагола-сказуемого, является форма аблатива, которая одинаково может появляться при переходном и непереходном глаголе-сказуемом. Именно поэтому в языках с такой исходной формой субъекта-подлежащего в предложении конструкция называется индефинитной. Формы же абсолютива и эргатива зависят от переходности или непереходности глагола-сказуемого.

Необходимо здесь же отметить, что имена в адыгских языках в аблативе не имеют множественного числа (исключение составляют некоторые фамилии кабардинского языка — *Къэрдэнхэ* «Кардановы»); другое дело — личные местоимения, которые имеют формы аблатива и в единственном и во множественном числе.

---

[13] Там же, с. 29.
[14] См.: Там же, с. 479.

К. Х. Меретуков

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ АДЫГЕЙСКИХ ТОПОНИМОВ

В адыгейском языке топонимы подвергаются различным типам склонения. Например, именные топонимы типа *Джанхъот, Къожэубэ, Шъхьэгуащэ, Колэсыжъ* склоняются по образцу собственных имен. Они, как и собственные имена, в именительном и эргативном не имеют падежных окончаний.

И.	*Шъхьагуащэ*	*Къожэубэ*
Э.	*Шъхьагуащэ*	*Къожэубэ*
Тв.	*Шъхьагуащэ-кIэ*	*Къожэубэ-кIэ*
П.	*Шъхьагуащ-эу*	*Къожэуб-эу*

Как известно, форманты именительного и эргативного падежей, кроме своих падежных, выполняют и определительную функцию. В приведенном случае у подобных топонимов, приравниваемых к собственным именам, определительная семантика становится избыточной, вследствие чего в именительном и эргативном падежах они не оформляются.

Определенный интерес представляет склонение компонентов топонимов типа *Кобл я-хъоу, Абрэдж блыгу.*

Если топоним включает в себя неоформленное определение и оформленное притяжательным аффиксом определяемое слово, то первый компонент остается без изменения, а второй подвергается частичному словоизменению:

Кобл я-хъоу	*Ислъам и-чъыгыжъ*
Кобл я-хъоу	*Ислъам и-чъыгыжъ*
Кобл я-хъоу-кIэ,	*Ислъам и-чъыгыжъы-кIэ,*
Кобл я-хъо-оу,	*Ислъам и-чъыгыжъ-эу.*

Если же топоним включает в себя неоформленное определение и определяемое слово, первый компонент не подвергается словоизменению, второй изменяется по типу определенных имен:

Абрэдж блыгу-р,	*Къэрэу Iуашъхьэ-р,*
Абрэдж блыгу-м,	*Къэрэу Iуашъхьэ-м,*
Абрэдж блыгу-м-кIэ,	*Къэрэу Iуашъхьэ-м-кIэ,*
Абрэдж блыго-у,	*Къэрэу Iуашъхь-эу.*

В трехсоставных топонимических названиях, куда входят этноним + нарицательное имя + причастие или фамилия + собственное имя + нарицательное имя или нарицательное имя + нарицательное имя и т. д., первые два компонента не склоняются, а последний, третий компонент склоняется по типу собственного или же нарицательного имени.

Если второй компонент трехсоставного топонима оформлен притяжательным аффиксом, то последний неоформленный составляющий склоняется по типу собственного имени (см. первый пример), а если же все три составляющие не оформлены притяжательным аффиксом, то последний составляющий склоняется по типу нарицательного имени (см. второй пример):

Первый пример

И. *Джымэкъом и-мэкъу хашъу*
Э. *Джымэкъом и-мэкъу хашъу*
Тв. *Джымэкъом и-мэкъу хашъо-кIэ*
П. *Джымэкъом и-мэкъу хашъо-у*

Второй пример

И. *Ку зэрымыхьэ мэзы-р*
Э. *Ку зэрымыхьэ мэзы-м*
Тв. *Ку зэрымыхьэ мэзы-м-кIэ*
П. *Ку зэрымыхьэ мэз-эу*

Встречаются трехсоставные топонимические названия, компонентами в которых выступают собственное имя или же этноним + оформленное притяжательным аффиксом нарицательное имя + причастие прошедшего времени. В отличие от вышерассмотренного первого примера, последний компонент данного вида топонима склоняется по образцу нарицательного имени:

И. *Абадзэм и-шъхьал зытетыгъэр*
Э. *Абадзэм и-шъхьал зытетыгъэ-м*
Тв. *Абадзэм и-шъхьал зытетыгъэ-м-кIэ*
П. *Абадзэм и-шъхьал зытетыгъ-эу*

И. *ЗекIошыу и-Iуашъхьэ зэрытыгъэр*
Э. *ЗекIошыу и-Iуашъхьэ зэрытыгъэ-м*
Тв. *ЗекIошыу и-Iуашъхьэ зэрытыгъэ-м-кIэ*
П. *ЗекIошыу и-Iуашъхьэ зэрытыгъ-э-у*

Известно, что творительный падеж имеет окончания *-кIэ* и *м-кIэ*. Первый является формантом неопределенного, а второй — определенного имени.

В составных топонимах формант творительного падежа употребляется дифференцированно, т. е. в составном топониме, второй компонент которого выступает с притяжательным аффиксом, используется формант определенного имени *-кIэ: Ислъам и-чъыгыжъ-кIэ, Бирам и-Iуашъхьэ-кIэ, Хьабартыкъомэ я-псы куужъ-кIэ*

(формы *Ислъам и-чыгыжъы-м-кIэ, Бирам и-Iуашъхьэ-м-кIэ, Хьабартыкъомэ я-псы-куужъы-м-кIэ* являются искусственными). Если же компоненты топонима не оформлены притяжательным аффиксом, то последний из них обычно принимает формант определенного имени *м-кIэ: Абрэдж блыгу-м-кIэ, Бэрэкъэе блыгу-м-кIэ, Гъэсэ къещэхыпIэжъы-м-кIэ* (не говорят *Абрэдж блыгу-кIэ, Бэрэкъэе блыгу-кIэ, Гъэсэ къещэхыпIэжъы-кIэ*).

В трехсоставных топонимических названиях, второй компонент которых оформлен притяжательным аффиксом, последний составляющий принимает формант неопределенного имени *-кIэ: Джымэкъом и-мэкъу хашъо-кIэ, Къэрэщаекъом и-мэз хъурае-кIэ, Аслъанбэч ипс къошы-кIэ* и т. д. При всех неоформленных составляющих данного вида топонима последний компонент оканчивается формантом определенного имени *м-кIэ: Ку зэрымыхьэ мэзы-м-кIэ, Шы къегъэхыпIэ Iуашъхьэ-м-кIэ* и т. д.

Следует отметить, что при оформленном втором составляющем последний компонент трехсоставных топонимов не всегда принимает окончание творительного падежа *-кIэ*. Трехсоставные топонимы, последний компонент которых представляет собой причастие прошедшего времени, хотя ему и предшествует оформленный компонент, принимают формант определенного имени *-м-кIэ: Абадзэм ишъхьал зытетыгъэ-м-кIэ, ЗекIошыу ишъхьал зытетыгъэ-м-кIэ* и т. д.

Что касается топонимов, в основе образования которых лежат нарицательные имена, то они склоняются по типу определенных имен.

И.	*Шыегъэзыпэ-р*	*Хэкужъы-р*
Э.	*Шыегъэзыпэ-м*	*Хэкужъы-м*
Тв.	*Шыегъэзыпэ-м-кIэ*	*Хэкужъы-м-кIэ*
П.	*Шыегъэзыпэ-эу*	*Хэкужъ-эу*

Как показывает адыгейский топонимический материал, встречаются отдельные названия, именная часть которых оформляется аффиксом эргатива множественного или же единственного числа: *Убыхы-мэ яIуашъхь, Хьабэхъу-мэ я-гъэхъун, Чыназыр-мэ я-псыхъу, ЛIыфы-мэ я-псын, Дамэкъо-мэ я-псыкуужъ, Анцокъо-мэ я-дэхьапI, ЧубытIы-м и-пхъалъ, Хьаджэмыкъо-м и-мэз, Джамбэчыкъо-м и-къуладж* и т. д.

В подобных топонимических названиях первый компонент не подвергается изменению, т. е. сохраняет свою падежную форму эргатива, а второй компонент склоняется по типу собственного имени:

Ед. число

И.	*Хьаджэмыкъо-м и-мэз*
Э.	*Хьаджэмыкъо-м и-мэз*
Тв.	*Хьаджэмыкъо-м и-мэз-кIэ*
П.	*Хьаджэмыкъо-м и-мэз-эу*

И. *Джамбэчыкъо-м и-къуладж*
Э. *Джамбэчыкъо-м и-къуладж*
Тв. *Джамбэчыкъо-м и-къуладжэ-кIэ*
П. *Джамбэчыкъо-м и-къуладж-эу*

Мн. число

И. *Убыхы-мэ я-Iуашъхь*
Э. *Убыхы-мэ я-Iуашъхь*
Тв. *Убыхы-мэ я-Iуашъхьэ-кIэ*
П. *Убыхы-мэ я-Iуашъхь-эу*

И. *ЛIыфы-мэ я-псын*
Э. *ЛIыфы-мэ я-п-сын*
Тв. *ЛIыфы-мэ я-псынэ-кIэ*
П. *ЛIыфы-мэ я-псын-эу*

То же самое следует сказать и о трехсоставных топонимических названиях. В них первые два компонента остаются без изменения, а последний принимает форманты творительного и предложного падежей:

Къэращэкъо-м и-мэз хъурай
Къэращэкъо-м и-мэз хъурай
Къэращэкъо-м и-мэз хъурае-кIэ
Къэращэкъо-м и-мэз хъурае-у

Становясь топонимами, собственные и нарицательные имена теряют некоторые особенности, присущие им в словоизменительной парадигме. Например, функциональное разнообразие формантов *-м-кIэ, -кIэ* творительного падежа несколько суживается, когда имена переходят в сферу топонимических наименований.

Как известно, форманты творительного падежа *-м-кIэ, -кIэ* в зависимости от синтаксического окружения семантически дифференцируются: формант *-м-кIэ* может иметь значение орудия или же направления действия (*карандашы-м-кIэ тхагъэ* «он писал карандашом», *пхъэIашэ-м-кIэ жъуагъэ* «он пахал плугом», *пшъашъэ-м-кIэ зыкъигъэзагъ* «он повернулся в сторону девушки», *псыхъо-м-кIэ кIуагъэ* «он пошел в сторону реки»), а формант *-кIэ* — орудия действия: (*машинэ-кIэ къалэм кIуагъэ* «он поехал в город на машине», *самолет-кIэ Москва быбыгъэ* «он полетел в Москву самолетом)

Что касается данных формантов применительно к топонимам, то они теряют свою дифференцированность, т. е. употребляются лишь только в одном значении — в значении направления действия: *туристхэр Лэгъонакъэ-кIэ агъэзагъ* «туристы повернулись в сторону Лагонаки», *шакIохэр хъотэшхо-м-кIэ кIуагъэх* «охотники пошли в сторону Хотешху (Большой балки)», *мэзхъурае-м-кIэ плъагъэх* «посмотрели в сторону Мезхурай (Круглого леса)» и т. д.

В адыгейском языке названия населённых пунктов могут выступать с определительными формантами *-р, -м*. Однако, в отличие от кабардинского языка, где подобные наименования принимают указанные форманты в единственном числе (*Мыекъуапэр япэ итщ* «Майкоп впереди», *Джыракъы-р фIыуэ мэлажьэ* — букв.: «Джиракова хорошо работает»), в адыгейском языке принимают эти форманты лишь только те топонимы, которые оформлены суффиксами множественного числа: *хьаккурнэхьаблэ-хэ-р выставкэм агйэкIуагъэх* «хакуринохаблевцев послали на выставку», *джыракъые-хэ-м лэжьыгъэ Iухыжьыныр апэу аухыгъ* «джерокаевцы первыми закончили уборку урожая», *нэшъукъуае-хэ-р дэгъоу мэлажьэх* «нашукаевцы хорошо работают», *нэтхъуае-хэ-м мэкъуупкIэныр аухыгъ* «натухаевцы завершили сенокос». Здесь, разумеется, речь идет не о названиях населенных пунктов, а о его жителях.

Таковы особенности склонения некоторых адыгейских топонимических названий.

М. К. Тутарищева

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СКЛОНЕНИЯ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ АДЫГЕЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Вопрос о склонении собственных имен существительных излагался во многих работах исследователей адыгейского языка [1]. В данной статье нами сделана попытка проследить особенности склонения адыгейских и заимствованных из русского или через русский язык собственных имен существительных на страницах периодической печати (газ. «Социалистическэ Адыгей», ж. «Зэкъошныгъ» — «Дружба»).

Изменение по падежам собственных имен в иберийско-кавказских языках имеет целый ряд специфических особенностей. Склонение как грамматическое явление появилось в адыгских языках относительно недавно по сравнению с другими иберийско-кавказскими языками. Как показывают материалы иберийско-кавказских языков, падежные формы собственных имен исторически оформляются позже, чем нарицательные имена.

Как отмечено Г. В. Рогава [2], собственные имена по своей семантике определенны и вследствие этого они обычно не нуждались в специальном оформлении формантами определенности, которые взяли на себя функцию выражения окончаний. Развитие склонения в адыгских языках приводит к тому, что постепенно начинают склоняться и собственные имена.

В данной работе склонение собственных имен в языке адыгейской периодической печати рассматривается в такой последовательности:

1) адыгские и заимствованные личные имена в форме единственного числа;

2) адыгские и заимствованные фамилии в форме единственного числа;

---

[1] *Кумахова З. Ю.* Развитие адыгских литературных языков. М., 1972; *Кумахов М. А.* Словоизменение адыгских языков. М., 1971; *Хут К. И.* Некоторые особенности лексики и склонения собственных имен в бжедугском диалекте адыгейского языка.— Уч. зап., т. II. Языкознание, Майкоп, 1971, с. 204.

[2] *Рогава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп, 1966, с. 63.

3) адыгские и заимствованные личные имена и фамилии в форме множественного числа;

4) адыгские и заимствованные географические и административно-территориальные названия;

5) аббревиатуры.

В языке периодической печати адыгские личные имена и сочетания имен и фамилий в номинативе и эргативе не оформляются падежными окончаниями, что соответствует нормам адыгейского литературного языка. Пример: *механизаторэу ДышъэкI Налбый нормэм къырегъэхъу* («С А», 15.12.80 г.) «механизатор Дышеков Нальбий первыполняет норму».

Хотя адыгейский язык имеет установленные нормы, однако в письменной форме литературного языка наблюдаются отдельные отступления, которые являются нарушениями литературных норм. Эти нарушения чаще встречаются в языке художественной литературы. В этом плане язык периодической печати более строго соблюдает установленные нормы литературного языка.

Относительно формантов номинатива *-р* и эргатива *-м* в собственных именах можно отметить, что в языке периодической печати встречаются только единичные случаи оформления собственных личных имен этими формантами.

Существует мнение, что форманты *-р* и *-м* в собственных именах выполняют стилистическую функцию[3]. В просмотренных нами номерах газет и журналов было употреблено 5 имен, оформленных формантами. Пример: *ЫкъО нахьыжъэу Нухьэм Ленинград дэт медицинскэ институтыр къыухыгъ, ыкъо нахьыкIэу Сахьидэм военнэ училищыр къыухыгъ* («С А», 16.9.80 г.) «старший сын Нух закончил Ленинградский медицинский институт, младший — Саид — закончил военное училище». Нам кажется, что здесь формант *-м* выполняет выделительно-определительную функцию.

Развитие склонения в адыгейском языке приводит к тому, что в определенном контексте имя существительное предпочтительно должно быть оформлено падежным окончанием. Собственные имена постепенно начинают вовлекаться в орбиту склоняемых слов. Именно этим, видимо, объясняется окончание *-м* в собственном имени Гъисэм в следующем предложении: *Бэ Гъисэм сэнэхьатэу хэлъыр* («С А», 15.12.80 г.).

Просмотренный нами газетный материал за 1980—1981 гг. показывает, что все личные имена с согласным исходом в именительном и эргативном падежах обычно не присоединяют к себе падежных окончаний. Из всех собственных имен только в двух именах зафиксировано окончание *-ы* на газетной полосе, что характерно для диалектов адыгейского языка (шапсугский и бжедугский). Пример: *иIофшIэгъухэм Аслъанхъаны шъхьэкIафэ фашIы* («С А», 16.4.81 г.) «коллеги уважают Асланхан».

На страницах ж. «Зэкъошныгъ» («Дружба») формант *-ы* употребляется несколько чаще, чем на газетной полосе, тем не менее

---

[3] *Хут К. И.* Указ. соч., с. 207.

за последние годы, по сравнению с более ранними изданиями, он встречается реже.

Падежный формант *-ы* рассматривается в специальной литературе как сравнительно позднее явление, свидетельствующее о том, что склонение в адыгских языках находится только в стадии развития[4]. Однако анализ языкового материала периодической печати показывает, что не наблюдается дальнейшего распространения этого форманта, наоборот (даже в языке художественной литературы), он убывает. Это, думается, говорит о том, что именно кодифицированные нормы литературного языка становятся более выдержанными, и формант *-ы* как диалектное явление уходит из письменной литературной речи.

Заимствованные имена обычно не принимают падежные окончания. Пример: *Павел къэкIуагъ* («С А», 17.9.80 г.) «Павел пришел».

Анализ фактического материала адыгейского языка позволяет выделить особую падежную форму на *-э*. Гласный *-э* спорадически появляется в именительном и эргативном падежах имен и фамилий. Если можно указать причину и источник появления форманта *-ы*, то в отношении гласного *-э* трудно установить закономерности его употребления. Как в языке художественной литературы и устной разговорной речи, данная форма встречается в собственных именах и фамилиях и в языке периодической печати. Пример: *алъэкI къагъэнагъэп звенэхэм япащэхэу ХьакIэмызэ Мэдинэ, Мамые Руслъанэ* («С А», 2.04.80 г.) «всё возможное сделали звеньевые Хачемизов Мадин и Мамий Руслан». Гласный *-э* в исходе слова частично соответствует диалектной флексии *-ы*. Пример: *Махьмудэ зипэщэ звенэм илъэс къэс лэжьыгъэ бэгъуагъэ къехьыжьы», — еIо Кушъу Муратэ* («С А», 16.4.80 г.) «звено Махмуда собирает каждый год хороший урожай», — говорит Кушу Мурат» (в бжед. и шапс. диал. — *Муратыы*).

Определенная группа имен, довольно значительная, и небольшое количество фамилий требуют в исходе наличие гласного *-э*: *Аюбэ макIо* (Аюб идет), *Шумафэ ыIуагъ* (Шумаф сказал); фамилии: *Долэ, Елмырзэ, Хьатитэ* и др. С другой стороны, такие имена, как *Мурат, Аслъан, Батырбый,* фамилии *ХьакIэмыз, Тутарыщ, Кудайнэт, Къайтмэс, Мамый, БрантI* и т. д., в этих же падежах употребляются без гласного. Положение осложняется тем, что отдельные имена и фамилии допускают параллельные формы: *Рэмэзан — Рэмэзанэ, Къэплъан — Къэплъане, Псэун — Псэунэ* и т. д. Установить употребление *-э* какой-либо формулой не удается, так как закономерности, которым подчиняется появление *-э*, пока не выявлены. Гласный *-э* может употребляться во всех диалектах, может присоединяться и к именам, и к фамилиям. Причины и условия появления *-э* не выяснены. Отсутствие определенных правил приводит к смешению данных форм, и вместо *Мурат, Батырбый, ХьакIэмыз, Мамый* употребляются ошибочные формы:

---

[4] *Гишев Н. Т* Указ. соч., с. 231.

Муратэ, ХьакIэмызэ, Мамые и т. д. Пример: *звенэу Гъонэжьыкъо Муратэ зипащэм апэрэ чIыпIэр ыIыгъ* («СА», 1.08.80 г.) «звено Гонежукова Мурата занимает 1 место». Редко, но встречается, когда одно и то же имя в одном и том же предложении употребляется по-разному: с гласным -э и без него. Пример: *ахэмэ ащыщых Титыу Аслъанэ, Елмырзэ Аслъан, Нэгъой Исмахьилэ* («С А», 15.4.81 г.) «к ним относятся Титуов Аслан, Ельмирзов Аслан, Нагоев Исмаил». Но подобных отклонений в языке периодической печати незначительно. Когда живая речь допускает параллельное употребление двух форм, периодическая печать большей частью выбирает форму с гласным.

Гласный -э в иноязычном имени встретился один раз. Пример: *джащ фэд Курганниковым ыкъоу Александрэ* («З», № 3, 80 г.) «таков сын Курганникова Александр».

Употребление отдельных фамилий несколько отличается от вышесказанного. Наблюдается четкая последовательность — обязательное оформление именительного и эргативного падежей формантами *-р* и *-м*.

Необходимо отметить, что фамилия без каких-либо определений в адыгейской речи употребляется редко. Может быть употреблена только в шутливо-ироническом обращении *(Мэрэтыкъор)* или же по отношению к целому роду *(Джэнчатыкъохэр)*. В языке периодической печати адыгские фамилии встречаются или с инициалами или в сопровождении каких-либо определителей. Примеры: 1. *Комсомольцэу Къэлэшъаор дэгъоу еджэщтыгъэ* («С А», 16.04.80 г.) «комсомолец Калашаов учился хорошо». 2. *М. ЛIышэм, З. Еутыхым язвенэхэм дэгъоу Іоф ашIэ* («С А», 15.04.81 г) «звенья М. Тлишевой, З. Евтых работают хорошо».

На основе анализа языкового материала периодической печати можно установить некоторые особенности склонения иноязычных фамилий. Конкретное оформление их формантами номинатива *-р* и эргатива *-м* зависит большей частью от фонетических форм исхода слова. При одновременном употреблении фамилии и имени оформленность падежа формантом зависит и от порядка слов.

Падежные окончания номинатива и эргатива обычно принимают следующие группы заимствованных фамилий, если они занимают постпозицию по отношению к имени: 1) оканчивающиеся на *-ск-, -цк-, -ой, -овск-, -евск-, -ин, -ов*[5]; пример: *текIонымгъэр къыдэзыхыгъэр Елена Черногурскаяр ары* («С А», 20.02.80 г.) «победила Елена Черногурская».

Интересно отметить, что при одновременном употреблении заимствованных и адыгских имен и фамилий наблюдается дифференцированное употребление падежных форм: заимствованные — с формантами, адыгские — без них. Пример: *дэгъоу Іоф ашIэ Елена Золоторевам, Къонэ Мурат* («С А», 16.04.81 г.) «хорошо работают Елена Золоторева, Куанов Мурат».

Непоследовательность наблюдается в употреблении фамилий

---

[5] *Кумахов М. А.* Указ. соч., с. 91.

на *-енко* и *-ко*. Фамилии на *-енко* в основном употребляются с падежными флексиями. Пример: *непэ иплан къыригъэхъугъ Т А. Боровченкэм* («С А», 16.4.80 г.) «сегодня перевыполнил план Т. А. Боровченко». О фамилиях на *-ко* можно сказать обратное. Пример: *лэжьэкIо пэрытэу Л. В. Семашко гущыIэр ратыгъ* («С А», 16.02.81 г.) «слово дали передовику труда Л. В. Семашко».

Обычно не принимают падежные окончания: 1) при одновременном употреблении фамилии и имени, если на 1-м месте стоит фамилия, на 2-м — имя; пример: *Япшъэрылъхэр дэгъоу агъэцакIэх арматурщицэу Семашкина Варварэ, крановщикэу Гончаров Виктор* («С А», 13.9.80 г.) «хорошо справляются со своими обязанностями арматурщица Семашкина Варвара, крановщик Гончаров Виктор»; 2) фамилии без окончаний с основой на твердые и мягкие согласные, *й*, гласные *а, я, и, у, э* (Долгих, Берневик, Мархель, Пресс, Бук, Сердюк, Нелли, Митта, Мируца, Кирша, Цвигун, Пинтер, Шостак, Погребняк, Рейзен, Чувилка, Соскурия, Куделя и др.): пример: *австриемцыщыбэхэм советскэ спортсмен цIэрыIохеу А. Зайецвым, Ирина Пресс мэфэкIым нэIуасэ защыфашIыгъ* («С А», 16.02.81 г.) «многие австрийцы познакомились на празднике с известными советскими спортсменами А. Зайцевым и Ириной Пресс».

При одновременном употреблении имени и отчества встречаются варианты: нулевая флексия — формант *-р* или *-м*. Примеры: 1) *Александр Павлович къэчэфыгъ* («З», № 2, 80 г.) «Александр Павлович повеселел»; 2) *Виктор Семеновичым нэмыцмэ ясамолетхэр зэхэткъутэнхэу къытиIуагъ* («З», № 3, 80 г.) «Виктор Семенович сказал, чтобы мы разбомбили немецкие самолеты».

Как и в русском языке, личные имена и фамилии в адыгейском языке имеют форму только единственного числа. Как известно, формант множественности *-хэ* в собственных именах выполняет особые семантико-грамматические функции. Употребление их в форме множественного числа может иметь значение членов рода, семьи, обобщенного типа людей, друзей, групп людей, объединенных общностью поведения, рода занятий. Как адыгейские, так и заимствованные фамилии в форме множественного числа обязательно приобретают форманты падежей. Пример: *Къэлэшъаохэр къуаджэмкIэ тигъунэгъух* («С А», 26.5.80 г.) «Калашаовы — наши соседи по аулу»

В склонении адыгских и заимствованных географических и административно-территориальных названий наблюдаются некоторые особенности. Адыгские топонимические названия (аулов, рек) не принимают падежные окончания номинатива *-р* и эргатива *-м*. Пример: *къуаджэхэу Пшыжъхьаблэ, Къэбэхьаблэ культурэм иунэхэр адашIыхьагъэх* («С А», 13.09.80 г.) «в аулах Кабехабль, Пшизов построили дома культуры».

Если существительные представляют собой сложные слова, то они могут приобретать форманты. *Спортивнэ зал щашIыгъ Бжыхьэкъоякэм* («С А», 24.08.80 г.) «спортивный зал построили в Новом Бжегокае».

В склонении заимствованных географических и административно-территориальных названий наблюдается больше расхождений. Одни из них принимают форманты падежей, другие — нет. Но разграничить эти группы трудно. Материал периодической печати показывает, что существительные на *-ск-, -ов (-ев), -ый, -ий, -ая* обычно приобретают падежные окончания номинатива и эргатива. Пример: *поселкэхэу Кубанскэм, Лесноим, Мирнэм, Хапачевым ыкIи Набережнэм зэхъокIныгъэхэр афэхъугъэх* («С А», 13.09.80 г.) «изменения произошли в поселках Кубанском, Лесном, Мирном, Хапачеве и Набережном».

Названия административно-территориальных мест на *-ин-, -á, -ия, -ье, -ие,, -ий* большей частью приобретают падежные окончания. Примеры: 1) *Темыр Прикаспием ихозяйствэхэм хъырбыдз дэгъу къагъэкIыгъ* («С А», 16.09.80 г.) «Хороший арбуз вырастили хозяйства Северного Прикаспия»; 2) *Владимир Ильич Псковщинэм щитхыгъэ письмэхэм дэгъоу ар ащыгъуаз* («С А», 3.02.81 г.) «он хорошо знаком с письмами Владимира Ильича, написанными на Псковщине».

Существительные этой группы на твердую основу и *-й* имеют варианты: нулевая флексия — окончание. Пример: *Урал, Сыбыр ыкIи Дальнэ Востокым яусловиехэмкIэ ар щынагъо* («С А», 3.02.80 г.) «по условиям Урала, Сибири и Дальнего Востока это опасно».

Заимствованные существительные, которые употребляются в языке-источнике только в форме множественного числа, сохраняют число и выражаются при помощи формантов множественности адыгейского языка *-хэ* или *-мэ*. Существительные этой группы обязательно приобретают падежные окончания. Пример: *Зэо пхъашэхэм тахэтэу Карпатхэм танэсыгъ* («С А», 30.09.81 г.) «В ожесточенных боях мы дошли до Карпат»

Форманты падежей приобретают переводы с русского языка сложных собственных названий, которые в языке-источнике употребляются только в форме множественного числа. Пример: *СССР-м и УIэшыгъэ КIуачIэхэм яветеранхэм яматериальнэ щыIэкIэ-псэукIэ нахьышIу ашIыщт* («С А», 23.02.80 г.) «материальные условия жизни ветеранов Вооруженных Сил СССР улучшатся».

Если сложные названия, которые употребляются только в форме множественного числа, заимствуются с показателем числа языка-источника, то они не приобретают падежные окончания. Примеры: 1) *спортивнэ зал щашIыгъ Северо-Восточные Сады* («С А», 30.09.80 г.) «спортивный зал построили в Северо-Восточных Садах»; 2) *Камаз пае фархэр Набережные Челны арагъащэх* («С А», 3.09.80 г.) «для КАМаза доставляют фары в Набережные Челны».

Все перечисленные группы собственных имен существительных — и адыгские, и заимствованные — в единственном числе приобретают соответствующие форманты творительного и превратительного падежей *-кIэ, -мкIэ, -эу*. Формант *-кIэ* или *-мкIэ* присоединяет-

ся к форме эргативного падежа единственного числа: *АдыгеимкIэ*, но *УругвайкIэ*, а формант *-эу* — к неопределенной форме: *Китаеу*. Форма множественного числа в этих падежах малоупотребительна.

Обязательно приобретают форманты всех падежей аббревиатуры в обоих числах. Примеры: 1) *НРБ-м IэкIыб хэгъэгухэм адишIырэ сатыум зиушъомбгъугъ* («С А», 13.09.80 г.) «торговля НРБ с зарубежными странами расширилась»; 2) *Д. Бирюковым тракторэу ДТ-м Iоф решIэ* («С А», 14.09.80 г) «Д. Бирюков работает на тракторе ДТ».

На основании анализа материала периодической печати можно сделать следующие выводы:

1) собственные имена, как правило, употребляются без падежных окончаний;

2) наличие единичных падежных окончаний в собственных именах указывает на возможность распространения склонения и на собственные имена;

3) соблюдение норм литературного языка в словоизменении собственных имен в языке периодической печати стабилизировалось и стало более выдержанным;

4) в живой разговорной речи адыгейские фамилии без имени редко употребляются в единственном числе. Развитие письменного языка ввело в обиход употребление адыгских фамилий и в единственном числе, хотя необходимо указать, что в этих случаях они обычно сопровождаются инициалами или другими определительными словами;

5) анализ языка газет и журналов позволяет подразделить одну большую группу собственных имен на 2 подгруппы: на имена, имеющие в исходе гласный *-э*, и имена без этого гласного. *Аюбэ ыIуагъ* (Аюб сказал), но *Мурат ыIуагъ* (Мурат сказал);

6) заимствованные имена, подобно адыгским, по падежам не изменяются;

7) изменяемость по падежам заимствованных фамилий зависит большей частью от исхода слова — суффиксов и окончаний. Имена с определенными суффиксами, например, *-ов*, *-ев* и т. д., склоняются; другая же группа с другим классом суффиксов по падежам не изменяется;

8) адыгские географические и административно-территориальные названия имеют варианты; изменяемость заимствованных названий зависит от исхода слова почти в той же степени, как и склонение заимствованных собственных имен.

И. И. Гагиев

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИМЕННЫХ КОМПОЗИТОВ АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКА СО СТРУКТУРОЙ N. N. (ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ)

При анализе падежной семантики композитов важно различать внутрикомпонентную падежную и общую семантику композиты в целом. Как правило, последняя формируется на базе падежного значения опорного компонента композиты. Падежные значения как компонентов композиты, так и композита в целом определяются при помощи дефиниции ближайшего рода и видового отличия. Если мы имеем эндоцентрическое сложное слово, например, чIвацIла «яблоня» (*чIва* «яблоко» + *цIла* «дерево»), то через ближайший род определяется опорный (второй) компонент *цIла* «дерево», а в функции видового отличия выступает глагольная синтагма *чIва гIазшIалуа* «на котором растут яблоки», содержащая первый компонент композиты *чIва* «яблоко». В экзоцентрических именных композитах, например, в композите *хIвапыкв* «усач» (*хIва* «свинья» + *пыкв* «губа») через ближайший род определяется подразумеваемый опорный компонент *пслачва* «рыба», а оба компонента композиты *хIва* «свинья» и *пыкв* «губа» в составе глагольной синтагмы выполняют функцию видового отличия. В результате мы имеем дефиницию: *хIвапыкв* «усач» — это рыба (ближайший род), губа которой похожа на губу свиньи, *хIва пыкв* — глагольная синтагма, содержащая в своем составе композитные компоненты *хIва* «свинья» и *пыкв* «губа».

Специфика дефиниции именной композиты через ближайший род и видовое отличие приводит к тому, что все падежные отношения могут быть переведены на универсальный язык атрибутивных отношений. Поэтому атрибутивные отношения являются неотъемлемым семантическим свойством всех типов именных композит, образуя их интегральные подосновы. Более того, следует подчеркнуть, что атрибутивная структура является типом атрибутивной синтагмы, отличающейся от всех других глагольно-именных синтагм.

Экспериментальные исследования смысловой структуры композит показали, что наиболее распространенным семантическим типом является словообразовательная модель с локативной семан-

тикой, взятая как в своем основном значении, так и в сочетании с другими семантическими признаками. Эта модель оказывается преобладающей среди морфологических структур описываемого типа. Рассмотрим их подробнее.

Локативная семантика

Локативные семантические отношения компонентов композиты представлены двумя основными разновидностями:

1) отношениями, формирующими локативное результирующее значение композиты на базе локативной семантики опорного компонента — **цIлауатра** «сад» (**цIла** «дерево» + **уатра** «огород»);

2) отношениями, формирующими нелокативное результирующее значение композиты, однако при помощи локативного значения модифицирующего компонента — *рхъабабыщ* «дикая утка» (*рхъа* «поле» + *бабыщ* «утка»).

(1) Композиты с локативной семантикой опорного компонента.

Именные композиты с локативной семантикой опорного компонента, а следовательно, композита в целом, подразделяются на чисто локативные и локативные, сопряженные с другой падежной семантикой.

а) *Чисто локативная семантика*

К именным композитам с чисто локативной семантикой относятся сложные слова, выражающие названия частей тела, природные явления и так далее. Приведем примеры: *хъаквта* «макушка» (*хъа* «голова» + *квта* «середина») — место на голове, которое является / образует его середину; *цIлаутра* «сад» (*цIла* «дерево» + *уатра* «огород») — огород, где / на котором растут деревья; *чватара* «сеновал» (*чва* «сено» + *тара* «вместилище», «место») — место / вместилище, где / в котором находится / хранится сено; *бначвахIва* «лесополоса» (*бна* «лес» + *чвахIва* «полоса») — место на равнине, где / на котором растут деревья.

Как видно из приведенных композит, все локативные композиты одновременно являются и атрибутивными. Действительно, в вышеприведенных формулировках локативный показатель «где» может быть без ущерба для смысла заменен атрибутивным показателем «который», «в котором» и так далее.

б) *Локативно-целевая семантика*

Наряду с чисто локативными композитами широко представлены и композиты с локативно-целевым значением, которые выражают прагматическую функцию или целевое назначение объекта, обозначаемого соответствующей композитой. Поэтому такие композиты получают двоякую семантическую интерпретацию: локативную и функционально-прагматическую. Например: *тшбора* «конюшня» (*тшы* «лошадь» + *бора* «сарай») — а) сарай (место, где / в котором находится лошадь) и б) сарай, который слу-

жит / предназначен для содержания лошадей; *щхамартан* «улей» (*щха* «пчела» + *мартан* «корзина») — а) в котором / где находятся пчёлы и б) корзина, предназначенная для обитания пчёл; *чыбджитара* «перечница» (*чыбджи* «перец» + *тара* «вместилище») а) место, где хранится перец и б) место, которое предназначено для хранения перца.

Из приведенных дефиниций (а / б) видно, что функционально-прагматическая характеристика (б) несёт дополнительную, уточняющую информацию по отношению к дифиниции (а). Аналогичную семантическую структуру имеют и другие композиты: *чмазагIвтара* «больница», «лазарет» (*чмазагIвы* «больной» + *тара* «вместилище»); *хIвыхIвтара* «голубятня» (*хIвыхIв* «голубь» + *тара* «место»); *хIватара* «свинарник» (*хIва* «свинья» + *тара* «место»); *квтIутара* «курятник» (*квтIу* «курица» + *тара* «место»);

в) *Локативно-посессивная семантика*

Посессивная семантика вообще и локативно-посессивная в частности играет большую роль в конструировании именных композит со структурой N. N. Результирующая семантика такой композиты формируется посредством выражения принадлежности одного объекта другому. При этом такие объекты относятся друг к другу как часть к целому. Понятно, что посессивные отношения также выясняются дефиницией ближайшего рода и видового отличия. Приведем ряд примеров: *анчважь* «родинка» (*ан(ы)* «мать» + *чважь* «плоть») — отметина; а) находящаяся в определенном месте тела и б) принадлежащая плоти матери; *бгъарбыгIв* «позвоночник» (*бгъа* «спина» + *р* + *б(ы)гIвы* «кость») — кость; а) расположенная в определенной области спины, б) относящаяся к определенной области спины; *тдзакв* «крыша» (*тдзы* «дом» + *акв* «верх») — часть постройки; а) образующая верхнюю часть дома и б) принадлежащая к верхней части дома. Такую же семантическую структуру имеют и следующие именные композиты: *напIыщтIахь* «тыльная сторона руки» (*напIы* «рука»+ *щтIахьы* «задняя часть»); *лачва* «веко» (*ла* «глаз» + *чва* «кожа»); *лахъвы* «ресница» (*ла* «глаз» + *хъвы* «волос»); *хъабыгIв* «череп» (*хъа* «голова» + *б(ы)гIвы* «кость»); *ладзы* «слеза» (*ла* «глаз» + *дзы* «вода»); *хъадзы* «головной мозг» (*хъа* «голова» + *дзы* «вода»); *хъабра* «волос» (*хъа* «голова» + *бра* «волос») и другие.

(2) Композиты с локативной семантикой модифицирующего компонента.

Опорный компонент композиты, как правило, обозначает вид или род, а модифицирующий компонент своей семантикой суживает значение второго компонента, и благодаря этому результирующее значение композиты приобретает более конкретное значение. Таким образом, объект в целом характеризуется по локативному признаку. Композиты данного типа в основном обозначают представителей животного и растительного мира. Приведем при-

меры: *рхъабабыщ* «дикая утка» (*рхъа* «поле + *бабыщ* «утка») — утка, которая живот в поле; *пынцIачIвгIва* «носорог» (*пынцIа* «нос» + *чIвгIва* «рог») — животное, у которого рог расположен на носу. К этому же семантическому типу относятся: *бнахIва* «дикий кабан» (*бна* «лес» + *хIва* «свинья»); *дзхIвынап* «водяная крыса» (*дзы* «вода» + *хIвынап* «мышь»); *бначв* «зубр» (*бна* «лес» + *чвы* «бык»); *бнаквтIу* «фазан» (*бна* «лес» + *квтIу* «курица»); *бнаджьма* «козерог» (*бна* «лес» + *джьма* «коза») и другие. Большинство именных композит данного типа входят в эндоцентрические сложные слова и лишь иногда представлены экзоцентрическими образованиями, например, *пынцIачIвгIва* «носорог».

Посессивная семантика

Выше были приведены примеры сочетания посессивной семантики с локативной. Однако посессивная семантика охватывает достаточно большой круг именных композит, выражающих различные предметные области. Особенность именных композит с посессивной семантикой заключается в том, что их результирующее значение формируется на базе системного отношения принадлежности одного объекта к другому. К этим композитам относятся термины, обозначающие типы общности людей, родство: *тдзыхьыз* «фамилия» (*тдзы* «дом» + *хь(ы)зы* «имя») — имя, которое носит данный дом; *абахьзы* «отчество» (*аба* «отец» + *хьхы* «имя») — имя, которое принадлежит отцу, имя отца; *анхъвпхIа* «золовка» (*анахъва* «свекровь» + *пхIа* «дочь») — девушка, которая приходится дочерью свекрови; *аница* «дядя» (со стороны матери) — мужчина, который приходится братом матери; *анхица* «тётя» (со стороны матери) (*аны* «мать» + *ахица* «сестра») — женщина, которая приходится сестрой матери.

Сюда же относятся названия детенышей животных: *хIвачыр* «поросёнок» (*хIва* «свинья» + *чыр* «детёныш»); *цыгвчыр* «котёнок» (*ц(ы)гвы* «кот» + *чыр* «детёныш»); *мышвчыр* «медвежонок» (*м(ы)швы* «медведь» + *чыр* «детёныш») и другие.

К композитам с комбинированной посессивно-результативной семантикой следует отнести и названия различных видов мяса: *щамакъжьы* «говядина» (*щамакъы* «крупный рогатый скот» + *жьы* «мясо»); *хIважьы* «свинина» (*хIва* «свинья» + *жьы* «мясо»); *къазжьы* «гусятина» (*къаз* «гусь» + *жьы* «мясо»); *тшжьы* «конина» (*тшы* «лошадь» + *жьы* «мясо»); *бабыщжьы* «утятина» (*бабыщ* «утка» + *жьы* «мясо»).

Инструментально-целевая семантика

Именные композиты с инструментально-целевой семантикой сравнительно немногочисленны и обозначают преимущественно предметы быта. В этих композитах второй компонент, как правило, выполняет инструментальную, или орудийную функцию по отношению к первому компоненту композиты, а первый компонент

функционирует как целевой объект, на который направлено действие. Результирующая семантика инструментально-целевой композиты производна от модифицирующего значения опорного компонента. Приведем примеры: *хыхъвшв* «порох» (*хы* «пуля» + *хъвшвы* «порошок») — порошок, при помощи которого стреляют / производят стрельбу; *чрыкъвхьщы* «гуталин» (*чрыкъв* «обувь» + *хьщы* «мазь») — мазь, которая используется для смазывания обуви; *хъышвгъв* «ставня» (*хъышв* «окно» + *гъвы* «доска») — доска, при помощи которой закрывают окно / доска, используемая для закрытия / утепления помещения; *айхамца* «огниво (*айха* «железо» + *мца* «огонь») — камень, при помощи которого получают огонь; *чыльахва* «шелковичный червь» (*чыльа* «шёлк» + *хва* «червь») — червь, который: а) используется для получения шёлка, б) вырабатывает шёлк. При этом, если акцентируем внимание на дефиницию (б), то мы имеем дело с агентивной семантикой второго компонента, а следовательно, и всей композиты.

Копулятивно-собирательная семантика

Именные композиты с копулятивно-собирательной семантикой в определенном смысле являются противоположностью сложным словам с посессивной семантикой. Если последние отражают отношения детерминативной зависимости между компонентами, то компоненты первых выражают равноправные семантико-синтаксические отношения. Такие отношения принято называть копулятивными. Особенности их дефиниции заключаются в том, что оба компонента не выполняют функцию традиционно понимаемого опорного слова и играют роль модифицирующих компонентов. Результирующая семантика таких композит производна от скрытой за этими компонентами обобщенно-собирательной семантики. По своему лексическому составу рассматриваемые композиты охватывают различные сферы жизнедеятельности человека и явления природы. Приведем несколько примеров: *аны-аба* «родители» (*аны* «мать» + *аба* «отец») микрогруппа, состоящая из матери и отца; *напIыщапI* «конечности» (*напIы* «рука» + *щапIы* «нога») — совокупность органов, образующих конечности; *ъахвтан-кIьапхьын* «платье-костюм) (*ъахвтан* «платье» + *кIьапхьын* «юбка») — ансамбль одежды, образующий платье-костюм.

В этот же тип входят: *хъацIипхIвыс* «супруги» (*хъацIа* «муж» + *пхIвыс* «жена»); *гвачIва-рапхIа* «внутренности» (чаще: животных — сердце, печень, лёгкие) — (*гвы* «сердце» + *чIва* «печень» + *рапхIа* «лёгкие»); *махъа-щахъа* «руки-ноги», «конечности» (рука, часть руки от плеча до кисти + *щахъа* «часть ноги от бедра до ступни»); *хъгIвы-цIыгIв* «постель», «постельные принадлежности» и другие.

Семантика компаративных именных композитов

Мы рассмотрели различные семантические типы композит, результирующая семантика которых образуется на основе прямых значений компонентов. Это относится как к эндоцентрическим, так и к экзоцентрическим сложным словам. Компаративные композиты конституируются при помощи метафорического переноса и переосмысления составляющих их компонентов. Метафорическому переосмыслению может быть подвергнут первый компонент композиты и тогда мы имеем эндоцентрическое сложное слово либо оба компонента. В последнем случае мы имеем экзоцентрическое сложное слово. По типу дефиниции данные композиты относятся к определению через ближайший род и видовое отличие. В эндоцентрических композитах функцию видового отличия по отношению ко второму компоненту выполняет первый компонент, а в экзоцентрических — оба компонента выполняют данную функцию по отношению к невыраженному словесно-опорному компоненту.

Приведем несколько примеров эндоцентрических композит: *адамхIачIва* «головастик» (*ада* «лягушка» + *мхIачIва* «ложка») — лягушка, которая имеет форму ложки; *хIахъврачва* «каменный уголь» (*хIахъвы* «камень» + *рачва* «уголь») — уголь, который напоминает по форме камень; *кIважвацIла* «ясень» (*кIважва* «княжна» + *цIла* «дерево») — дерево, которое своей пышностью одеяния похоже на княжну.

Приведем теперь примеры экзоцентрических компаративных композит: *хъвшвамгIа* «радуга» (*хъвшва* «котёл» + *мгIа* «ручка» — дуга на небе, которая по форме напоминает ручку ковша для питья воды; *хIвапыкв* «усач» (*хIва* «свинья» + *пыкв* «рот») — рыба, имеющая форму свиной губы; *цыгвцIыхъва* «тысячелистник» (*цвы* «кот» + *цIыхъва* «хвост») — растение, нижняя часть которого напоминает хвост кота.

Рассмотрение основных типов семантики именных композит со структурой N. N. позволяет прийти к следующим выводам.

1. Все именные композиты со структурой N. N. содержат в своей исходной основе синтагмы с широкой глагольной семантикой — быть, иметь, находиться, принадлежать, быть похожим и другие.

2. Специфика глагольной семантики синтагм, лежащих в основе именных композит, предопределяет объем семантических падежей, их распределение среди сложных слов. Из всего многообразия семантических падежей в рассмотренном типе представлены следующие: локативные, локативно-целевые, инструментально-целевые, посессивные, копулятивные и компаративные. Остальные падежи либо представлены отдельными примерами, либо вовсе не встречались в нашем экспериментальном материале.

3. Именные композиты N. N. подразделяются на эндоцентрические, когда выражены модифицирующий и опорный компоненты, и экзоцентрические, когда выражены только модифицирующие

компоненты и лексически не представлен опорный. В композитах с прямым компонентным значением в подавляющем большинстве случаев мы имеем эндоцентрические композиты.

4. Все рассмотренные именные композиты так или иначе определяются при помощи дефиниции через ближайший род или видовое отличие. При этом в зависимости от номинативного типа композиты второй компонент является опорным словом, а первый — модифицирующим (эндоцентрическим), либо оба компонента выполняют модифицирующую функцию по отношению к невыраженному опорному слову.

А. А. Шаов

О СООТВЕТСТВИИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОЙ И СЛОВАРНОЙ ФОРМЫ ИМЕНИ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Несмотря на значительные достижения адыгской лексикографии, проблема словарной формы все еще остается недостаточно разработанной. Несомненно, словари адыгских языков стараются показать отдельность слова с лексической, грамматической, семантической и функциональной точек зрения. Но поскольку ни в лексикологии, ни в грамматике еще не выработаны удовлетворительные принципы определения понятия «слово», то лексикографическое решение становится особенно затруднительным.

С другой стороны, опыт показывает, что лексикографы, решая вопрос о словарной форме, не всегда руководствуются ныне существующими теориями об отдельности слова. Достаточно сказать, что в словарях все еще не получили практического применения научно обоснованные положения М. А. Кумахова, связанные с трактовкой словарной формы имени и глагола, а также с дифференциацией сложных имен и именных комплексов.

На современном этапе развития адыгской лексикографии задача состоит именно в том, чтобы «искусство» составления словарей привести в соответствие с теоретическим уровнем об отдельности слова, достигнутого лексикологией, грамматикой и другими разделами адыгского языкознания. В этой связи следует подчеркнуть, что из всех словарей адыгских языков лингвистическая теория наиболее полно реализуется в подготовленном к печати «Толковом словаре кабардино-черкесского языка». Предпринятое в этом словаре новшество, — подача раздельнооформленных слов, обозначающих сложные названия типа *мэз джэд* «фазан» как самостоятельные словарные единицы, — является очень важной и своевременной как в теоретическом, так и в практическом плане.

В адыгских языках словарной формой имени представлен именительный падеж ед. числа неопределенной формы. Только в отдельных словарях нарушается этот принцип. Так, в «Адыгейский орфографический словарь» Д. А. Ашхамафа в форме именительного падежа ед. и множ. числа включаются заимствованные из русского языка и через него слова. Например: *врач, врачыр, врачхэ*

«врач» и т. д. В «Толковом словаре адыгейского языка» наряду с неопределенной формой в скобках отмечается и определенная форма именительного падежа ед. и множ. числа, например: *бырыу (бырыур, бырыухэр)* «бурав» и др.

Как отмечает Г. В. Рогава, «имена в именительном падеже (в определенной форме — Ш. А.) не могут быть взяты в качестве словарной формы, поскольку суффикс именительного падежа *-р* имеет и другую основную функцию, функцию определенности...»[1]

М. А. Кумахов, разграничив разные функции именных формантов *-р* и *-м*, кроме форм определенности и неопределенности, выделяет еще общую форму. Но словарную форму он не связывает непосредственно с общей формой, поскольку в принципе не отрицает существования в адыгских языках неопределенной формы имен существительных[2].

Н. Т. Гишев считает неправомерным разграничение существительных на определенные и неопределенные формы. В адыгских языках он выделяет новый падеж — исходный падеж, и эта падежная форма, по Н. Т. Гишеву, является словарной формой имени[3].

Таким образом, независимо от того, как решается вопрос о категории определенности-неопределенности и номенклатуре падежей, в научной традиции в качестве словарной формы прочно укрепилась нулевая форма имени.

Однако из этого общего положения вытекает целый ряд частных вопросов для определения словарной формы, среди которых, на наш взгляд, вопрос о соответствии субъектно-объектной и словарной формы имени в адыгских языках представляет особенный интерес.

В настоящее время в связи с расширением лексикографической работы как в Адыгее, так и в Кабардино-Балкарии все острее встает проблема — как следует включать в словари многосложные существительные с вокалическими конечными *э* и *ы* типа *мат(э)* «корзина», *дэпкъ(ы)* «стена».

В кабардинской практической лексикографии этот вопрос не вызывает разногласий, поскольку в кабардинском языке как в субъектно-объектной функции, так и в позиции предиката многосложные существительные с конечным *э* сохраняют гласный *э*, а существительные с конечным *ы* теряют гласный *ы*. Ср.: *Іатэ солъэгъу* «вижу стог» и *мыр Іатэ* «это стог (есть)». *Жыг солъэгъу* «вижу дерево» и *мыр жыг* «это дерево (есть)». Гласный *ы* сохраняется лишь в односложных существительных типа *езы* «он сам» и др. Короче говоря, словарная форма имени в кабардинском языке совпадает с субъектно-объектной формой слова.

---

[1] *Рогава В. Г.* К словарной форме имен в адыгейском языке. — Уч. зап. АНИИ, т. II. Майкоп, 1963, с. 30.

[2] См.: *Кумахов М. А.* Словоизменение адыгских языков. М., 1971, с. 42.

[3] *Гишев Н. Т.* К вопросу о категории определенности-неопределенности в адыгейском языке. — Вопросы адыгейского языкознания, вып. 1. Майкоп, 1980, с. 21.

Что касается словарей адыгского языка, то в них словарная форма имени существительного представлена как в субъектно-объектной, так и в предикативной форме. Ср., например: *кIалэ* «мальчик», *чатэ* «сабля», но: *Iалъ(э)* «перчатки», *Iат(э)* «стог»; *дэпкъ* «стена», *лъэмыдж* «мост», но: *чэмы* «корова», *чэты* «курица» и т. д. Это связано с тем, что указанные выше конечные гласные в адыгейском языке могут сохраниться или отпасть независимо от позиции (субъектно-объектной или предикативной), которую занимают существительные.

Г В. Рогава, отметив, что имена с исходным гласным *э* в функции подлежащего и дополнений сохраняет *э*, приходит к выводу, что «словарной формой указанных выше имен являются формы с конечным гласным *э: джанэ, уанэ, гъуанэ, гущыIэ*, а не формы с усеченным гласным *джан, уан, гъуан, гущыI* и т. д.»[4].

Это мнение поддерживает и М. А. Кумахов. Он, в частности, пишет, что «предикативная форма *(уан, джан, мацI)* лингвистически не может быть принята в качестве словарной формы»[5]. Касаясь имен существительных с конечным гласным *ы*, автор продолжает: «Ведь формы типа *цIыфы*, как и формы *уан*, являются не формами подлежащего, а формами предиката. В обоих случаях наличие или отсутствие конечного вокалического элемента приобретает грамматическое значение, т. е. чередование гласных с нулем *(цIыф — цIыфы, уан — уанэ)* имеют качественный (морфологический) характер. Зачем же давать в словаре имена в форме сказуемого (предиката), когда они имеют форму подлежащего»[6].

Но отдельные специалисты в этом вопросе придерживаются противоположного мнения: в качестве словарной формы имени существительного они предлагают предикативную форму.

Практическая лексикография также, стараясь показать наиболее, так сказать, внеконтекстную форму, наряду с субъектно-объектной формой дает иногда и предикативную форму имени существительного, благодаря чему одни и те же существительные в словарях приобретают разные формы. Ср., например:

Орфографический словарь адыгейского языка	Толковый словарь адыгейского языка
лъэкIапIэ	*лъэкIапI*
цэлдаI	*цэлдаIэ*
къопс	*къопсы*
осэпс	*осэпсы*

Ориентация на предикативность вокабулярной формы имени существительного усугубляет разнобой в нормализации адыгейского литературного языка. Приведем один пример. Одинаковые

---

4 *Рогава Г В.* Указ. соч., с. 29.
5 *Кумахов М. А.* Адыгейско-русский словарь. — ВЯ, 1976, № 6, с. 180.
6 Там же, с. 131.

по структурному составу синонимичные слова *бжьэпчI* и *бжьэц* «пчелиный рой» в «Адыгейско-русском словаре» получают следующие формы: *бжьэпчI*, см. *бжьэцы*. Спрашивается: какая из этих форм является предикативной? Ср.: *Ар бжьэпчI* и *Ар бжьэцы*. Причем возможно и такое употребление: *Ар бжьэпчIы*, но *Ар бжьэц*. Следовательно, теория предикативной формы заглавного слова подается без необходимого доказательства. Например, ничем нельзя объяснить, почему структурно совершенно одинаковые слова *уанэ* «седло» и *уатэ* «молот» получают разные формы в словарях: *уан* и *уатэ*.

Правомерность подачи субъектно-объектной формы имени существительного в качестве словарного заголовка, кроме всего прочего, подтверждается также структурными особенностями существительного. Так, когда аффиксы категории принадлежности присоединяются к существительным, выполняющим субъектно-объектную функцию, то в адыгейском языке, как и в кабардинском, существительные с исходным *э* сохраняют гласный *э*, а существительные с исходным *ы* теряют гласный *ы*. Например: *ащ и-Iатэ къахэщы* «его стог выделяется среди других»; *ащ и-чэм жьэу дафы* «его корову рано выгоняют». Когда же аффиксы категории принадлежности присоединяются к существительным, выполняющим предикативную функцию, то они употребляются вообще без вокалических элементов *э* и *ы*. Например: *ащ ар и-Iат* «его это стог (есть)», *ащ ар и-кIал* «его это сын (есть), *ащ ар и-чэм* «его это корова (есть)», *ащ ар и-лъэмыдж* «его это мост (есть)».

Сказанное позволяет сделать следующий вывод: фиксируемые в настоящее время словарями формы имен существительных типа *Iат* «стог» и *чэмы* «корова» образуют в адыгейском языке вариантность слова на грамматическом уровне (ср.: формы *Iатэ* и *чэм*) Но это варьирование выступает не как структурно-языковая необходимость, а как ситуативно-речевое явление, и поэтому оно превращается в парадигматическую избыточность.

В словарях адыгских языков заглавной формой имен прилагательных, как и имен существительных, принят именительный падеж ед. числа неопределенной формы. Что же касается прилагательных с вокалическими элементами *э* и *ы*, то в их показе в словарях адыгейского языка нет также последовательности: в них встречаются как субъектно-объектные формы (например: *бынынчъэ* «бездетный», *кIыр* «высокий»), так и формы предиката (например: *акъылынчъ* «глупый», *кIыфы* «бледный»).

Чтобы верно решить проблему словарной формы качественных слов, следовало бы исходить из своеобразия адыгейского прилагательного. Дело в том, что прилагательные вне сочетания с существительными, играя субъектно-объектную роль в предложении, легко субстантивируются. Это говорит о том, что при отборе словарной формы в адыгейском языке не возможен чисто морфологический подход, т. е. не может быть выбрана та форма, которая употреблена вне предложения. Поэтому на заглавную форму могут претендовать только прилагательные, употребляемые в со-

четании с теми существительными, которые выполняют в предложении субъектно-объектную функцию. Например: *унэ лъагэ къэлъагъо* «высокий дом виднеется»; *къэгъэгъэ плъыжь тищагу къыдэкIэ* «красный цветок у нас во дворе растет».

В сочетаниях *унэ лъагэ* «высокий дом» и *къэгъэгъэ плъыжь* «красный цветок» прилагательными являются *лъагэ* и *плъыжь*. Именно в этой форме (в субъектно-объектной форме) эти прилагательные необходимо давать в словарях адыгейского языка. Зависимость формы прилагательного от сочетающегося с ним имени существительного подтверждается также формами оправдательных примеров, которыми снабжаются словарные статьи. В таких примерах прилагательные с исходным *э* сохраняют гласный *э*, а прилагательные с исходным *ы* теряют гласный *ы*, например: *орыжъылъ* прил. «болотистый»; *орыжъылъэ чIыпI* «болотистая местность»; *оды* прил. «худой», «тощий»; *щы од* «тощая лошадь» (Адыгейско-русский словарь).

Лексикографической традицией стало приведение в словарях адыгейского языка многосложных количественных числительных типа *пшIыкIузы* «одиннадцать» и др. Однако такие формы являются предикативными; поэтому для точного определения словарной формы количественных числительных следует брать их такие, как и прилагательные, в сочетании с существительными, выступающими в субъектно-объектной функции. Например: *нэбгрэ пшIыкIутф къыIухьагъ* «подошли (к нам) пятнадцать человек», *сэ кIэлэ пшIыкIущ къахэсщыгъ* «я отобрал тринадцать мальчиков».

В сочетаниях *нэбгрэ пшIыкIутф* «пятнадцать человек», *кIэлэ пшIыкIущ* «тринадцать мальчиков» *нэбгрэ* и *кIалэ* выступают в предложении соответственно в функции подлежащего и дополнения. А сочетаемые с этими существительными количественные числительные *пшIыкIутф* и *пшIыкIущ* употребляются без огласовки *ы*. В этой форме, как и в кабардинском, они должны войти в словари адыгейского языка.

Суммируя все сказанное, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время лексикографирование именных слов в целом производится недостаточно последовательно. Однако существенным представляется другое — вопрос о словарной форме имени с вокалическими элементами *э* и *ы* в адыгейском языке. Решение этой проблемы, как показано выше, осуществимо только в плане субъектно-объектной формы имени.

У. С. Зекох

О ТИПАХ СКЛОНЕНИЯ В АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ

Адыгским словам именной и местоименной лексики присуще изменение по падежам, т. е. склонение. Появление системы склонения М. А. Кумахов относит к адыгско-убыхскому хронологическому уровню. Он считает, что общезападнокавказский язык, который является прямым лингвистическим предком адыгско-убыхского языка, характеризовался отсутствием деклинационной механики.

Для объяснения генезиса и истории адыгского склонения, отличительных особенностей парадигматики падежного словоизменения, своеобразия его классификации на типы и т. д. представляет существенный интерес хронология падежных форм, последовательность их нарождения в адыгских языках.

Как известно, Н. Ф. Яковлев считал древнейшую парадигму адыгского склонения состоящей из двух падежей — «общего» и творительного. Однако наиболее архаические образцы склонения — склонения личных местоимений и индефинитного склонения имен — содержат несколько большее количество падежных форм, позволяющее бросить более или менее адекватный ретроспективный взгляд на сравнительно древнее состояние адыгского склонения и его падежный состав.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что индефинитные падежи субъекта и объекта, которые входят в парадигму адыгского склонения личных местоимений и неопределенного склонения имен, и древнеадыгский «общий» падеж, о котором говорит Н. Ф. Яковлев, — не одно и то же. «Общий» падеж представлял из себя обобщенное обозначение недифференцированного понятия субъекта, ныне подвергаемого разложению на понятие переходного субъекта и понятие непереходного субъекта, и понятия объекта, расчленяемого теперь на понятие ближайшего объекта и понятие косвенного объекта. Падеж этот служил формой наименования предмета, воспризводился в речи в своем прямом, первичном виде. «Общий» падеж, несмотря на свою немаркированность, не был выразителем грамматического понятия неопределенности, потому что не имел маркированного противопоставления идеи определенности.

Индефинитные падежи субъекта и объекта, которые позднее народились в адыгейских языках, не имели, как и древний «общий» падеж, внешне (фонетически) выраженного оформления. Но каждый из этих падежей, в отличие от древнего «общего» падежа, выступал в контексте речи в подчиненной роли по отношению к сказуемому, потому что в качестве названия предмета

стало в то время применяться не имя субъекта, а имя предиката. Грамматически зависимый статус имели также позднее возникшие дефинитные имена субъекта и объекта, составлявшие антиподы индефинитным именам субъекта и объекта и располагавшие положительными грамматическими средствами для обнаружения идеи определенности предмета.

Для нашей темы представляет существенный интерес древнейшая структура парадигмы адыгского склонения. Как мы уже отмечали, исходный член этой парадигмы — «общий» падеж — материально и структурно совпадал с «чистой» основой имени, не имел в своем составе эксплицитных или имплицитных грамматических элементов образования падежной формы, в силу чего служил производящей основой для всех остальных членов деклинационной парадигмы. аксиальным (осевым) центром всей системы падежных форм. Как отмечает Б. А. Серебренников, своеобразие аксиальной структуры деклинационной парадигмы состоит в присоединении к одной неизменяемой основе «общего» падежа, повторявшей «чистую» основу имени, всех падежных окончаний. Наличие этой особенности способствовало существованию четких границ между морфемами словоформы, сохранению падежных флексий без каких-либо видоизменений, что, в свою очередь, исключало возможность возникновения вариаций показателей форм склонения. Отсутствие же неодинаковых систем падежных флексий делало невозможным различение разновидностей падежного словоизменения имен, которые принято называть типами склонения. Наличие однотипного склонения служило одной из существенных структурных черт адыгских языков как языков агглютинативного строя. Глубоко прав Б. А. Серебренников, когда пишет, что в агглютинативных языках аксиальная структура деклинационной парадигмы не создавала почвы для возникновения многотипного склонения.

Таким образом, в агглютинативных адыгских языках «пассивные» слова склонялись однотипно. При этом парадигма склонения, имевшая аксиальную структуру, состояла из трех падежей — «общего», относительного и творительного: общ. адыг. *кIалэ*, каб. *шIалэ* «юноша»; отн. адыг. *кIалэ-у*, каб. *шIалэ-у;* тв. адыг. *кIалэ-кIэ*, каб. *шIалэ-кIэ*.

Дальнейшее развитие грамматической структуры адыгских языков ознаменовалось переходом от аксиального устройства деклинационной парадигмы к неаксиальному в связи с позднее наметившимся в сфере именного словоизменения использованием показателей более раннего грамматического понятия определенности предмета *-р* и *-м* в функции индикаторов падежей. Приобретение показателями определенности падежных функций послужило основой для преобразования всей системы склонения. Дефинитно-падежный суффикс *-р*, маркируя имя непереходного субъекта или ближайшего объекта, сообщает ему самодовлеющий характер, строго определенный атомизм в парадигматическом контексте, в результате чего оформленный этим суффиксом падеж, который

традиция называет «именительным падежом», лишается возможности быть аксиальным центром всей парадигмы. Только падеж дефинитного имени переходного субъекта на *-м* участвует в образовании двух форм склонения — творительной и адессивной (в системе именного класса). На модель образования относительного падежа не влияет дефинитное состояние имени: для этого падежа, как и для дефинитного патетива переходного субъекта, производящей базой служит «чистая» основа (в именах).

Таким образом, возникла особая деклинационная парадигма дефинитно значимых и оформленных имен — парадигма, которая включает в себя падежные формы, выражающие отношения между предметами характерной системой падежных окончаний:

Пат.	*-р*
Эрг.	*-м*
Отн.	*-у*
Тв.	*-м-кIэ*
Ад.	*-м-ди*

Не имеет уже аксиальной устроенности также парадигма склонения индефинитных имен. Индефинитные патетив и эргатив не повторяют «чистой» основы: они характеризуются грамматической производностью, выражающейся системно значимыми нулевыми флексиями. Грамматическая оформленность этих падежей подчеркивается, в частности, особенностями построения глагольной формы главного члена предложения, регулирующей падежное оформление имени: ее переходно-непереходным статусом, порядком расположения в ней личных префиксов субъекта и объекта и т. д.

Индефинитный патетив образуется по модели: «основа имени + нулевая флексия», индефинитный эргатив формируется по схеме: «основа имени + нулевая флексия или окончание *-ы*». Индефинитные инструменталис и адессив также производятся по образцу: «основа + падежное окончание». Здесь не работает так наз. «принцип двух основ».

Следовательно, для группы индефинитных имен также существует особая модель изменения по падежам, которую характеризует только ей присущая система флексий:

Пат.	*-∅*
Эрг.	*-∅* ‖ *-ы*
Отн.	*-у*
Тв.	*-кIэ*
Ад.	*-ди*

По разным моделям склоняются слова именного класса. Однако эта особенность актуальна лишь для нарицательных имен ед. ч. Что же касается собственных имен, некоторых семантических разрядов местоимений и нарицательных имен мн. ч., то склонение, которое им присуще, носит однотипный характер.

В разных языках, в зависимости от их специфики, дифференциация типов склонения может основываться на различных языковых явлениях. В русском языке, например, в основе различения

типов склонения лежит несловоизменительная категория рода, в силу чего к каждому типу склонения относятся здесь слова как лексемы, а не отдельные их словоформы. В немецком языке сильное и слабое склонения качественных имен различаются уже по словоизменительным артиклям, вследствие чего одно и то же адъективное слово может здесь примыкать к разным склонениям (в зависимости от наличия или отсутствия перед прилагательным артикля или от характера артикля) и т. д.

Нечто аналогичное немецкой деклинационной механике обнаруживается в адыгских языках, которым, как уже отмечено, также присуще различение систем падежных флексий и, следовательно, типов (или классов) склонения. Здесь различие систем падежных окончаний основывается на собственно грамматической (словоизменительной) категории определенности — неопределенности. Поэтому в адыгских языках одно и то же слово в различных своих морфологических состояниях подходит под разные деклинационные рубрики. Имена в их морфологическом состоянии, выражающем грамматическое значение определенности, обладают своей системой падежных окончаний и образуют отдельный тип склонения, который называется определенным типом, или определенным склонением. Имена в их морфологическом состоянии, заключающем в себе грамматическое значение неопределенности, также имеют свою схему падежных флексий, и они образуют свой тип склонения, который именуется неопределенным типом склонения, или неопределенным склонением.

Из сказанного о типах склонения в адыгских языках вытекают следующие предварительные выводы.

1. Агглютинативные адыгские языки обладают и некоторыми флективными признаками, к которым принадлежит существование в них двух типов склонения.

2. Было время, когда адыгское имя в его единственном индефинитном состоянии, повторявшем «чистую» основу, выступало в парадигме склонения в качестве ее аксиального (осевого) центра. Тогда адыгское склонение было однотипным.

3. Возникновение в адыгских языках двух типов склонения связано с позднее наметившимся в сфере именного словоизменения использованием показателей более раннего грамматического понятия определенности предмета в функции выразителей падежных форм и утратой именами способности склоняться по парадигме с аксиальной структурой.

4. Категория определенности-неопределенности, на которой базируется выделение в адыгских языках двух типов склонения, — это морфологическая (словоизменительная) категория, вследствие чего в этих языках тип склонения образуют не слова, а разные морфологические состояния слова.

5. По двум типам склонения изменяются нарицательные имена в ед. числе. Однотипное склонение присуще тем же нарицательным именам во мн. числе, собственным именам, а также некоторым разрядам местоименных слов.

Ю. А. Тхаркахо

ВАРИАНТНОСТЬ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

(на материале адыгейского языка)

Общепризнано, что «вариантность — это объективное следствие языковой эволюции, непременный атрибут живого литературного языка»[1] И, действительно, несмотря на стремление литературного языка ограничить вариантность лексических единиц и их форм, вариантность, особенно грамматическая, имеет довольно большое место не только в новописьменных, но и в старописьменных языках. Причем, в отличие от фонетических вариантов, часть из которых отвергается нормой литературного языка, морфологические варианты, как правило, рассматриваются в пределах нормы литературного языка. С этим связано и то обстоятельство, что морфологические варианты часто оказываются стилистически значимыми и распределены между функциональными стилями литературного языка. Поэтому значительный интерес представляет выявление тех стилистических и эмоционально-экспрессивных оттенков, которыми сопровождаются вариантные формы.

Вопросы вариантности в связи с развитием адыгских литературных языков довольно обстоятельно впервые разработаны в монографии З. Ю. Кумаховой «Развитие адыгских литературных языков»[2]. Возникновение вариантов автор считает результатом внутреннего, спонтанного развития структуры языка, а также влияния внешних факторов[3]. Эти факторы явились и источниками появления вариантности падежных форм адыгейского языка.

В адыгейском языке представлены два типа вариантности падежных форм, из которых первый непосредственно связан с выбором глагола, управляющего именем, и охватывает формы различных падежей, тогда как второй тип ограничивается формами одного и того же падежа.

---

[1] *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978, с. 3.
[2] *Кумахова З. Ю.* Развитие адыгских литературных языков. М., 1972.
[3] Там же, с. 104.

Вариантность падежа имени, связанная с выбором управляющего глагола

Наличие грамматической категории определенности-неопределенности предопределяет оформление имен в адыгских языках определенными и неопределенными формами. В частности, определенность имен, как правило, передается посредством аффиксов **-р** и **-м.**

Формы именительного и эргативного падежей определенного склонения, в отличие от форм этих же падежей неопределенного склонения, в адыгейском литературном языке довольно последовательно противопоставляются и формально выражены. В основе этого противопоставления лежит грамматическая природа глагола-сказуемого, управляющего именем. Как известно, непереходный глагол-сказуемое требует постановки имени-подлежащего в именительном падеже: *кIэлэеджакIо* **р матхэ** «ученик пишет», а переходный — в эргативном падеже: *кIэлэеджакIо* **м** *сочинение* **етхы** «ученик пишет сочинение».

Тем не менее в определенных условиях падежное оформление имени-подлежащего может допустить вариантность. Так, при наличии двух и более однородных сказуемых, разных по переходности-непереходности, падежное оформление имени-подлежащего зависит от выбора управляющего слова. Если управляет именем непереходный глагол, то имя ставится в именительном падеже: **пшъашъэхэр** *Айтэчы* **ешIужьыгъэх,** *агъэIэсэжьыгъ* (Еутых) — «девушки примирились с Айтечем, успокоили его». В этом предложении первое из однородных сказуемых, выраженное непереходным глаголом *(ешIужьыгъэх)*, определило и именительную падежную форму имени-подлежащего *(пшъашъэхэр)*. Выбор бы другого сказуемого, выраженного переходным глаголом *(агъэIэсэжьыгъ)*, потребовал бы другую падежную форму имени-подлежащего — эргативную: **пшъашъэхэм** *Айтэч* **агъэIэсэжьыгъ.** *ешIужьыгъэх* «девушки Айтеча успокоили, примирились с ним».

Оба варианта оформления имени-подлежащего функционируют в пределах литературной нормы. Единственное, что норма требует, — это постановка управляющего слова ближе к управляемому

Падежное оформление управляемого имени-подлежащего допускает такую же вариантность и тогда, когда управляющие глаголы снабжены различными глагольными формами: одни — финитной, другие — инфинитной. В этих условиях выбор управляющего слова подчиняется стилистическим целям. Управление ближайшим глаголом, снабженным инфинитной формой (глагол инфинитной формы обычно предшествует глаголу финитной формы), стилистически нейтрально, тогда как управление более отдаленным глаголом, снабженным финитной формой, характернее для письменно-литературных стилей (в этих условиях между подлежащим и управляющим глаголом находится инфинитный глагол).

Сравним:

нейтральное и обиходно-бытовое:

Тыгъэм *ошъуапщэхэр* **зэІигъэзыкІи,** *шъабэу къахэплъагъ* (Іэшъын) — «Солнце, раздвинув облака, мягко посмотрело» и

газетно-публицистическое и учебно-педагогическое:

Тыгъэр, *ошъуапщэхэр зэІигъэзыкІи, шъабэу* **къахэплъагъ.**

Отдельные компоненты составного сказуемого могут управлять падежом имени-подлежащего, и от выбора того или иного компонента глагола в качестве управляющего именем зависит стилистическая интерпретация всего предложения. И здесь управление ближайшим (первым) компонентом — специфика устных стилей и наиболее нейтрально: *фашист* **самолетхэр къэхъыенхэ** *алъэкІыщтэп (Дэхъу)* — «фашистские самолеты не могут шевелиться», а управление отдаленным (завершающим) компонентом характерно для письменно-литературных стилей: *фашист* **самолетхэм** *къэхъыенхэ* **алъэкІыщтэп.**

Падежное оформление имени зависит и от его синтаксического положения. Как известно, одно и то же имя при одном и том же сказуемом-глаголе может приобретать различные падежные формы. Выбор падежа в данном случае определяется тем, каким членом предложения оно выступает.

Сравним:

*Пшъашъэ***р** (им. п., подл.) *Айтэч***ы** (эрг п., доп.) *ешІужьыгъ* (перех. гл., сказ.) — «Девушка помирилась с Айтечем» и

*Пшъашъэ***м** (эрг. п., доп.) *Айтеч* (им. п., подл.) *ешІужьыгъ* (неперех. гл., сказ.) — «Айтеч примирился с девушкой».

До сих пор мы говорили о вариантности падежного оформления, предопределенной выбором того или иного управляющего слова. Но в адыгейском языке имеются случаи, когда при одном и том же управляющем глаголе (правда, их очень мало) имя-подлежащее приобретает возможность падежного варьирования. Эти глаголы в определенных конструкциях допускают постановку управляемого имени в разных падежах (именительном или эргативном) Причем оба варианта падежного оформления имени не выходят за пределы нормы литературного языка.

Так, при управляющих словах *къеублэ, къырегъажьэ* «начался» управляемое слово может иметь или форму именительного падежа или форму эргативного падежа определенного склонения:

*Ощхы***р** *къеублэ, къырегъажьэ* и

*Ощхы***м** *къеублэ, къырегъажьэ*

«Дождь начинается».

*Джаущтэу къыублэщтыгъэ тхылъы***р** (Еутых) и

*Джаущтэу къыублэщтыгъэ тхылъы***м**

«Так начиналось письмо».

Вариантность падежного выражения управляемого имени сохраняется и тогда, когда от рассмотренного управляющего глагола-сказуемого образуется новый посредством присоединения к нему аффикса места *щи-: къеублэ къыщеублэ:*

*Коммунизмэм екIура гъогу***р** *Москва къыщеублэ* и
*Коммунизмэм екIура гъогу***м** *Москва къыщеублэ*
«В коммунизм идущая дорога в Москве начинается».

Снятие противопоставления форм именительного и эргативного падежей наблюдается и в управляемых местоимениях при условии управления ими составным глаголом *джэуап аретыжьы* «отвечает» и оформления их еще аффиксом *-и:*

*Ежьы***ми** *ахэм джэуап аритыжьыгъ* (Цэй) и
*Ежьы***ри** *ахэм джэуап аритыжьыгъ*
«И сам он дал им ответ».

Рассматриваемое явление охватывает не только именительный и эргативный падежи; оно распространяется и на другие падежи, в частности, на эргативный и творительный (*Зурет***кIэ** || *Зурет***ы** *егупшысэ (МэщбашI)* — «Думает о Зуриет); творительный и превратительный (*Арам ары приказчик анахьыжъы***кIэ** || *анахьыжъэ***у** *ыгъэнафагъэр (МэщбашI)* — «Арам и назначен им старшим приказчиком)

В определенных позициях именной член составного сказуемого допускает варьирование и более двумя падежными формами: *ар ашIыгъ директор* || *директор***ы** || *директорэ***у** «он назначен директором». Все эти варианты встречаются в письменной речи, и каждый вариант поддерживается определенным территориальным диалектным произношением.

Вышеизложенное дает нам основание считать, что причинами суффиксальной вариативности рассматриваемого типа являются встреча в письменном языке различных падежных форм, свойственных разным территориальным диалектам, и незавершенность грамматической специализации аффиксов в адыгейском литературном языке.

Вариантность форм выражения одного и того же падежа

Она принципиально отличается от рассмотренного выше типа вариантности, охватывающей формы различных падежей. Рассматриваемая вариантность может охватить не только оба типа склонения, но и ограничиться формами, присущими одному из типов склонения. Так, если вариантность выражения именительного падежа, как правило, ограничивается тем обстоятельством, что адыгейские имена могут снабжаться определенными и неопределенными формами: *чэм къэсщэфыгъ* и *чэмыр къэсщэфыгъ* «купил корову», — то вариантность форм выражения эргативного падежа может создаваться в пределах одного из типов склонения. Рассматриваемая вариантность чаще всего наблюдается в эргативном падеже множественного числа: *лэжьакIомэ, лэжьакIохэмэ, лэжьакIохэм* «работники». В современном адыгейском литературном языке вариантные формы выражения эргативного падежа множественного числа приобрели стилистическую значимость: вариант на *-хэм* употребительнее в письменно-литературных стилях,

вариант на *хэмэ* характернее для обиходно-бытового стиля, а вариант на *-мэ* оказывается наиболее нейтральным.

Вариантность рассматриваемого типа охватила и указательные местоимения. Эргативные вариантные формы местоимений *ахэм* || *ахэмэ* || *ащмэ* «они», *мохэм* || *мохэмэ* || *мощмэ* «те», *мыхэм* || *мыхэмэ* || *мыщмэ* «эти» разнятся по своей стилистической окраске: варианты *ахэмэ, мохэмэ мыхэмэ* являются наиболее нейтральными, формы *ахэм, мохэм, мыхэм* характернее для письменно-литературных стилей, особенно для газетно-публицистического стиля. Словоформы же *ащмэ, мощмэ, мыщмэ* остаются еще диалектными, и норма литературного языка накладывает на них запрет.

Наличие богатой вариантности форм выражения падежей свидетельствует о продолжающемся процессе становления и кодификации падежных форм, поэтому, как правильно отмечает К. С. Горбачевич, «ни стихийная сила аналогического воздействия, ни сознательные усилия нормализаторской деятельности не смогут вовсе устранить хотя бы временного варьирования словоформ, обусловленного абсолютным в своем проявлении противоречием между формой и содержанием»[4].

Поэтому на современном этапе развития литературного адыгейского языка, да не только адыгейского, но и других новописьменных языков, злободневной задачей является сбор и анализ вариантных форм в плане грамматическом и функционально-стилистическом. Выполнение этой задачи содействует и решению вопросов культуры речи.

---

[4] *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма, с. 199.

А. Н. Абрегов

ПАРАДИГМА СКЛОНЕНИЯ И ПОДАЧА НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ И ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ АДЫГСКИХ ЯЗЫКОВ

Парадигма склонения имен существительных в адыгейском и кабардино-черкесском литературных языках в отношении количества падежей и самих формантов падежей не обнаруживает каких-либо серьезных расхождений, хотя по данному вопросу у ученых имеются разные точки зрения. По сложившейся традиции, как в адыгейском, так и в кабардино-черкесском языке в парадигму склонения включают четыре падежа. В обоих языках падежные форманты совпадают, за исключением превратительного / обстоятельственного падежа, где наряду с формантом *-эу* в кабардино-черкесском языке употребляется также *-у(э)*. Как известно, в диалектах и говорах адыгейских языков наблюдается фонетическая вариативность показателя творительного падежа.

Как отмечается в грамматике адыгейского языка, в парадигме склонения имен существительных в единственном числе только в превратительном падеже происходит усечение конечного гласного основы перед формантом падежа *-эу*, в остальных же падежах гласные финали основ в обоих языках полностью сохраняются. При склонении имен во множественном числе и в адыгейском и в кабардино-черкесском языках ауслаутный гласный *ы* в основе усекается перед показателем множественного числа[1] Например, адыгейск. *къужъы́* «груша» — *къужъ-хэ-р* «груши», *къэбы* «тыква» — *къэб-хэ-р* «тыквы» и др. В указанной работе говорится и о том, что наблюдается также обратный процесс — появление соединительного гласного перед падежными формантами в заимствованных словах-основах типа закрытого слога[2], например, *баклажан* — *баклажан-ы-р* «баклажан», *хъырбыдз* — *хъырбыдз-ы-р* «арбуз», *картоф* — *картоф-ы-р* «картофель», *пындж* — *пындж-ы-р* «рис», *чэрэз* — *чэрэз-ы-р* «вишня», *помидор* — *помидор-ы-р* «помидор» и др. Это свидетельствует о том, что «для адыгских языков исто-

[1] *Рогава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар: Майкоп, 1966, с. 62.

[2] Там же, с. 62. Об отпадении и наращении конечных *э* и *ы* см. подробнее в монографии М. А. Кумахова «Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков». М., 1981, с. 72—89.

рически характерна гласная основа, т. е. основа, оканчивающаяся на гласный. Из гласных в исходе может быть либо *э*, либо *ы*»[3].

Исследователями адыгейского языка (Н. Ф. Яковлевым, Д. А. Ашхамафом, Г В. Рогава, З. И. Керашевой)[4] обращено внимание на то, что в западных диалектах — шапсугском и бжедугском — перед формантом именительного падежа *-р* исходный гласный *ы* заменяется во всех случаях гласным *э*. Например, бжедугск. *къужъы — къужъэ-р* «груша», *джэчы — джэчэ-р* «фасоль», *къоны — къонэ-р* «корнандр»; шапсугск. *хъуыжъы — хъуыжъэ-р* «груша», *пхъуыгушлъ(ы) — пхъуыгуылъэ-р* «алыча», *гьэщы — гьэщэ-р* «фасоль» и т. д. Только в армавирском говоре адыгейского языка, как отмечает Н. М. Набокова[5], носителями которого являются адыгоязычные армяне (черкесские армяне, или черкесо-гаи), параллельно сосуществуют основы как с незамещенными ауслаутными гласными, так и с замещенными, что свидетельствует о смешении различных диалектных черт в процессе формирования данного говора: *пщы — пщы-р* || *пщэ-р* «князь». Такого замещения нет в диалектах и говорах кабардино-черкесского языка, и поэтому в кабардино-черкесском языкознании не возникает проблемы характера конечных гласных в именных основах.

Замечено, что в именных основах адыгейского и кабардино-черкесского языков наблюдается тенденция отпадения ауслаутного гласного основы, вызванного передвижением ударения с последнего слога на предпоследний. Об этом в свое время писали Н. Ф. Яковлев и Д. А. Ашхамаф, на существование данного процесса указывают Г В. Рогава, З. И. Керашева, М .А. Кумахов, З. Ю. Кумахова[6]. В связи с отпадением конечного гласного основа имен существительных в лексикографических работах и учебных пособиях не всегда представлена в полном виде, хотя, как правило, она может быть сохранена в парадигме склонения, за исключением тех слов, у которых появляется соединительный гласный, например, у слов типа *помидор — помидор-ы-р*. Следовательно, чистая (полная) основа имени восстанавливается в падежной форме.

Во многих языках, где имеется склонение имен, словарная форма имени существительного представлена формой именительного падежа. Так обстоит дело в русском, немецком, арабском, грузинском и многих других языках. В отличие от указанных и им подобных языков в адыгских языках этот вопрос решается по-другому. Как стало традицией, в адыгской лексикографической

---

[3] *Кумахов М. А.* Морфология адыгских языков. I, М.; Нальчик, 1964, с. 74.

[4] *Яковлев Н., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.: Л., 1941, с. 386; *Рогава Г В., Керашева З. И.* Указ. работа, с. 62.

[5] *Набокова Н. М.* Фонетические особенности армавирского говора адыгейского языка. — Уч. зап. Кабардино-Балкарского НИИ, т. XX, серия филологическая. Нальчик, 1964, с. 35.

[6] *Рогава Г В., Керашева З. И.* Указ. соч., с. 26—27; *Кумахов М. А.* Указ. соч., с. 52, с. 74, с. 78; *Кумахова З. Ю., Кумахов М. А.* Функциональная стилистика адыгских языков. М., 1979, с. 274—275.

практике имена существительные даются без падежного форманта. И вопрос о словарной форме в словарях разрешается следующим образом. В толковом словаре адыгейского языка, в орфографических и двуязычных словарях наблюдается разнобой в подаче имен существительных, основы которых представлены либо в полном, либо в усеченном виде. Например, *цуабз* || *цуабзэ* «лемех», *наш* || *нашэ* «дыня», *Iун* || *Iунэ* «гвоздь, колышек», *ныожъ* || *ныожъы* «старуха» и т. д. Поэтому в толковом и орфографических словарях адыгейского языка для того, чтобы определить чистую (полную) основу имен, в качестве контрольной дается форма именительного падежа единственного числа: *мыIэрыс* — *мыIэрысэ-р* «яблоко», *натрыф* — *натрыфы-р* «кукуруза» и т. д.

Расхождения в подаче одних и тех же основ наблюдаются между адыгейским и кабардино-черкесским языками. Ср., например, адыгейск. *къэбы́* — каб.-черкесск. *къэб* «тыква», адыгейск. *джэнчы́* — каб.-черкесск. *джэш* «фасоль», адыгейск. *къужъы́* — каб.-черкесск. *кхъужъ* «груша», адыгейск. *наш* «дыня» — каб.-черкесск. *нащэ* «огурец» и др.

Конечные гласные *э* и *ы* в ударном положении сохраняются, если же они оказываются в безударной позиции, то гласные финали усекаются, и слова в словаре представлены без ауслаутных гласных. Например, адыгейск. *къужъы́* «груша», *цумпэ́* «земляника», *къыпцIэ́* «слива», но ср.: *бэлы́дж* < *бэлыджэ́* «редиска», *сэна́шъхь* < *сэнашъхьэ́* «виноград», *бжьыныф* < *бжьыныфы́* «чеснок», *Iушъхь* < *Iушъхэ́* «мак» и т. д.

Однако использование именительного падежа в качестве контрольной для установления полной основы возможно при составлении словарей адыгейского литературного языка. К сожалению, даже и такой подход не решает полностью проблемы, поскольку не все слова могут быть проверены таким способом. В этом отношении в худшем положении оказываются гласные финали в тех словах, где после лабиализованных согласных в абсолютном конце слова должен по идее стоять гласный *ы*. Как ни странно, ауслаутный корневой гласный *ы* в позиции после лабиализованных согласных в обоих адыгских языках графически не обозначается, хотя четко произносится. Например, *нэшэбэгу* — *нэшэбэгу-р* «огурец», *гу* — *гу-р* «сердце», *цу* — *цу-р* «бык», *ку* — *ку-р* || *гу* — *гу-р* «повозка, телега». Как видно из примеров, падежные форманты присоединяются непосредственно к основе без исконного ауслаутного *ы*, тем самым нарушая закон адыгейского языка, согласно которому падежному форманту должен предшествовать гласный. Таким образом, должно было быть: *гуы* — *гуы-р* «сердце», *цуы* — *цуы-р* «бык», *куы* — *куы-р* || *гуы* — *гуы-р* «повозка, телега», *нэшэбэгуы* — *нэшэбэгуы-р* «огурец», *хьабзэгуы* — *хьабзэгуы-р* «подорожник» и др. Так же обстоит дело и в кабардино-черкесском языке. Считаем, что корневой гласный *ы* в любой позиции (в середине или в конце слова) после лабиализованных согласных всегда орфоэпически представлен, поэтому он должен быть обозначен орфографически, иначе вопрос о количестве звуков и

слогов в слове, о постановке ударения в адыгских языках не будет решен правильно. Допустим, что нам предлагается поставить ударение и определить количество звуков и слогов в адыгейском слове *дэгъу* «хорошо» (слово записано по правилам утвержденной орфографии). Чтобы правильно разобраться в поставленной задаче, необходимо данное слово написать так: *дэгъуы́*. Тогда мы вправе утверждать, что ударение падает на гласный *ы* и что слово состоит из четырех звуков и двух слогов. В противном случае нам придется признать, что ударение стоит на *у* (кстати, *у* не самостоятельный звук, а компонент лабиализованного согласного *гъу*) и что слово состоит из трех звуков и одного слога. А это в корне неверно. Все это свидетельствует о том, что вопрос о месте гласного *ы* в положении после лабиализованных согласных должен быть решен положительно. Следует отметить, что в отношении написания *ы* в абхазском и осетинском языках поступают правильно. Подтвердим примерами: абх. *акъуыд* «фасоль», *ахъуыл* «кольраби», *атархъуын* «эстрагон»; осет. *уырыс* «русские» (ср. адыгск. *урыс*), *хуыдырбулкъ* «репа», *уыдр* «выдра», *къуыбар* «учеба», *ахуыр* «учеба»[7].

Принципам словарной формы имен в адыгейском языке специально посвящена статья Г В. Рогава, где анализируются имена существительные с конечным гласным *э*. В ней подробно отмечены особенности словарной формы имен, рассмотрены причины ошибок в ее квалификации и указаны те случаи, когда разнобои в написании словарных форм вызваны тем, что «глагольные формы имен адыгейского языка восприняты как названия предметов, как словарные формы имен»[8] Статья акцентирует внимание на том, что разрешение вопроса о словарной форме имен в адыгейском языке имеет важное значение и для общего языкознания.

Работая над диалектным материалом, собранным для составления словаря адыгейских фитонимов (названий растений), пришлось определять полную основу имен существительных, у которых безударные ауслаутные гласные отпадают. Вот тогда у нас возник вопрос: пригодна ли форма именительного падежа для установления чистой (полной) основы имен существительных в ходе работы над диалектным материалом? (Данный вопрос не ставился до сих пор, поскольку не составлялись диалектные словари). Как известно, диалектная лексика — неисчерпаемый источник, диалекты способствуют обогащению лексической системы литературного языка. Особенно это касается таких новописьменных языков, как адыгейский. В определенных случаях диалектные слова, освоенные адыгейским литературным языком, вступают в синонимические отношения с уже имеющимися словами. Тогда и возникает вероятность образования абсолютных, или тождест-

---

Халбад Т Х. Терминологический словарь по овощеводству русско-абхазский и абхазско-русский, Алашара, Сухуми: 1980, с. 65, 22, 75; *Абаев В. И.* Русско-осетинский словарь, М., 1970, с. 465, 460, 95, 229, 551.

8 *Рогава Г. В.* К словарной форме имен в адыгейском языке. — Уч. зап. Адыгейского НИИ, серия лингвистическая, т. II. Майкоп, 1963, с. 29.

венных, синонимов или использования одной из лексем для передачи какого-либо смыслового оттенка, а также для специализации значения. Например, в диалектах адыгейского языка *свекла* имеет следующие наименования: темиргоевское *чIылъе* || *чIыплъ,* шапсугское *джыгуымдыр,* бжедугское *гыныплъ*. Из указанных слов адыгейский литературный язык использует лексему *чIыплъ,* что означает «свекла (вообще)». Однако появляется возможность употребления слова *гыныплъ* для специализации значения «свекла столовая красная» (именно с такой семантикой данное слово функционирует в темиргоевском диалекте). Все это свидетельствует о том, что диалектная лексика должна привлекать пристальное внимание лексикологов и лексикографов. Особенно это касается Причерноморской Шапсугии, где локализована определенная часть фитонимической лексики, так как многие растения, произрастающие на указанной территории, не встречаются в местах проживания представителей абадзехского, бжедугского и темиргоевского диалектов.

В ходе анализа бжедугских и шапсугских фитонимов мы убедились в том, что форма именительного падежа оказалась непригодной для решения вопроса о словарной форме и полной основе имен существительных-названий растений, так как, как уже было сказано, в этих диалектах конечный гласный *э* сохраняется или отпадает в зависимости от места ударения, а ауслаутный гласный *ы* всегда замещается гласным *э* перед формантом именительного падежа или вовсе отпадает в абсолютном конце слова в безударном положении. Например, шапсугск. *хэдэмэршъукIуэтIэжъ — хьэдэмэршъукIуэтIэжъэ-р* «ежевика сизая», *щымыхъу — щымыхъуэ-р* «козлятник», *мыгуыр — мыгуырэ-р* «слива»; бжедугск. *гыныплъ — гыныплъэ-р* «свекла», *уцпщэры — уцпщэрэ-р* «портулак», *чэтыубыдз — чэтыубыдзэ-р* «сорт лука» и др.

В связи с этим обстоятельством считаем, что оптимальное решение данного вопроса возможно, и предлагаем в качестве контрольной для конечных гласных основы взять форму не именительного падежа, а эргативного, так как перед формантом *-м* как в литературном языке, так и во всех диалектах адыгейского языка, как правило, не происходит ни отпадения, ни замены ауслаутного гласного основы в именах существительных. Это обстоятельство дает основание утверждать, что полная и правильная основа имен существительных в диалектном материале может быть проверена только формой эргативного падежа. Например, шапсугск. *бэгьын — бэгьынэ-м* «ячмень обыкновенный», *ахъуы — ахъуы-м* «инжир», *бэйдакIь — бэйдакIьы-м* «шелковица»; бжедугск. *гыныплъ — гыныплъы-м* «свекла», *къащлъапс — къащлъапсэ-м* «цикорий обыкновенный», *уцпщэры — уцпщэры-м* «портулак» и др.

По нашему мнению, при составлении терминологических, диалектных и других типов словарей адыгейского языка в словарях следует давать имена существительные с безударными гласными финалями, которые, если это необходимо, можно ставить в скобки. Например, *атрыф(ы)* «кукуруза», *мыIэрыс(э)* «яблоко», *наш(э)*

«дыня», *нэщэбэгу(ы)* «огурец», *бжьыныф(ы)* «чеснок» и т. д. Если же будет достигнута договоренность между специалистами адыгейского языка в отношении исключения ауслаутных безударных гласных, тогда к принятой словарной форме имен существительных в качестве контрольной ставить только форму эргативного падежа, а именно: бжедугск. *чэтшъхьэгъэуназ — чэтшъхьэуназ-м* «жостер слабительный», шапсугск. *шIуэмый — шIуэмыйэ-м* «плющ». Остается открытым вопрос о конечном гласном *ы* после лабиализованных согласных: *нэщэбэгу или нэщэбэгуы* «огурец», *гу* или *гуы* «сердце» и др.

Следовательно, правильное решение вопроса о подаче фитонимов в терминологическом, диалектном, а также орфографическом словарях адыгейского языка будет способствовать устранению ошибок и будет препятствовать засорению языка и неправомерному проникновению диалектных черт в литературный язык, поскольку словарная форма отдельных имен находится еще на стадии становления и уточнения (в основном это касается слов, не зафиксированных до сих пор словарями или еще не ставших достоянием общенационального языка). Все это обязывает специалистов языка серьезно относиться к работе над словом, особенно над диалектной лексикой, которая в дальнейшем имеет потенциальные возможности стать источником обогащения лексического состава литературного языка.

Н. В. Аршба

ГЛАСНЫЕ И СОГЛАСНЫЕ ВАРИАНТЫ ЛИЧНО-КЛАССНЫХ ПРЕФИКСОВ ГЛАГОЛА *У-*, *И-*, ВЫРАЖАЮЩИХ ФУНКЦИИ ПАДЕЖЕЙ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, имя в абхазском языке не обладает развитой системой склонения. Субъектно-объектные отношения выражены в глаголе рядами Д и Л лично-классных показателей:

	Ряд Л	Ряд Д
	Ед. число	
1 л.	*с-*	*с-*
2 л.	*у-*, *б-*	*у-*, *б-*
3 л.	*д-*, *и-*	*и-*, *л-*, *а-*
	Мн. число	
1 л.	*гI-*	*гI-*
2 л.	*шв-*	*шв-*
3 л.	*и-*	*р-*

Из них префиксы ряда Д выражают субъект непереходного глагола и прямой объект переходного глагола, а префиксы ряда Л выражают косвенный объект переходного и непереходного глаголов и субъект переходного глагола[1] Как видно, все перечисленные префиксы являются согласными, за исключением аффикса 2 л. ед. числа класса мужчин *-у* и аффикса 3 л. ед. и множ. числа ряда Д и Л *и-*, которые, как известно, в абхазском языке являются сонантами. В данном сообщении делается попытка определить гласные и согласные, а, значит, слоговые и неслоговые варианты указанных двух сонантов.

Рассмотрим вкратце историю исследования этих сонантов.

---

[1] *Ломтатидзе К. В.* Абхазский язык.— В кн.: Языки народов СССР, т. IV М., 1967, с. 113.

В абхазском алфавите П. К. Услара были указаны и гласный *и* и полугласный *й*. Он отмечал: «*и* не представляет ничего замечательного»; «*й* — буква, весьма известная в латинских, германских и славянских азбуках, имеет обширное употребление в абхазском письме»[2]. Следует отметить, что этот знак автор употреблял и для обозначения мягкости абхазских согласных и для обозначения краткого гласного *й*. А в текстах у него *й* встречаем в основном рядом с гласными *а, ы, е*: *скъамлуай* «я же буду», *йанба* «когда» и т. д. А рядом с гласными *и, у* автор пишет не краткий *й*, а полный *и*: уи «тот», *иифейтI* «он съел то», *иузтуада* «кто тебе даст» и т. д. Что касается гласного *у*, то Услар считает, что он «произносится большей частью совершенно так же, как и русское *-у*, немецкое или французское *оу*» (с. 8). Таким образом, в абхазском языке он не обнаружил сонанта *у-*.

В абхазском аналитическом алфавите Н. Я. Марра внесены и гласные и полугласные *и, у*, они употреблены и в «Абхазско-русском словаре»[3] автора, который отмечает: «В начале перед гласными гласный звук *и* ослабевает в полугласный *й*, а гласный звук *у* ослабевает в полугласный *уь* (с. 3)[4]. В текстах указанного словаря Н. Я. Марр рядом с гласными в основном дает полугласные *и, у*: *аа́йра* «придти сюда», *сааушо́итI* «я приду сюда», *изакI-вы́зей* «что это такое», *агьауьрым* «ничего не произойдет», хотя это иногда нарушается: *бгадыу* «волк» (с. 16). Также, за редкими исключениями, в основном последовательно автор обозначает *и, у* гласными в ударном положении и в позиции перед согласными: *айн* «матка», *айуьа* «подобное» *ау́тра* «огород», *дасу́* «каждый»; *игIат* «дай нам то», *избан* «почему», *убыс* «так», *убри* «тот».

Позиционно разграничить гласные и полугласные (согласные) варианты *и, у* попытался народный поэт Абхазии Д. И. Гулиа в «Краткой абхазской орфографии», написанной им в 1935 г.[5] *и, у* **гласными** автор считает:

1) в начале слова перед согласными: *иббама* «ты видела то», *убракъа* «там»;

2) в середине слова между согласными: *исы́михитI* «он у меня отнял то», *ишвтупI* «то есть цветок»;

3) из двух рядом стоящих безударных *и, у* впереди стоящий *и* или *у*: *иугьгама* «ты взял то», *уйзыкъому* «ты ему родня»;

4) конечный *и* в указательных местоимениях:

абри́ «этот», *ани́* «тот».

И, у **полугласными** автор считает:

1) когда они стоят рядом с полными гласными *а, о, е*:

уьара́ «ты», *йара́* «он», *уьарбан* «кто ты такой»;

2) когда *и, у* имеют ударение, для «повышения голоса надо

---

[2] *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. I. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с. 7, 10—11.

[3] *Марр Н. Я* Абхазско-русский словарь. Л., 1926.

[4] Здесь и далее знаком *уь-* обозначается полугласный вариант сонанта *у-*.

[5] *Гулиа Д. И.* Краткая абхазская орфография. Сухуми, 1935, с. 7—10.

вставлять гласный *ы*»: *йы́къаз* «пусть будет-то», *ууы́къаз* «пусть будешь ты»;

3) когда *и, у* являются окончаниями в глаголах: *спыруье́йтI* «я летаю», *сбылуье́йтI* «я горю».

А. Н. Генко отмечает, что в абазинском языке сонанты *и, у* «сохраняют свой вполне согласный характер лишь в слогах с гласным **а**: *йара́, уьара́*....»[6], при сочетании *у* с гласным *ы* в одном слоге *у* имеет тенденцию переходить... на положение гласного.

Подробное описание артикуляционно-акустической природы сонантов *и, у*, их дистрибуция во всех позициях — анлауте, инлауте и ауслауте в исконной и заимствованной лексике абхазского и абазинского языков дается в монографии К. В. Ломтатидзе «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков»[7] В ней отмечается, что среднеязычный сонант *й* и губо-губной *уь* являются одной из основных фонем в абхазском и абазинском, встречаются и в качестве корневых элементов и суффиксов в непосредственном соседстве с согласными: *йпа́* «его сын», *йччы́* «его лошадь», но большей частью они являются частями дифтонгов и трифтонгов и создают почву для различных фонетических процессов и появления вторичных гласных. Указывается также, что гласные *и* и *у* и долгие их варианты в абхазском и абазинском являются позиционного происхождения, они получаются из сочетания их полугласных вариантов с гласными *ы* в одном слоге, их дифтонгический характер особенно проявляется в ударной позиции: *дуьы́моуьпI* «ты его имеешь» (с. 53—63)

Из приведенных высказываний общим можно считать мнение о том, что в современном абхазском языке *и, у* являются полугласными, т. е. неслоговыми сонантами рядом с полными гласными. В остальном мнения расходятся — одни считают *и, у* носящими ударение, другие считают, что носящим ударение является стоящий с *и, у* в одном слоге гласный *ы;* одни считают что рядом с согласными *и, у* являются гласными, другие характеризуют их в этой позиции полугласными.

В современной абхазской графике не обозначены полугласные *й, уь*, и гласные и согласные аллофоны этих сонантов выражены через гласные *и, у*, что создает значительные препятствия в обучении детей родному языку, в частности, при обучении слогоделению, а также в унификации орфографических норм многих слов. Поэтому дифференциация гласных и согласных *и, у* имеет не только научно-теоретическое, но и практическое значение.

На наш взгляд, чтобы разграничить указанные аллофоны сонантов, надо определить, в каких позициях *и, у* могут и не могут образовать слог.

Сложная многоаспектная проблема слогообразования в абхаз-

---

[6] *Генко А. Н.* Абазинский язык.— Грамматический очерк наречия Тапанта. М., 1955, с. 35.

[7] *Ломтатидзе К. В.* Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I, Тбилиси, 1977.

ском языке нисколько не исследована, но анализ обычной естественной сегментации значительного количества абхазских глаголов с префиксами *и, у* дал возможность сделать следующие выводы:

1. Префиксы *у, и* выступают слогообразующими, т. е. гласными аллофонами: отдельно они образуют слог только в анлаутной безударной позиции тех глагольных основ, которые при слогоделении не присоединяют к себе указанных префиксов *и, у*.

у-цéйтI	«ты пошел»
и-цéйтI	«он (нераз. кл.), они пошли»
у-кIáгIайтI	«ты упал»
и-кIáгIайтI	«он, они упали».

2. Префиксы *у, и* выступают неслогообразующими, т. е. согласными аллофонами: 1) в основах с ударной анлаутной позицией;

2) в основах, которые при слогоделении присоединяют к себе указанные префиксы *у, и:*

1) *ьы́-цвейтI*	«ты заснул»
йы́-цвейтI	«он, они заснули»
ьы́-пейтI	«ты прыгнул»
йы́-пейтI	«он, они прыгнули»
2) *ьыр-гéитI*	«тебя они увели»
йыр-гéитI	«его они увели»
ьыл-бéйтI	«она тебя увидела»
йыл-бéйтI	«она его, их увидела»

Гласность и согласность *и, у* проявляется в том, что в первом случае при слогоделении рядом с *у, и* не появляется гласный *ы: у, и* в отдельном произношении способны сами образовать слог, тогда как во втором случае обязательно появление гласного *ы*, который имеет функцию 1) то подставки для ударения — ср. *йы́цвейтI*, 2) то элемента слогообразования — ср. *йыргéитI*.

Следует отметить, что существуют различные мнения о природе беглого гласного *ы* в абхазском языке. Мы придерживаемся того мнения, что безударный гласный *ы* употребляется в абхазском языке в основном для слогообразования: когда в одном слоге появляется стечение более двух согласных, то обычно после первого согласного появляется гласный *ы* для образования слога.

Мы указали выше, что в первом случае не наличен гласный *ы* (так как *и, у* являются гласными), а во втором случае наличен гласный *ы* (так как *и, у* являются согласными) Действительное наличие или отсутствие гласного *ы* в указанных позициях вполне различимо и слуховым анализом. Но для большей убедительности достаточно сравнить глагольные формы с префиксами *и, у* со всей парадигмой спряжения, где более отчетливо проявляется наличие или отсутствие *ы* рядом с согласными префиксами других лиц (чем рядом с *и, у*)

1) Отсутствие гласного *ы* рядом с префиксами *и, у* и другими согласными префиксами остальных лиц,, когда нет ни ударения в анлауте, ни стечения более двух согласных:

	у-цéйтI	«ты пошел»
	и-цéйтI	«он, они пошли»
ср.:	*сцейтI*	«я пошел»
	бцейтI	«ты пошла»
	дцейтI	«он (она) пошел»
	гIцейтI	«мы пошли»
	швцейтI	«вы пошли»

	у-нáр-гейтI	«тебя они привели»
	и-нáр-гейтI	«его, их они привели»
ср.:	*снáр-геитI*	«меня они привели»
	бнáр-гейтI	«тебя (ж.) они привели»
	днáр-гейтI	«его они привели»
	гIнáр-гейтI	«нас они привели»
	швнáр-гейтI	«вас они привели»

2. Наличие гласного *ы:*

1) когда есть ударение в анлауте:

	уьы́-цвейтI	«ты заснул(м)»
	йы́-цвейтI	«он, они заснули»
ср.:	*сы́-цвейтI*	«я заснул(а)»
	бы́-цвейтI	«ты заснул(а)»
	ды́-цвейтI	«он (она) заснул(а)»
	гIá-цвейтI	«мы заснули»
	швы́-цвейтI	«вы заснули»

	уьы́-ла-гIайтI	«ты упал в»
	йы́-ла-гIайтI	«он, они упали»
ср.:	*сы́-ла-гIайтI*	«я упал в»
	бы́-ла-гIайтI	«ты упала в»
	ды́-ла-гIайтI	«он, она упала в»
	гIá-ла-гIайтI	«мы упали в»
	швы́-ла-гIайтI	«вы упали в»

2) когда имеем стечение более двух (трех и более) согласных в анлауте, т. е. в первом слоге:

уьыпш-уьéйтI	«ты смотришь» (м.)
йыпш-уьéйтI	«он, они смотрят»
сыпш-уьéйтI	«я смотрю»
быпш-уьейтI	«ты смотришь (ж.)»
дыпш-уьейтI	«он, она смотрит»
гIапш-уьейтI	«мы смотрим»
швыпш-уьейтI	«вы смотрите» и т. д.

Перечисленные парадигмы свидетельствуют, что если гласный ы имеется рядом с согласными префиксами *с-, б-, д-, г-, шв-,* то он обязательно наличествует и рядом с сонантами *и, у.*

Кроме того, наличие или отсутствие *ы,* а значит слоговость и неслоговость *и, у,* убедительно подтверждается следующей выявленной К .В. Ломтатидзе закономерностью «Рядом с *гI* (имеется

в виду префикс 1 лица мн. числа глагола — *Н. А.*) *а* не ассимилируется. Для *гI* существенно и то, что когда для разделения согласных, ударения или других целей в других личных формах стоит *ы*, то рядом с *гI* всегда стоит *а*»[8]. Этот закон не знает нарушений в абхазском языке. И так как наличие или отсутствие гласного *а* различимо более безошибочно, чем гласного *ы*, то для доказательства последнего условия лучше исходить из первого условия: 1) если в 1 лице мн. числа рядом с префиксом *гI* есть *а*, то рядом с другими префиксами, в том числе и рядом с *и, у*, всегда будет *ы*, и наоборот; 2) если рядом с *гI* нет *а*, то не будет *ы* и рядом с другими префиксами, в том числе и рядом с *и, у:*

1) есть *а:*

гIа́-цвейтI «мы заснули»
гIапш-уьйтI «мы смотрим»

есть *ы:*

сы́-цвейтI «я заснул»
бы́-цвейтI «ты заснула»
уьы́-цвейтI «ты заснул»
ды́-цвейтI «он, она заснул(а)»
йы́-цвейтI «он, они заснули»
швы́-цвейтI «вы заснули»

сыпш-уьéйтI «я смотрю»
бы́пш-уьéйтI «ты смотришь»
уьы́пш-уьéйтI «ты (м.) смотришь»
дыпш-уьейтI «он, она смотрит»
йыпш-уьеитI «он, они смотрят»
швы́пш-уьеитI «вы смотрите»

2) нет *а:*

гIцеитI «мы пошли» *гIцIвы́-уьейтI* «мы плачем»

нет *ы:*

сцейтI «я пошел»
бцейтI «ты пошла»
уцейтI «ты пошел»
дцейтI «он (она) пошел»
ицейтI «он (они) пошли»
швцейтI «вы пошли»
сцIвы́-уьейтI «я плачу»
бцIвы́-уьéйтI «ты плачешь»
уцIвы́-уьейтI «ты (м.) плачешь»
дцIвы́-уьейтI «он (она) плачет»
ицIвы́-уьейтI «он (они) плачет»
швцIвы́-уьейтI «вы плачете»

---

[8] *Ломтатидзе К. В.* Образование основных времен в абхазском языке. Известия ИЯИМК, № II_2, Тбилиси, 1938, с. 193.

Таким образом, можно безошибочно определить наличие или отсутствие гласного *ы* рядом с префиксами *и, у* в глагольных формах. А там, где наличен *г* возле *и, у*, последние являются неслогообразующими, т. е. согласными аллофонами сонантов, а там, где отсутствует *ы*, *и, у* являются слогообразующими, т. е. гласными аллофонами сонантов *и, у*.

Выше мы проанализировали гласные и согласные варианты *и, у* в анлаутной позиции. Можно также и в инлаутной позиции проверить указанные сонанты:

есть *а:*

и-кIа-гIа́-жьитI «мы то бросили»
йачIчI-гIа́р-швейтI «мы то сорвали»
йышь-та́гI-хыйтI «мы то подняли»

есть *ы:*

и-кIа-сы́-жьитI «я то бросила»,
йачIчI-сыр-шве́йтI «я то сорвала»,
йышь-жы́е-хыйтI «я то подняла»,

и-кIа-уьы́-жьитI «ты то бросил»
йачIчI-йы́р-швейтI «он то сорвал»
йышь-ты́уь-хыйтI «ты то поднял» и т д.

В инлаутной позиции не встречаем фактов, когда рядом с *г* нет *а*, значит и нет *и, у* без *ы*, т. е. в инлаутной позиции не встречаем слогообразующих гласных *и, у*.

Что касается ауслаутной позиции, то там нет возможности указанным экспериментом проверить варианты *и, у*, но и слуховым анализом четко различимо наличие гласного *ы* рядом с конечными *и, у*, а значит и в абсолютном конце слова *и, у* всегда являются согласными.

Мы рассмотрели гласные и согласные варианты сонантов *и, у*, когда они являются формантами в глаголах. На наш взгляд, такое же позиционное распределение должны иметь в принципе и корневые сонанты *и, у* во всех словоформах. Здесь мы не касаемся тех случаев, когда сонанты *у, и* (большей частью последний) в определенных звуковых окружениях позиционно переходят в гласные *у, и*[9].

Таким образом, сонанты *и, у* в абхазском языке являются гласными только в анлаутной безударной позиции тех основ, которые при слогоделении не присоединяют их к себе, когда *и, у* в отдельном, изолированном употреблении образуют слог. Во всех остальных позициях, когда *и, у* входят в один слог с другими гласными или согласными, они являются неслогообразующими сонантами.

---

[9] Об этом см.: *Ломтатидзе К. В.* Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. I, Тбилиси, 1977, с. 54, 61.

Ю. Д. Каражаев

ОБ ОНТОЛОГИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ И О ВИНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В ОСЕТИНСКОМ

Как известно, статус винительного падежа в осетинском языке спорным стал с момента выхода в свет известной статьи В. И. Абаева[1], в которой факт существования этого падежа был поставлен под сомнение на том основании, что он якобы совпадает с формой именительного падежа, а при обозначении именами понятий определенных предметов — с формой родительного падежа. При этом В. И. Абаев не призывал к полному устранению понятия вин. п. — он только предложил называть его именительно-винительным / родительно-винительным падежом. Однако в результате споров понятие вин. п. и его термин были изъяты из осетинских грамматик всех рангов, что, на наш взгляд, было слишком поспешным шагом, ибо вин. п. можно исключить из грамматик, но нельзя изъять из языка.

Целью настоящей статьи является попытка доказать наличие в осетинском языке вин. п.

При определении гр. формы слова надо исходить из особенностей: 1) лексического значения самого слова и слова, которое управляет им; 2) значения всех конституентов грамматической структуры языка и их взаимоотношений.

Рассматривая в свете сказанного гр. категорию падежа, нужно заметить, что эта категория в осетинском языке выражает различные субординативные отношения — значения. Гр. формы — косвенные падежи, выражающие эти отношения, связываются друг с другом отношениями оппозиции. Все они вместе как косвенные падежи противостоят именительному падежу на базе оппозиции «координация / субординация». Действительно, им. п. как форма выражения подлежащего не является падежом, поскольку в роли подлежащего выступают и несклоняемые части речи. Им. п. не выражает также субординативных отношений, а служит лишь обозначением общего понятия имени предмета без его субординативных конвертируемостей. В связи с этим встает вопрос: можно ли уподоблять падежную (субординативную) форму вин. п. непадежной и несубординативной форме им. п.

---

[1] *Абаев В. И.* О винительном падеже в осетинском.— Язык и мышление, X, 1940, с. 3—12.

Следует далее сказать о том, что если в осетинском языке лексическое значение носит сигнификативный характер, то оно передается в грамматике языка гр. категорией числа и гр. категорией падежа, если же лексическое значение носит денотативный характер, то оно уже демонстрируется только гр. категорией падежа. Связано это с тем, что некоторые гр. категории (в том числе, вероятно, и гр. категория числа) не выводятся из денотативного значения слова. Отсюда ясно, что в первом случае вин. п. зависит от категории числа, во втором случае же вин. п. свободен от понятия квантитативности. В первом случае вин. п. передает суперкатегориальное значение и имеет нулевое окончание, во втором случае же вин. п. выражает гиперсуперкатегориальное значение и имеет окончание — *-ы*, которое несет информацию о грамматических потенциях лексического значения не только имени, но и глагола. Нашу мысль подтверждают слова с постоянным экстенсиональным значением — имена типа онома и личные местоимения, имеющие в вин. п. собственное материальное выражение. (ср., напр., *Аьз федтон Иваны и Аьз федтон даьу* — «Я видел Ивана (тебя)». Ср. также невозможность **Аьз федтон Иван и Аьз федтон ды.* — «Я видел Иван (ты)». Об этом же говорит и следующее. Когда концептуальная сема переводится из сигнификативного в денотативное значение, то эта сема высвобождается от необходимости демонстрировать себя в грамматике гр. категорией числа. В этом смысле следует сказать, что категория определенности, о которой писал В. И. Абаев в указанной выше статье и которая является, по мнению В. И. Абаева же, причиной появления *ы* после существительного, есть не что иное, как случай перевода понятийного значения в денотативное.

В указанном выше первом случае вин. п. формально (отсутствием позитивного маркера) совпадает с им. п. Однако это не основание смешивать их, поскольку лексическое значение им. п. реализуется только в гр. категории числа и не имеет гр. категории падежа. Кроме того, им. п. обозначает субъект (агенс) действия, а вин. п. — объект (пациенс) действия. Во втором указанном выше случае вин. п. формально совпадает с род. п. Но и здесь нет оснований смешивать их, поскольку в род. п. лексическое значение репрезентируется в гр. категориях числа и падежа и служит при этом обозначением атрибута, в то время как в вин. п. лексическое значение реализуется только в гр. категории падежа (не имеет гр. категории числа) и обозначает объект действия.

Таким образом, оформленность / неоформленность вин. п. в рамках слова зависит не от определенности / неопределенности, а от экстенсиональности / интенсиональности лексического значения. Эта же закономерность сохраняется и в рамках различных гиперсуперкатегорий. При этом здесь приходится учитывать характер лексического значения и управляющего слова — глагола. Именно в зависимости от референтного / денотативного характера лексических значений компонентов глагольно-именная гиперсуперкатегория может иметь вин. п. имени позитивно маркирован-

ным / немаркированным. Ср., напр.: 1) а) *Цуанон амардта арс.* — «Охотник убил медведя»; 1) б) *Лаьппу каьсы чиныг* — «Мальчик читает книгу»; 2) а) *Мад (фыд) уарзы чызджы (лаьппуйы)* — «Мать (отец) любит дочь (сына)»; 2) б) *Аьз федтон лаьджы* — «Я встретил (видел) человека». Если в предложениях (2) вин. п. лишить его материального субстанта, то мы будем иметь в этих предложениях вин. п. как выражение общего понятийного значения, а сами предложения предстанут как конструктивно-синтаксические базы с различными темо-рематическими членениями. (Ср.: *Мад арзы чызг:* 1) Мать, как правило, любит дочь; 2) Дочь любит мать и т. п.). Итак, во всех приведенных случаях мы имеем вин. п., а не им. или род. падеж. В самом деле, назвав вин. п. именительным падежом, мы бы должны были признать, что в этом случае глагол управляет (sic!) именительным падежом.

Перевод слова из диапазона понятийного значения в диапазон денотативного (предметного) значения осуществляется также путем расширения гиперсуперкатегорий посессивными и указательными словами, выполняющими в этом случае роль языковых операторов индикации названной выше коммутации (Ср., напр.: *Мад уарзы ацы (йаь) чызджы* — «Мать любит эту (свою) дочь.»).

Из всего сказанного следует, что вин. п. необходимо присутствует в осетинском языке. Вряд ли можно в этом плане согласиться и с мнением о том, что отсутствие гр. рода в языках связано с отсутствием в этих языках аккузатива. Под неоформленностью здесь мы имеем в виду отрицательную (непозитивную) оформленность.

З. М. Магомедбекова

ЛОКАТИВНЫЕ ПАДЕЖИ В АВАРСКО-АНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Аварско-андийские языки имеют сложную, многопадежную систему склонения. Особенно громоздкой является система локативных падежей [1]. Локативные (местные) падежи выражают не только пространственные отношения, но и многие отвлеченные понятия.

Трудно квалифицировать морфы *хъ, лI, кь, тI, д, чI, гь*... послелогами. Эти морфемы имеют сложное, но симметричное строение: показатель серии (места) + падежный морф (движение). Например:

Лок.	*-кь-*	*-лI-*	*-хъ-*
Ал.	*-кь-е*	*-лI-е*	*-хъ-е*
Эл.	*-кь-а*	*-лI-а*	*-хъ-а*
Трансл.	*-кь-а-н*	*-лI-а-н*	*-хъ-а-н*

Такое построение и характер не свойственны для послелогов. Показатель серии и показатель падежа не являются функционально идентичными, потому так же невозможно считать их двумя послелогами. Морфы серии и падежа — форманты разных рангов. К примеру, показатель серии **хъ** и **а** несут разные функции, и потому нельзя их квалифицировать как составляющие формы из двух послелогов: *-хъ-* и *а*. Конструкции же *ди-де-ххун, ди-хъе-ххун* «ко мне», «в мою сторону», *оцо-де-ххун* «в сторону быка», *ганчIи-кье-ххун* «в сторону под камень» и т. д. являются локативными падежными формами, осложненными послелогом *-ххун* со значением «в сторону», «по направлению»... Сравните конструкции с послелогом *-лъун: ди-хъа-лъун, васасс-да-лъун* и т. д.

Мы здесь не касаемся генезиса морфов локативных серий и падежей. Вопрос термина «локативный», «местный», «послеложный» не имеет принципиального значения, но, думается, что «локативный» (местный) более соответствует объективному положению вещей.

В каждом из этих языков количество сохранившихся локативных серий и падежей неодинаково. Наибольшее количество имеет-

[1] Некоторые исследователи называют их послеложными падежами.

ся в гигатлинском диалекте чамалинского языка (Бокарев А. А. в чамалинском выделяет девять серий). По семь серий в андийском, каратинском, ахвахском, багвалинском, годоберинском, тиндийском языках и в гакваринском диалекте чамалинского языка. По шесть серий в аварском, ботлихском языках[2].

Показатели серий и их основное значение:

1. серия на *д* показывает положение предмета на вертикальной плоскости;

2. серия на *тI* (*тI*^{V}/*л'*/') показывают положение предмета на горизонтальной плоскости;

3. серия на *хъ* показывает положение «около», «у», «рядом»...

4. серия на *кь* показывает положение «под»;

5. серия на *лI* показывает положение «внутри»;

6. серия на классные форманты показывает положение «внутри», «внутри полого пространства»;

7 серия на *чI* показывает положение предмета «над», «на», по функции аналогична аварской серии на *д*;

8. серия на *х/гь* показывает положение «рядом», «около», «при»;

9. серия на *г* показывает положение предмета «на плоскости»;

10. серии на гласные *а, о, е, и, у* показывают положение предмета «на», «в», внутри»...[3]

Во многих андийских языках имеются локативные серии, показатель которых маркирован только гласным, к примеру, в каратинском (в собственно-каратинском диалекте) серия на *а*, показывающая, в основном, нахождение предмета на горизонтальной плоскости. В токитинском диалекте этого же языка серии на *а* соответствует серия на *л'а*, показатель которого восходит к *тI*^{V} и аварскому *тI*.

Данные андийских языков позволяют заключить, что т. н. серии без показателя, серии, маркированные только гласным, исторически утратили консонант — показатель серии.

Количество локативных серий в этих языках и, в частности, в аварском, исторически, предполагается, было больше. В аварском литературном принято считать, что локативных серий пять.

«Все данные по диалектам говорят, что наиболее продуктивны-

---

[2] *Услар П. К.* Этнография Кавказа, III, Аварский язык. Тифлис, 1889, с. 93; *Чикобава А. С.* и *Церцвадзе И. И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962, с. 171 *(на груз. яз.)*; *Магомедбекова З. М.* Об одной серии местных падежей в аварском языке.— ИКЯ, т. VIII, 1956, с. 236; *Бокарев А. А.* Очерк грамматики чамалинского языка. М.; Л., 1949, с. 55; *Гудава Т. Е.* Ботлихский язык. Тбилиси, 1962, с. 87; *Он же.* Тиндинский язык.— ЯН СССР, М., 1967, с. 368; *Он же.* Годоберинский язык.— ЯН СССР, М., 1967, с. 313; *Он же.* Багвалинский язык. Тбилиси, 1971, с. 86; *Саидова П. А.* Годоберинский язык. Махачкала, 1973, с. 67; *Церцвадзе И. И.* Андийский язык. Тбилиси, 1965, с. 162; *Магомедбекова З. М.* Ахвахский язык. Тбилиси, 1967, с. 60; *Она же.* Каратинский язык. Тбилиси, 1971, с. 70.

[3] Приводимое здесь «основное» значение серий схематично. Функции локативных падежей очень разнообразны, передают они не только «локативность», но и многие отвлеченные понятия с тонкими нюансами.

Локативные серии и их показатели

Языки / Серии	Авар.	Анд.	Ахвах.	Карат.	Багв.	Тиид.	Чам.	Годоб.	Ботл.
	тIа/'а								
тI	*л'а*	*тIᵛа*	*тIᵛа/*	*тIᵛа/*	*ла*	*ла*	*(ла)*	*ла*	—
д	*д*	*д*	*тIа*	*л'а*	—	—	*д*	—	—
лI	*лI*	*лI*	—	—	*лълъ*	*лI*	*лI*	*лI*	*лI/лъ*
хъ	*кь*	*кь*	*лI*	*лI*	*кь*	*кь*	*кь*	*кь*	*кь*
кь	*хъ*	*хъ*	*кь*	*кь*	—	*хъ*	*хъ*	*хъ*	*хъ*
без показ.		—	*хъ*	*хъ*	*и, а*	*и*	*а, о, и, е*	*и, о, у*	*и, е, у*
чI	**чI*	*чI*	—	*и*	*чI*	*чI*	*чI*	*чI*	*чI*
х/гь	**х, гь*	*х*	—	*чI*	*х*	*х*	*х*	*х*	*х*
н	**н(и)*	—	*х*	*гь*	*н*	—	**н*	—	—
г	—	—	—	—		—	—	—	—
б	*б*	—	*ге*	—	—	—	—	—	—

ми являются формы на *-лда, -да*. Они существуют наравне с диалектными формами во всех говорах. Мало того, в восточном и западном диалектах северного наречия, на который ориентируется литературный, существуют только эти формы. Они заметно вытесняют в диалектах все другие формы, именно это обстоятельство брали во внимание, когда их безоговорочно принимали в литературном языке.»[4] (Подчеркнуто нами. — *З. М.*).

Объективно в аварском языке, как в северных, так и в южных диалектах, а также и в литературном, в устной речи, во всяком случае, существует шесть серий. В письменной речи показатель серии *тI* не учитывается.

«...Допустимы *гIурусаэтIа, гIурусазда* и *гIурусада; чуязтIа, чуязда* и *чуяда; машинабазтIа, машинабазда* и *машинабада;* эти формы параллельно существуют во всех диалектах, за исключением андалальского и гидского, в которых параллельно бытуют формы: *гIурусазда, гIурусазла* и *гIурусаза; чуязда, чуязла* и *чуяза; машинабазда, машинабазла* и *машинабаза.*»[5]

Здесь сопоставлены формы двух серий. Если разложить так, чтобы маркеры двух разных локативных серий, смешанные выше, соответствующим образом были разделены по их семантической и материальной характеристикам, получится следующая схема: серия на *д: чуязда* || *чуяда, машинабазда* || *машинабада...* В этих формах, как и указывается, выпадает формант *з*.

Для форм же *чуязтIа, машинабазтIа...* параллельными будут

---

[4] *Микаилов Ш. И.* Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала, 1964, с. 43.

[5] *Микаилов Ш. И.* Указ. соч., с. 43.

неучтенные в вышеприведенной работе формы: *чуятIа, машинабатIа...*, в которых так же выпадает формант *з*.

В андалальском и гидском диалектах приведенные примеры не будут составлять исключения, если их фонетически уточнить и соответственно разложить:

серия на *д*:	андалальский и гидский диалекты:
северное наречие:	
машинабазда || *машинабада*	*машинабазда*
чуязда || *чуяда*	*чуязда;*
серия на *тI* (*тI*ᵛ/*л'*/'):	
северное наречие:	андалальский и гидский диалекты:
машинабазтIа || *машинабатIа*	*машинабазл'а* || *машинабаз'а*
чуязтIа || *чуятIа*	*чуязл'а* || *чуяз'а*

Формы *чуяза, машинабаза* получены не в результате утраты *д*, а в результате утраты ' — рефлекса *тI*.

Формант *-тIа* в гидско-андалальском дает фонетическое соответствие *л'а, 'а*. Процесс *тI* *л'*/' известен в этих языках.

Считать формы *чуязда* — *чуязтIа* (*чуязл'а* || *чуяз'а*) параллельными ни материально, ни функционально не оправдано. Как исторически, так и в синхронном плане серии на *д* и *тI* — разные.

В данном случае для нас главным является показать, что смешаны две разные серии, существующие синхронно в аварском языке, и что маркеры этих серий материально и семантически неидентичны.

Показатель серии на *д* во всех аварских диалектах не претерпевает фонетических изменений. Показатель серии на *тI* дает разные фонетические соответствия по диалектам: *тI* *тI*ᵛ/*л'*/'

В аварском языке, во всех его диалектах, продуктивны оба показателя как *тI*, так и *д*, у каждого из них свои функции, свое значение. Документируется это не только данными устной речи по диалектам, но и произведениями художественной литературы. Например, в произведениях классиков аварской литературы Гамзата Цадасы, Расула Гамзатова, в опубликованных образцах аварского фольклора и т. д.

Данные андийских языков подтверждают историю развития серии на *тI* в аварских диалектах. Материально и в основном функционально идентичная аварской серии на *тI* серия имеется и в андийских языках, в которых маркером серии выступают *тI*ᵛ/*л'*/', соответственно языкам. Фонетическое соответствие серии на *д* в андийских языках пока неясно, функционально ей соответствуют серии на *чI*, *г* и некоторые серии на гласные.

В аварском не сохранилась серия на *чI*. Следы этого форманта сохранились в некоторых топонимических названиях: *ГIоркIачIи, ГIахьалчIи, ХарайчIи...* В андийских языках топонимов на *чI*

много и на аварский; они передаются через формант *-да: ГьиндучI Ґлондода, КIванач I Кванада* и т. д.

Сохранившаяся в андийских языках и утраченная в аварском серия на *х/гь* обозначает нахождение предмета «около», «рядом», «у».

Серия на *хъ,* хорошо сохранившаяся в аварском, утраченная или сохранившаяся фрагментарно в андийских языках, также имеет основное значение «нахождение рядом», «у», «за». В андийских языках, где сохранились обе эти серии на *х* и *хъ* (по одному-два падежа в серии на *хъ*) видно, что функции этих серий в каком-то плане отличались. Различались они, по-видимому, по расстоянию предмета в пространстве, по непосредственному или опосредствованному контакту.

В аварском утрачена серия на *х/гь,* в андийских языках утрачивается серия на *хъ.* Постепенная нивелировка фнкций обеих серий по языкам привела в аварском к утрате серии на *х/гь,* в андийских языках — к ослаблению значения серии на *хъ,* а в некоторых из них и к полной утрате, и в функции обеих серий выступает серия на *х.*

Серия на *х/гь* в аварском не сохранилась. Исторически, надо полагать, она имелась и в этом языке с показателем *гь.* Переход андийских языков *х>гь* в аварском закономерен. К примеру, *бетер-гь-ан* «хозяин», «владелец», *гьаби-гь-ан* «мельник», *богьо-гь-ан* «повар»... Ср. *хIалтIу-хъ-ан* «работник» и т. д.[6]

В аварском языке исторически можно выделить наряду с серией на классные показатели и серию на *н,* которая так же выражала положение предмета в полном пространстве, но специфика неясна. Формы на *н* употребляются, как правило, без суффиксальных классных показателей:[7] *къоло-н-и(||б), къоло-н-е, къоло-н-и-сса, къоло-н-и-ссан* «в бочке»... *таргьи-н-и*... и т. д. (ср. *гьор-о-б* «в сарае», *лъор-о-б* «в пазухе» и т. д.). Сравните аварские топонимы: *ГIара-н-и, Аргъва-н-и, Рихьу-н-и, КIикIу-н-и* и т. д.

Семантические нюансы форм на *н* возможно при более детальном исследовании и прояснятся, но одно можно отметить, — что аффикс *н* в определенной группе слов вычленяется и он имеет отношение к «локативности» вообще.

Формы на *н* встречаются спорадически и в андийских языках.

Для локативных серий аварско-андийских языков исторически исходной постулируется четырехпадежная система. В каждой серии этих языков сохранилось разное количество падежей.

В аварском языке и его диалектах и в литературном имеется по четыре падежа: локатив, алатив, элатив, транслатив. Из андийских языков, в ахвахском и каратинском сохранилось так же по четыре падежа, в андийском, ботлихском, чамалинском по три, в тиндийском, багвалинском, годоберинском — по два.

---

[6] См. *Чикобава А. С.* и *Церцвадзе И. И.* Аварский язык. Тбилиси, 1965, с. 171; *Жирков Л. И.* Аварско-русский словарь. М., 1936, с. 187.

[7] *Микаилов Ш. И.* Указ. соч., с. 52.

Локативные падежи и их форманты

Языки / Падежи	Авар.	Анд.	Ахвах.	Карат.	Багв.	Тинд.	Чам.	Годоб.	Ботл.
Локатив (Местный)	∅	*а, у, и,* ∅	*е, и*	*е, и, о,* ∅	*и, а,* ∅	*а, и*	∅, *о, е, и*	*и, а, у, о*	*е, и, у*
Алатив (Направит.)	*е*	*о, ди*	*а*	*р*	*р*	—	*и, ал*	—	*а*
Элатив (Удалит.)	*сса, а*	*ку*	*у*	*гал*	*сс*	*о*	*р* (гиг.), *но, о*	*ру*	*ру. ку*
Транслатив (Прохожд.)	*н*	—	*не*	*ǁгиба* (ток.)	—	—	—	—	—

В андийских языках наблюдается тенденциця к утрате транслативного падежа и алативного падежа в тех языках, где сохранилось по два локативных падежа.

В хунзахском диалекте аварского языка на первый взгляд складывается мнение, что транслатив утрачивает падежный формант *-н* и он формально, а потом и функционально якобы совпадает с падежом элатива. Следует учесть, что для быстрой разговорной речи северных диалектов и, в частности, хунзахского диалекта и в северном наречии вообще транслативный падеж продолжает существовать и выполнять исконные функции, которые падеж элатива не передает. Ср. *рохьоссан рилIана,* но *рохьосса рилIана* «через лес пришли» и «из лесу пришли»; *тохтIассан рехxе торгIо* и *тохтIасса рехxе торгIо* «через крышу брось мяч» и «с крыши брось мяч»; *гIарцулIан лълъикI гьечIо* «с деньгами неважно» — букв. «в деньгах хорошо нет». Форма элатива в этой и подобных ситуациях не употребляется.

Приведем несколько примеров из стихов Гамзата Цадасы:[8] *«...Вай, ГIумар, ГIаммадассан гIантаб...»,* с. 59; *«...дурго пикроялдассан...»,* с. 17; *«...ХIамзатил цIцIаралдассан...»,* с. 11; *«...хъошил кIалтIассан...»,* с. 132; *«...гордохъан раккичIел...»,* с. 176; *«...къватIул хIанчIчIаздассан кеп босунилан...»,* с. 177; *«...чахьикьан гIерги ххун...»,* с. 180; *«...гьороссан берцинаб гьаракь букIа...»,* с. 185; *«...рахъ-рахьалIан чваххун рачIун...»,* с. 229; *«...картIиниссан баккула...»,* с. 237; *«...ханассдассан изну босун...»,* с. 258; *«...дур щукIдуздассан...»,* с. 259 и т. д.

Эти примеры взяты наугад, таких примеров множество в аварской литературе и аварской речи.

«Ранее бывший четвертый падеж местных серий — проходящий Transl.-(Translativus) выражал движение через данные местные отношения, отвечая на вопрос: через что? Это его значение сейчас, по крайней мере в большинстве говоров, утрачено, но форма Transl. иногда употребляется в значении Elat., так что теперешний Elat. может рассматриваться как имеющий две факультативные формы.»[9]

Наблюдения над фактами аварского языка позволяют думать, что это положение неправомерно. Падеж транслатива в северных диалектах аварского языка и в хунзахском, в частности, сохраняет самостоятельность, так же как и локативная серия на *тI*.[10]

---

[8] *Цадаса Г.* Сочинения в 4 томах. Махачкала, 1955, т. III.
[9] *Жирков Л. И.* Аварско-русский словарь. М., 1936, с. 165.
[10] Ср. *Магомедбекова З. М.* Указ. соч., с. 237.

А. А. Магометов

ДИАЛЕКТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СКЛОНЕНИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Даргинский язык, как известно, в диалектном отношении сильно дифференцирован. Наряду со сравнительно близкими диалектами представлены и значительно отличающиеся, когда речь одного диалекта недоступна представителям другого диалекта.

По ряду фонетических признаков диалекты даргинского языка условно могут быть разделены на два типа. Так, например: а) по наличию или отсутствию лабиализации: диалекты с лабиализацией (таковых большинство) и диалекты без лабиализации (таковым является, к примеру, акушинский диалект, лежащий в основе литературного даргинского языка); б) диалекты с четверичной системой смычных и троечной системой спирантов, с одной стороны, и диалекты с троечной системой смычных и двоечной системой спирантов, с другой стороны; в) диалекты, где комплексы сонорных *лл* и *нн* не подвергаются утрате, и диалекты, где эти комплексы утрачиваются[1] и т. д.

Фонетический процесс утраты комплексов сонорных (*лл* и *нн*), представленный в диалектах одного типа, вызывает существенные изменения в системе склонения (как и в системе спряжения) в диалектах этого типа.

Возьмем простой пример: *шин* «вода».

В диалектах, где нет утраты комплексов сонорных, будем иметь:

Эргат. п. *шин+ли→шинни*
Родит. п. *шин+ла→шинна*[2]
Ср. в диалектах с утратой комплексов:
Урахин. диал.

---

[1] Об утрате комплексов *лл, нн* в интервокальной позиции и последующих изменениях в системе склонения имен существительных см.: *Быховская С. Л.* Имена существительные в даргинском литературном языке. Язык и мышление, X, М.; Л., 1940.

[2] Прогрессивная ассимиляция *н+л→нн* характерна для даргинского языка в целом.

Эргат. п.

шин+ли→шин-ни→ши-и→ший

Родит. п.

шин+ла→шин-на→ши-а→ше[3]

С первого взгляда при сравнении эргатива *шинни* и *ший*, родительного падежа *шинна* и *ше* кажется, что имеем разного рода склонения, однако расхождения здесь носят фонетический характер.

В литературном даргинском языке (resp. в акушинском диалекте), где нет долгих гласных и где встреча двух гласных вызывает регрессивную ассимиляцию, падежные формы могут отличаться от урахинских.

Личные местоимения в диалектах даргинского языка также можно условно разделить на два типа:

I тип: 1 л. ед. ч. *ду* «я» (цудах., сирх., хайдак., кубач. диал.)

II тип: 1 л. ед. ч. *ну* «я» (урах., акуш., мегеб. диал.)

И в зависимости от того, имеем ли мы в качестве личного местоимения 1-го лица ед. числа *ду* или *ну*, система склонения личных местоимений в диалектах имеет значительные различия.

Наибольший интерес представляет эргативный падеж личных местоимений. Как известно, среди иберийско-кавказских языков вообще и среди дагестанских языков, в частности, имеются языки с оформленным эргативом личных местоимений и языки, где эргатив личных местоимений не оформлен, и именительный падеж выступает в функции эргатива.

Например, в грузинском языке личные местоимения не имеют отдифференцированного от именительного падежа эргатива:

ме цIаведи «я пошел» (непереходный глагол);

ме гавакIете «я сделал» (переходный глагол).

При непереходном и переходном глаголах субъект *ме* «я» имеет одну и ту же падежную форму, т. е. личное местоимение *ме* «я» носит здесь функции именительно-эргативного падежа, поскольку нет оформленного эргатива.

В дагестанских языках, например, в лезгинском языке эргатив личных местоимений дифференцирован: *зун* «я», эрг. п. *за*.

Ср. в табасаранском языке, где эргатив личных местоимений не оформлен: *узу/изу* «я» — именительно-эргативный падеж.

В агульском языке в большинстве его говоров (или диалектов) эргатив личных местоимений не дифференцирован, но в говоре аула Рича (керенский диалект) эргатив личных местоимений оформлен, причем, что характерно, посредством суффикса *-ш*, не представленного в именах существительных: *зун* «я», эрг. п. *за-ш* и т. д.

Что касается даргинского языка, то на вопрос, оформлен

---

[3] Фонетические изменения при встрече гласных в урахинском диалекте, см. *Услар П. К.* Хюркилинский язык. Тифлис, 1892, с. 8; пример см. с. 18.

ли эргатив личных местоимений, ответ может быть дан как положительный, так и отрицательный, можно сказать также, что оформлен частично или что местный падеж выступает в функции эргатива. Любой ответ будет верен. Всё зависит от того, что имеется в виду: какой диалект или какой говор. Картина здесь более пестрая, чем в других дагестанских языках.

В диалектах II типа (т. е. там, где мы имеем *ну* «я») личные местоимения имеют оформленный эргатив:

Литерат. дарг. яз.	*ну* «я»,	*хIу* «ты»,	*нуша* «мы»,	*хIуша* «вы»
Эргат. п.	*ну-ни*	*хIу-ни*	*нуша-ни*	*хIуша-ни*
Урах. диал.	*ну* «я»	*хIу* «ты»	*нуша* «мы»	*хIуша* «вы»
Эргат. п.	*ну-ни*	*хIу-ни*	*нуша-ъан*	*хIуша-ъан*
Муирин. диал. (ур-	*ну* «я»	*хIу* «ты»	*нуша* «мы»	*хIуша* «вы»
карах. гов.)	*ну-ни*	*хIу-ни*	*нуша-ли*	*хIуша-ли*

Суффиксом эргатива в ед. числе всюду здесь служит *-ни*, во мн. числе в зависимости от диалектов представлен: *-ни*, *-ъан*, *-ли*.

В мегебском диалекте во множ. числе параллельно могут выступать формы: *нуша-ъин(и)* — *нуша-йни* → *нуша-ни*.

Более разнообразная картина представлена в диалектах I типа (т. е. там, где личным местоимением 1-го лица является *ду* «я»)[4].

1. Эргатив в личных местоимениях единственного и множественного числа не оформлен.

Сирхин. диал., гов. аулов Кьункьи, ХхюдицIа:

Им. — эрг п. *ду* «я», *у* «ты», *нусса* «мы», *уща* «вы»

ду бецI кахьубда «я убил волка»

нусса бецI кахьубда «мы убили волка».

2. В единственном числе эргатив не оформлен, но во множ. числе оформлен.

Сирхин. диал., гов. аула Дуахъар:

Ед. ч. Им. — эрг п.	*ду* «я», *у* «ты»		
Мн. ч. Им. п.	*нихьхьа* «мы»,	*гIухьхьа*	«вы»
Эрг. п.	*нихьхьа-ли*	*гIухьхьа-ли*	

ду бецI какьурда	«я убил волка»
у бецI какьурди	«ты убил волка»
нихьхьа-ли бецI какьурда	«мы убили волка»
гIухьхьа-ли бецI какьурда	«вы убили волка».

3. В единственном числе в функции эргатива выступает местный падеж, а во множественном числе именительный падеж несет функции эргатива.

---

[4] См. *Магометов А. А.* Оформление эргативного падежа личных местоимений в диалектах даргинского языка.— Труды Тбилисского университета. Вып. 3 (142). Тбилиси, 1972.

Сирхин. диал., гов. аула Чирагъ (Хьаргъни):
ду «я», *гIу* «ты», *нусса* «мы», *гIуща* «вы»

ди-цце бецI кахьубда	«я убил волка»
гIа-цце бецI кахьубде	«ты убил волка»
нусса бецI кахьубда	«мы убили волка»
гIуща бецI кахьубда	«вы убили волка».

Формы *ди-цце, гIа-цце* являются собственно формами местного падежа со значением «мне», «в меня», «тебе», «в тебя» (напр., *дицце бишгьакка* «одолжи мне»)[5]. Личные местоимения мн. числа *нусса* «мы», *гIуща* «вы» несут функции именительно-эргативного падежа.

4. Эргатив личных местоимений оформлен как в единственном, так и во множественном числе.

Цудах. диал.:

Им. п.	*ду* «я»,	*гIу* «ты»,	*нухьхьа* «мы	*гIуща* «вы»
Эрг. п.	*да-ле*	*гIе-ле*	*нухьхьа-ле*	

Своеобразие в эргативе личных местоимений наблюдается в кубачинском диалекте.

1) Аштинский говор:

Им. п.	*ду* «я»,	*у* «ты»,	*нусса* «мы»,	*уща* «вы»
Эрг. п.	*ди-л*	*у-ди-л*	*нусса-тти-л*	*уща-тти-л*

2) Собственно кубачинский говор:

Им. п.	*ду* «я»,	*у* «ты»,	*нусса* «мы»,	*уща* (вы»
Эрг. п.	*ду-ди-л*	*у-ди-л*	*нусса-д* || *нусса-д-ди-л*	*уща-д* || *уща-д-ди-л*

В кубачинском диалекте эргатив личных местоимений оформлен посредством суффикса *-ди-л,* не представленном в других диалектах. Данные аштинского говора, где *ди-л* является формой эргатива 1-го лица единственного числа, дает повод предположить, что этот эргатив 1-го лица ед. числа стал суффиксом эргатива[6]. Он оформляет эргатив личных местоимений ед. числа, а во мн. числе, где личные местоимения уже оформлены суффиксом *-д,* суффикс *-ди-л* становится вторичным суффиксом, как и в именных существительных, где первичным суффиксом является *-ли* в единственном числе и *-д* во множественном числе:

	ед. ч.	мн. ч.
Им. п.	*бицI* «волк»	*буцIе*
Эрг. п.	*бицI-ле* || *бицI-ли-ди-л*	*буцIа-д* || *буцIа-д-ди-л*

---

[5] Перевод формы местного падежа на *-цце* — приближенный.

[6] Возможно иное толкование суффикса *-ди-л*← *-ди-л(и)* в кубачинском: при наличии соответствия *д* ъ между кубачинским и другими диалектами кубачинское *-ди-л(и)* соответствует суффиксу *-ъи-н(и)* урахинского диалекта. См. *Гаприндашвили Ш. Г* Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966, с. 286.

Возникает вопрос, возможно ли в принципе, чтобы местоимение целиком в падежной форме стало падежным суффиксом (в данном случае суффиксом эргатива)?

Оформление эргатива в кубачинском диалекте посредством суффикса *-ди-л,* являющегося формой эргатива 1-го лица ед. числа, представляется аналогичным оформлению эргатива в грузинском языке посредством суффикса -man, являющегося личным местоимением 3-го лица в эргативном падеже, где собственно падежным формантом является -n: «Местоимение man «он» представляет собой эргативный падеж с формантом n (эта форма целиком использована для образования эргативного падежа нарицательных имен)»[7].

Вторичный суффикс эргатива *-ди-л* приобретает в кубачинском диалекте постепенно превалирующее значение по сравнению с более древним суффиксом эргатива *-ли.* Так, в нарицательных именах с исходом на гласные заднего ряда, выражающих одушевленные предметы, суффикс *-ди-л* вытесняет первичный суффикс -ли:

Им. п.	*васа* «мышь»,	*ччиту* «кошка»,	*жакьа* «кабан», свинья»
Эрг. п.	*васа-ди-л*	*ччиту-ди-л*	*жакьа-ди-л*

Ср. *ххве* «собака», эрг. п. *ххви-л-ди-л*
адаме «человек», эрг. п. *адами-л-ди-л*

Диалектные данные даргинского языка иллюстрируют различные ступени оформления эргатива личных местоимений, как архаичных, так и более новых, сложных, когда эргатив оформлен двумя формантами.

Диалектные данные даргинского языка свидетельствуют также и о том, что во множественном числе эргатив, аналогично диалектам аварского языка, выделяется раньше, чем в единственном числе.

В специальной литературе отмечается, что в диалектах аварского языка «в местоимениях 1 и 2 лица эргатив образовался значительно позже, чем в именах нарицательных; в этих местоимениях мы имеем не архаичные отложения, а явления позднейшей формации; причем во множ. числе эргатив выделился раньше, чем в единственном»[8]. Это положение находит яркое подтверждение в диалектах даргинского языка.

Поскольку оформление эргатива личных местоимений — явление позднейшей формации, естественно, что «принцип двух основ», по которому склоняются в даргинском языке имена существительные, не представлен при склонении личных местоимений.

---

[7] *Чикобава А. С.* Грузинский язык.— В кн.: Языки народов СССР, т. IV; иберийско-кавказские языки. М., 1967, с. 39.

[8] *Чикобава А. С.* Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке.— В кн.: Языки Дагестана, I, Махачкала, 1948, с. 14 (подчеркнуто нами.— *А. М.*)

Мы не будем особо останавливаться на образовании дательного падежа личных местоимений. Отметим, что по диалектам он имеет суффиксы в 1-м лице ед. числа: *-б, -м (← -б), -ж(||-жи), -й;* во 2-м лице ед. числа: *-д, -т(← -д), й.*

В кубачинском диалекте представлены более сложные формы дательного падежа:

Им. п.	*ду* «я»,	*у* «ты»,	*нусса* «мы»,	*ущa* «вы»
Дат. п.	*да-м* || *да-мм-й*	*и-тти-й*	*ни-сси-й*	*ищи-й*

Родительный падеж личных местоимений образуется аналогично именам нарицательным посредством суффикса *-ла.*

Им. п.	*ду* «я»,	*ну* «я»	Ср. *бицI* «волк»
Род. п.	*ди-ла*	*ди-ла*	*бицI-ла*

Характерно, что форма родительного падежа для 1-го лица ед. числа *ди-ла* представлена в диалектах обоих типов, т. е. при местоимениях как *ду* «я», так и *ну* «я».

Образование родительного падежа 1-го лица ед. числа в личных местоимениях II типа от основы *ди-*, представленного в местоимениях 1-го типа, свидетельствует о вторичности личного местоимения II типа *ну* «я», сравнительно с местоимением I типа *ду* «я», что было отмечено уже у академика И. А. Джавахишвили в его фундаментальном труде «Первоначальная природа и родство грузинского языка с кавказскими языками» (Тбилиси, 1937, на груз. языке).

В урахинском диалекте, относящемся к диалектам II типа, не только родительный падеж образуется от основы *ди-*, но и местные падежи: Им. п. *ну* «я», Эрг п. *ну-ни*, Дат. п. *на-м*, Род. п. *ди-ла;* Местные падежи: *ди-зи, ди-чу, ди-гIи*[9].

В акушинском диалекте от основы родительного падежа личного местоимения 1-го лица ед. числа образуется местный падеж со значением «под», другие местные падежи образуются от дательного падежа:

Им. п. *ну* «я», Эрг п. *ну́-ни*, Дат. п. *на-б*, Род. п. *ди-ла;* Местные падежи: *наб-зи, наб-чи, ди-ъу.*

В кубачинском диалекте (диалекте I типа) местные падежи личного местоимения 1-го лица ед. числа образуются от основы родительного падежа *ди-* аналогично урахинскому диалекту:

Им. п. *ду* «я», Эрг п. *ду-дил*, Дат. п. *да-м* || *да-мми-й*, Род. п. *ди-ла;* Местные падежи: *ди-цце, ди-щу, ди-же, ди-та, ди-гу.*

Мы ограничиваемся в данном случае этим кратким схематическим обзором диалектных различий в склонении личных местоимений в даргинском языке. Диалектный материал дает возможность довольно четко проследить, в частности, картину становления эргативного падежа личных местоимений в диалектах даргинского языка.

---

[9] См. *Услар П. К.* Указ. соч., с. 52.

Г Т. Бурчуладзе

О РАСПРОСТРАНИТЕЛЯХ ОСНОВ РЯДА -нГ- В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В лакском языке, как это известно, при образовании основы эргативно-родительного падежа (resp. основы косвенных падежей) перед падежным окончанием в большинстве случаев появляются т. н. «вставочные элементы», которые именуются распространителями основ[2]. Из тех распространителей основ, которые встречаются в основах косвенных падежей ед. числа, следует выделить два вида распространителя (с последующими соединительными гласными).

I. Простые распространители основ: *-р- (-р-а-, -р-и-, -р-у-), -д- (-д-у-), -тт- (-тт-и-, -тт-у-), -л- (-л-и-, -л-у-), -н- (-н-а-, -н-и-, -н-у-)*.

II. Сложные распространители основ *(-дану-, -далу-, -ттирда-, -ттара-, -дара-, -ттира-)*.

Так как сложные распространители основ фактически состоят из тех же элементов, которые встречаются в виде простых распространителей основ, поэтому ниже примеры приводятся лишь на простые распространители основ:

ттиликI	«печень», «спина»	— эрг.-род.	*ттиликI-р-а-л*
ласаву	«взятие»	«	*ласав-р-и-л*
оьрчIшиву	«детство»	«	*оьрчIшив-р-у-л*
кIункIур	«котел»	«	*кIункIур-д-у-л*
хIан	«спиртной напиток»	«	*хIан-тт-и-л*
кIвану	«место», «стул»	«	*кIван-тт-у-л*
кьацI	«рот»	«	*кьацI-л-и-л*
кьини	«день»	«	*кьини-л-у-л*
арс	«сын»	«	*арс-н-а-л*
дакI	«сердце»	«	*дакI-н-и-л*
лухччи	«земля», «угодье»	«	*лухччи-н-у-л*

[1] *Г* — гласный

[2] *Бурчуладзе Г Т* Некоторые вопросы склонения имен в лакском, Мацне («Вестник»), орган отделения общественных наук АН ГрузССР, Тб., 1968, № 6, 178—182 *(на груз. яз.)*; *его же:* Склонение имен в лакском языке, АКД, Тб., 1970, с. 8, 14; *его же*: Einige Fragen der Nominaldeklination im Lakischen, Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität Jena, Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, Heft 5, Jena, 1971, s. 87—89.

Среди вышеприведенных распространителей основ лакского языка исторически исходными являются *-нГ-* и *-рГ-*.

Распространитель основы ряда *-нГ-* в лакском языке реализуется в виде *-на-, -ни-, -ну-; -на-* используется в качестве распространителя основ в именах, относящихся к I грам. классу (*арс* «сын» — эрг.-род. п. *арс-на-л*), а *-ни-, -ну-* — в виде распространителя основ в именах, относящихся ко II—IV грам. классам (*щар* «женщина», «жена» (II гр. кл.) — эрг.-род п.: *щар-ни-л* || → *щан-ни-л; душ* «девушка» (III гр. кл.) — эрг.-род. п.: *душ-ни-л; дакI* «сердце» (IV гр. кл.) — эрг.род. п.: *дакI-ни-л*).

В некоторых односложных словах с гласным исходом распространитель основы *-нГ-* представляет собой рефлекс распространителя основы *-рГ-*, где *-р-* исторически принадлежит основе имени. Несколько примеров:

1. *цIа* «имя» — эрг.-род. *цIан-и-л* ← **цIар-и-л*.

Ср. авар. *цIцIар*, анд. *цIцIер*, ахв., ботл., кар. *цIцIери* арч. *цIцIор*, лезг *тIвар, тIар, ттвар*, крыц., буд. *тур*, рут. *дур* «имя»[3].

Основы на *р* сохранены также из нахских языков в чеченском и ингушском:

Чеч. *цIе* «имя» — род. п.: *цIер-ан;* мн. ч.: *цIер-ш* «имена».

Инг *цIи* «имя» — мн. ч.: *цIер-аш* «имена».

Основа на *р* сохранена и в лакском языке перед суффиксом мн. числа *-ду* (← **-ру*): *цIар-ду* «имена».

2. *хъу* «поле», «пашня» — эрг.-род. *хъун-и-л* ← **хъур-и-л*.

Ср. авар., анд., кар. *хур*, ботл., год. *хури*, ахвах. *хъ'ури* «пахотный участок», «нива», «поле».

Авар-анд. *хур* ← **хъ'ур*[4].

Та же основа представлена в дидойском языке в виде *хур*, а в арчибском языке — в виде *ух* ← *ухур* (ср. мн ч.: *ухур-чен*[5]).

В лакском языке основа на *р* сохранилась перед суффиксом мн. числа *-ду: хъур-ду* «поля», «пашни».

3. *хьу* «ворот», «вырез» — эрг.-род. *хьун-и-л* ← **хьур-ил*.

Ср. авар. *лъор* «пазуха», анд. *ин-лъира*, год. *гьин-лъари* «за пазухой»[6].

4. *ква* «рука» — эрг.-род. *кван-и-л* ← **квар-и-л*.

Ср. авар. *квер*, ахв. *квар-* (в лексеме *квар-къкъен* «браслет»[7]) кап. (тляд.), гунз. *коро* «кисть руки».

Соответствующая основа в чеченском языке сохранена в виде

---

[3] Для лезгинских языков исходным считается основа с начальным *цIцI* (Об этом см.: *Талибов Б. Б.* Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980, с. 297).

[4] Исходное состояние сохранилось в ахвахском языке. О таких случаях см.: Trubetzkoy N. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen. 1. Die «kurzen» und «geminierten» Konsonanten der awaro-andischen Sprachen. Caucasica, F 3, Leipzig, 1926, § 14.

[5] *Гигинейшвили Б. К.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977, с. 92.

[6] *Бурчуладзе Г Т* Указ. соч., с. 173; Burtschuladze G. Указ. соч., с. 84.

[7] Ахвахскую форму с аварской увязывает Б. К. Гигинейшвили (см. его указ. с. 80).

кера-юкъ «ладонь», где выделяется *юкъ* со значением «середина, средняя часть чего-либо».

Основа на *р* сохранена в лакском же языке во фразе *квар-ду дугьлан* «рукопожатие»[8], где в форме *квар-ду -ду* (← *-*ру*) — показатель мн. числа.

В лакском языке встречаются и такие случаи, когда *-нГ-* иного происхождения, не такого, как вышеприведенные.

В специальной литературе исходным для лакского языка восстанавливают *хьул,* сравнивая с дарг. *дукла* (этимологически «за пазухой») лак. *хьу* «ворот», «вырез» (Гигинейшвили, Б. К., указ. соч., с. 94). По-видимому, с лак. *хьу* ←**хьур* следует связать не указанную даргинскую форму, а даргинскую же основу *хьар* «подол» (лак. *хьу* и дарг. *хьур* друг с другом связывает А. Ш. Акиев. См. его: Историко-сравнительная фонетика даргинского и лакского языков. Махачкала, 1977, с. 95).

Распространитель основы *-нГ-,* употребляемый в указательных местоимениях типа *та* «тот, та, то» — эрг.-род. *та-на-л* (I гр. кл.), *та-ни-л* (II—IV гр. кл.), представляет собой суффикс-детерминант и является исходным. По всей видимости, *-нГ-* имелся и в формах именительного падежа. Следовательно:

**танГ* «тот, та, то» (на уровне говорящего),
**гванГ* « (находящийся, -аяся, -ееся ниже говорящего),
**кIванГ* « (« выше «),
**ванГ* «этот, эта, это».

-нГ, выступавший в роли суффикса-детерминанта, в указанных местоимениях впоследствии стал выразителем эргатива — бинарная оппозиция им. и эрг. падежей возникла после утери суффикса-детерминанта в им. падеже в результате износа отмеченных местоимений[9]:

Им. *та, гва, кIва; ва*

Эрг. **та-на* || **та-ни,* **гва-на* || **гва-ни,* **кIва-на* || **кIва-ни,* **ва-на* || **ва-ни.*

Восстановленные здесь формы былого эргатива со своей стороны впоследствии стали основой для род. и дат. падежей (resp. косвенных падежей):

Род. *та-на-л* || *та-ни-л, гва-на-л* || *гва-ни-л, кIва-на-л* || *кIва-ни-л, ва-на-л* || *ва-ни-л*

Дат. *та-на-н* || *та-ни-н, гва-на-н* || *гва-ни-н, кIва-на-н* || *кIва-ни-н, ва-на-н* || *ва-ни-н.*

В формах типа *танал, гванал...,* которые ныне являются формами эрг.-род. падежа, при помощи *-на-* || *-ни-* раньше передавалось лишь значение эргатива. В пользу такого допущения укажем на следующий факт.

---

[8] *Акиев А. Ш.* Анализ элементов родительного падежа множественного числа в лакском языке.— В кн.: Сборник работ аспирантов кафедр гуманитарных наук. Махачкала, 1964, с. 158.

[9] В результате чего конечный гласный соответствующих местоимений стал долгим — компенсационная долгота.

Личные местоимения 1 и 2 лиц. ед. числа в лакском языке одну основу имеют в именительном падеже, а другую — в остальных (т. н. в косвенных) падежах:

Им.	*на*	«я»	*ина*	«ты»
Род.	*тту-л*		*ви-л*	
Дат.	*тту-н*		*ви-н*	

Если в других случаях в лакском языке значения эрг. и род. падежей передаются при помощи одной общей формы (*дакI* «сердце» — эрг.-род. *дакI-ни-л*...), то формы *ттул, вил* выступают лишь в значении родительного падежа[10] и указывают только на принадлежность: *ттул, вил* никогда не выступают в роли эргатива[11], тогда как личные местоимения (указательные местоимения) 3 л. при переходных глаголах могут выступать и в роли эргатива.

А почему же здесь род. падеж не совмещает функцию эргатива, как это имеет место обычно в лакском? Да потому, что в лакском языке в личных местоимениях 1 и 2 л. эргатив вообще не оформился, а в личных местоимениях 3 лица имеся самостоятельный эргатив, образованный при помощи *-нГ* Поскольку местоимения ряда *танал, танил*... являются формами эргатива, постольку в них представлены элементы *-на-, -ни-*[12].

Для форм *тту-, ви-* исторически восстанавливаются формы в виде **тту-на, *ви-на*[13], т. е. и они имели суффикс-детерминант *-нГ* но, по-видимому, в формах **ттуна, вина*... *-нГ* утерян еще до того, как суффикс-детерминант стал выступать в роли форманта эргатива.

Ныне формы *ттул, вил* представлены без элементов *-на-, -ни-*, т. е. без тех элементов, которые и вносят в указательные местоимения значение эргатива. Естественно, что без указанных *-на-, -ни-* соответствующие формы местоимения не могут иметь значения эргатива.

Одним словом, в лакском языке эргативный и родительный падежи слились лишь там, где эргатив, как самостоятельный падеж, уже был оформлен. В личных местоимениях 1 и 2 л. эргатив не оформлялся и, естественно, родительный падеж указанных местоимений обозначает лишь принадлежность.

Следовательно, суффикс-детерминант *-нГ* в лакском языке является одним из древних формантов былого эргатива — притом местоименного происхождения.

---

[10] А в роли эргатива выступает именительный падеж, точнее, неоформленная основа. Аналогичные случаи наблюдаются в некоторых иберийско-кавказских языках и ныне. Например, груз. *ме* «я», *шен* «ты» могут выступать как в роли именительного падежа, так и в роли эргатива.

[11] *Церцвадзе И. И.* К вопросу об эргативном падеже в лакском языке. ИКЯ, XXVI, Тбилиси. 1968, с. 255 *(на груз. яз.)*.

[12] Те же формы выступают в роли род. падежа постольку, поскольку они снабжены формантом *-л* — показателем род. падежа.

[13] *Бурчуладзе Г Т* Указ. соч., с. 177—178; Burtschuladze G. Указ. соч., 87.

Это напоминает нам положение вещей в грузинском языке[14], в котором нынешний формант эрг. падежа *-м* || *-ма* получен от местоимения *ман* «он» (эрг.) В лакском языке, в отличие от грузинского, использовано не соответствующее местоимение целиком, а общий элемент указательных местоимений — суффикс-детерминант.

Показатель эргатива древнегрузинского языка *-ман* по происхождению сам является формой эргатива, наподобие вопросительного местоимения *вин* «кто?»: *ма-н, ви-н*[15].

В обоих случаях эргатив образуется органически[16]. Следовательно, древнейшим показателем эргатива в грузинском является *-н*[17] В специальной литературе указанный *-н* признан корнем указательного местоимения[18].

Материально этот *-н* — тот же элемент, который наличествует в наречиях груз. языка, в которых *-на* чередуется с *-да: зе-на — зе-да* «верхний»; *кве-на — кве-да* «нижний», *ши-на — ши-да* «внутренний» и т. д.[19]

Правда, «семасиологическая дифференциация между ними безусловно чувствуется», но «становится ясным, что элементы *н* и *д* употребляются параллельно»[20] И это понятно, так как у элементов *н* и *д* была одинаковая функция.

В грузинском языке, подобно лакскому, в конкретном случае суффикс-детерминант состоит из *согласного + гласный: -н+а, -д-а*[21].

---

[14] Из дагестанских языков, например, в аварском языке, в котором окончания эргатива *-сс* и *-лъ* материально те же элементы, что и в формах эргатива указательных местоимений. Об этом см.: *Чикобава А. С.* К склонению местоимений аварского языка. Известия ИЯИМК, т. XII. Тб., 1942, с. 33—35 *(на груз. яз.)*.

[15] *Вин* «кто» выступает и в роли им. падежа, но, как на это справедливо указывал еще Г Шухардт, форма *вин* из эргатива перешла в именительный падеж (Об этом см. *его*: О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках.— В: Эргативная конструкция предложения. М., 1950, с. 52).

[16] А по мнению В. Киквидзе, в груз. языке *ман* и *вин* являются не формами эрг. падежа, а чистыми основами; в формах *ма-н, ви-н -н* суффикс того же ряда, каким является *-н* в формах личных местоимений *ме-на* «я», *ше-на* «ты» (Об этом см. *его*: К генезису показателя повествовательного падежа в грузинском языке.— Журн. «Комунистури агзрдисатвис» («К коммунистическому воспитанию»), 1960, № 2, Тбилиси, с. 62 *(на груз. яз.)*.

[17] Морфологическими эквивалентами его являются мегр.-чан. *-к* (местоименного происхождения) и сван. *-д* — фонетически коррелат груз. *-н*. Об этом см.: *Чикобава А. С.* К генезису повествовательного падежа (эргатива) в картвельских языках.— Труды ТГУ, X, Тбилиси, 1939, с. 172—174 *(на груз. яз.)*.

[18] Там же, с. 174.

[19] *Чикобава А. С.* К этимологии показателей грамматической класс-категории в картвельских языках.— САН ГАН, т. V, № 4, Тбилиси, 1944, с. 451 *(на груз. яз.)*.

[20] *Топуриа В. Т.* Один пример внутренних законов развития языка в грузинском языке.— ИКЯ, V, Тбилиси, 1953, с. 526 *(на груз. яз.)*.

[21] А по мнению Д. Н. Меликишвили, так как в картвельских языках суффикс-детерминант имеет структуру *гласный+согласный*, то в местоимениях *ме(н)* «я», *шен* «ты», *чвен* «мы», *тквен* «вы», *ман* «он», *вин* «кто» в качестве суффикса-детерминанта следует выделять *-ен, -ан, -ин*, а не элемент *-на*. См.:

Элемент *-нГ* в лакском языке встречается не только в косвенных падежах указательных местоимений; *-нГ* в роли распространителя основ наличествует и в атрибутивных именах[22]. В частности имена прилагательные (resp. атрибутивы), образованные при помощи суффиксов *-ма̄* (I гр. кл.), *-мур* (II—IV гр. кл.), т. н. «вторую основу» образуют при помощи распространителей основ *-на-* (I гр. кл.), *-ни-* (II—IV гр. кл.):

Им. *хъин-ма̄(-мур)* «тот (та, то), который (-ая, -ое) хорош(а), добр(а)»

Эрг.-род. *хъин-ма̄-на-л* (I гр. кл.), *хъин-му-ни-л* (II—IV гр. кл.).

В тех же именах прилагательных в формах мн. числа перед распространителями основ появляется *-н-* — по происхождению суффикс-детерминант основы[23]:

Им. *хъин-мӣ* «те, которые хороши, добры».

Эрг.-род. *хъин-мӣ-н-на-л* (I—II гр. кл.), *хъин-мӣ-н-ну-л* (III, IV гр. кл.).

Следовавшие за указанным *-н-* распространители основ *-на-, -ну-* наличествуют в диалектах типа кумухского, а в диалектах типа вицхинского они представлены в виде *-да-, -ду-*[24].

Аналогичное положение наблюдается в косвенных основах прилагательных, образованных при помощи суффикса *-сса*[25]:

Им. *хъин-сса* «хороший», «добрый».

Некоторые вопросы структуры основ личных местоимений в грузинском языке.— В кн.: Очерки морфологии иберийско-кавказских языков. Тбилиси, 1980, с. 50—51 *(на груз. яз.)*.

И в именах лакского языка суффикс-детерминант обычно состоит из *гласного+согласный*, но это не исключает в том же лакском наличия суффиксов-детерминантов, которые имеют структуру *согласный+гласный* в личных или указательных местоимениях... также и в глаголах при личных окончаниях ряда *-р+гласный*, которые по происхождению являются суффиксами-детерминантами, имевшими финитное значение (Об этом см. нашу работу: О вспомогательном глаголе urˇ (hᵃ, dᵃ) «есть» в лакском языке. — Ежегодник ИКЯ, V, Тбилиси, 1978, с. 301)

22 Которые выступают в роли имен существительных. Известно, что в лакском языке атрибутивы, употребляемые вместе с определяемыми, обычно не склоняются.

23 Наличествовавший прежде в местоимении *ма̄* (← **мана*), к которому исторически восходят образователи прилагательных *-мур, -мӣ* в лакском (об истории указательного местоимения *ма̄* в лакском см. нашу работу: Об одном указательном местоимении в аварском языке.— САН Груз. ССР, т. 101, № 3, Тбилиси, 1981 *(на груз. яз.)*.

24 *Услар П. К.* Лакский язык. Тифлис, 1890, 60.

25 Аффиксы *-сса* и *-ма̄, -мур*, ныне суффиксы полных форм атрибутивов,— исторически образователи бинарной оппозиции определенности-неопределенности в лакском (Об этом подробнее см. нашу работу: К различению определенности-неопределенности в атрибутивных именах лакского языка. — Ежегодник ИКЯ, IX, Тб. 1982).

Эрг.-род. *хъин-сса-н-на-л* (I гр. кл.), *хъин-сса-н-ну-л* (II—IV гр. кл.).

Распространитель основы *-н-*, следовавший за *-сса-*, исторически принадлежит основе косвенных падежей вопросительного местоимения *ци* «что»[26], а *-на-*, *-ну-*, следовавшие за *-н-*, материально те же элементы, что представлены были выше в формах, мн. числа имен прилагательных, образованных при помощи *-ми*.

Указанные *-на-*, *-ну-* (в диалектах типа кумухского), *-да-*, *-ду-* (в диалектах типа вицхинского) наличествуют и в формах, мн. числа указательных местоимений. Например:

Им.	*та-й*	«они».
Эрг.-род.	*та-й-н-на-л, та-й-н-ну-л*[27]	
	та-й-н-да-л, та-й-н-ду-л.	

Чередование распространителей основ *-на-*, *-ну-* / *-да-*, *-ду-* по диалектам наталкивает на следующую мысль: не являются ли в таких случаях исходными распространители основ, имевшие структуру *-рГ-*?

И впрямь, если исходным здесь считать распространитель основы *-нГ-*, то он после сонорных согласных должен сохраниться подобно следующим формам:

душман	«враг»	— эрг.-род.	*душман-на-л*
дивир	«мулла»	«	*дивир-на-л*
зал	«бог»	«	*зан-на-л* **зал-на-л*
щар	«женщина», «жена»	«	*щар-ни-л-* ‖ →*щан-ни-л*[28]
бяр	«озеро»	«	*бяр-ни-л* ‖ →*бян-ни-л*[29]
ппал	«конюшня», «хлев»	«	*ппал-ни-л* ‖ →*ппан-ни-л*[30]
ччар	«молотьба»	«	*ччар-ни-л* ‖ →*ччан-ни-л*[31]
къур	«поле», «пашня», «угодье»	«	*къур-ни-л* ‖ →*къун-ни-л*[32].

Указанное правило распространяется обычно на все суффиксы, которые начинаются с сонорным *н*. Еще один случай.

---

[26] *Бургуладзе Г Т.* О вопросительном местоимении *ци*, «что» в лакском языке.— САН Груз. ССР, т. 106, № 1, Тбилиси, 1982 *(на груз. яз.)*.

[27] Надо думать, что *-н-*, предшествующий *-на-(-да)*, *-ну-(-ду-)*, по происхождению тот же суффикс-детерминант, что и восстановленный выше в указательных местоимениях (*-й-* в формах та-*й*-нна-л, *та-й-нну-л* формант мн. числа, полученный от *-ŵ*). В формах мн. числа *-н-* появился в результате аналогии с формами ед. числа, а уж потом переставлен за формантом мн. числа (иначе трудно объяснимо появление форманта мн. числа в виде инфикса).

[28] Параллельные формы зафиксированы П. К. Усларом (см. его указ. соч., с. 394).

[29] Параллельные формы см. там же, с. 253.

[30] Параллельные формы см. там же, с. 334.

[31] Параллельные формы см. там же, с. 384.

[32] Параллельные формы см. там же, с. 307.

В лакском языке *-ну* является известным суффиксом наречия (*цIакь* «сила», «мощь» — *цIакь-ну* «сильно», «мощно»), который, подобно суффиксу со структурой *-нГ-*, в соседстве другого сонорного согласного не изменяется:

чан-сса «немногочисленный», «редкий» — *чан-ну* «мало», «редко»

чIал-сса «поздний» — *чIал-ну* «поздний»

анавар-сса «быстрый», «скорый» — *анавар-ну* «быстро», «скоро»...

Но, если допустим, что в диалектах типа вицхинского в таких случаях исходным был суффикс со структурой *-рГ-*, тогда здесь имелись бы формы **чан-ду* «мало», «редко» (ср. *ччан* «нога» — *ччан-ду* «ноги»), **чIал-ду* «мало», «редко» (ср. *чIали* «колос» — *чIал-ду* «колосья»), **анавар-ду* «быстро», «скоро» (ср. *чъагъар* «бумага», «письмо» — *чагъар-ду* «бумаги», «письма»)[33].

Таким же образом, считая исходным для перечисленных выше имен, распространитель основы со структурой *-рГ-*, то и там формы эрг.-род. падежа были бы представлены в виде **бяр-ди-л*[34], **ппал-ди-л*[35] и т. д.

Становится ясным, что исходный распространитель основы со структурой *-нГ-* не изменяется, а исходный распространитель основы со структурой *-рГ-* в диалектах типа вицхинского переходит в *-дГ-* в результате диссимиляции (с предшествующим суффиксом-детерминантом *-н-*), а в диалектах типа кумухского в результате ассимиляции с тем же *-н-* — в *-нГ-*.

Таким образом, *-нГ-* в диалектах типа кумухского в вышеотмеченных случаях — результат фонетического изменения: *-нГ-* здесь совпал с исторически исходным **-нГ-*, с тем самым суффиксом-детерминантом, который по-видимому, и выступал в роли форманта былого эргатива в лакском.

А в атрибутивы, образованные при помощи *-ма̄, -мур, -нГ-* перешел из указательных местоимений, где он в формах ед. числа выступал в роли показателя эргатива. И поэтому, естественно, атрибутивные имена склоняются точно по тому же принципу, по какому склоняется исходное для указанных морфем указательное местоимение *мӯ* «тот, та то»[36].

Остается еще один вопрос: в лакском языке из распространителей основ ряда *-нГ-*, как уже было отмечено выше, *-на-* используется для I грам. класса, а *-ни-* — для остальных (в ед. числе),

---

[33] Во всех случаях в формах мн. числа исходным для показателя мн. числа является формант **-ру*, т. е.: *чан-ду* ← **ччан-ру*, *чIал-ду* ← **чIал-ру*, *анавар-ду* ← **анавар-ру*

[34] Ср. форму мн. числа *бяр-ду* (вицх., кум.) ← **бяр-ру* (с диссимиляцией) «озера».

[35] Ср. формы мн. числа: *ппал-ду* (вицх.) ← **ппал-ру* (с диссимиляцией), *ппал-лу* (кум.) ← **ппал-ру* (с ассимиляцией) «конюшня», «хлева».

[36] *Абдуллаев И. Х.* Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. Махачкала, 1974, с. 133.

т. е. различение по грам. классам тут полностью возложено на гласные. Это, разумеется, не исходное состояние, но такое различение, по-видимому, имело и свое основание. На раннем этапе развития лакского языка грамматические классы должны были различаться и в склонении (например, нынешний формант дат. падежа в лакском *-н* ← **-м* ← **-б* ← **-бГ* — по происхождению показатель грам. класса) — чередование гласных по грамматическим классам в распространителях основ *-на-* / *-ни-* фактически является компенсацией стирания различения грам. классов в падежных окончаниях.

В. И. Кикилашвили

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ХИНАЛУГСКОМ ЯЗЫКЕ

Хиналугский язык, подобно крызскому и будухскому, является одноаульным. Названные языки, входящие в состав так называемой шахдагской подгруппы, в силу административных и географических условий в течение долгого времени развивались изолированно, поэтому данные, полученные при их изучении, имеют большое значение для истории языков лезгинской группы в целом.

Вопросы грамматики хиналугского языка в разное время нашли отражение в трудах Р Шаумяна, Ю. Дешериева, Б. Талибова, А. Кибрика, Кодзасова, Оловянниковой, Ф. Ганиевой, А. А. Магометова...

Как и во многих др. языках, указательные местоимения в хиналугском способны выступать в роли местоимений 3 л. При этом входящие в данную систему местоимения отражают степень удаления от говорящего — объекта указания. С этой целью используются два местоимения *ду (удр)* — «этот (эти)» — для ближайшего объекта, *гьу (гьозы)* — «тот (те)» — для удалённого объекта.

Указанное противопоставление оформляется с помощью корневых элементов *д* и *гь:*

ду (дур) — «этот, эти» — *гьу (гьозы)* — «тот, те».

Следует отметить, что в принадлежащей Ю. Д. Дешериеву грамматике хиналугского языка приведены лишь формы местоимений с корневым элементом *гь:*

гьаь — «она» / *гьу* — «он», *гьоз / гьед* — «они».

При этом они квалифицируются как местоимения, различающие мужской и женский род [1]

Имеющаяся в настоящее время в хиналугском языке классная система находит отражение и в местоимениях [2]. Распределение местоимений по классам в ед. и мн. числах происходит неравно-

---

[1] *Дешериев Ю. Д.* Грамматика хиналугского языка. М., 1959, с. 126.

[2] *Талибов Б. Б.* Место хиналугского языка в языках лезгинской группы.— Уч. зап. ИИЯЛ, VII, 1960, Махачкала; *Магометов А. А.* Система грамматических классов в хиналугском языке.— ЕИКЯ, III, 1967, Тбилиси.

Падеж,	«Этот»				«Тот»				«Этн»				«Те»			
	Ближний				Отдаленный				Ближний				Отдаленный			
классы	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV	I	II	III	IV
Им. п.	*ду*	*даь*	*даь*	*джи*	*гьу*		*гьаь*		*дур*		*джит*		*(гьозы)*		*гьед*	
Эрг. п.		*гъуй*														
Ген. I	*гъви*	*гъой*		*си*	*гьинц*		*гьуни*		*гъози*		*седри*		*гьози*		*гьинедри*	
Ген. II	*гъве*			*се*	*гьуне*		*гьине*		*гъозу*		*седру*		*гьозу*		*гьинедру*	
Дат.	*гъо*			*су*	*гьунц*		*гьини*									

мерно. Во мн. ч. противопоставление основывается на признаке разумный—неразумный:

I, II *дур* — III, IV *джит* — «эти»
I, II *гьозы* — III, IV *гьед* — «те».

В ед. же числе класс мужчины противопоставляется всем остальным:

гьу I кл. «тот» — *гьагь* II, III, IV кл.

Помимо различения классов мужчины и женщины, местоимения *гьа / гьу* выполняют и другую функцию — конкретизацию местонахождения предмета по отношению к говорящему.

В эргативе и косвенных падежах проявляется оппозиция разумный—неразумный, подобно тому как это имеет место во мн. числе.

Выше было отмечено, что для указания на предмет, находящийся вблизи говорящего, используется местоимение с корневым согласным *д*. Распределение по классам примет здесь следующий вид:

I кл. (мужчины) — *ду*, II, III — *дав*, IV — *джи*.

Местоимению *дав* присуща при этом следующая особенность: в эргативе и косв. пп. для II кл. (женщины) используется основа *гьу*, а для III — *си*, являющаяся общей для эргатива и косв. пп. III и IV классов.

Итак, в именительном падеже указательные местоимения имеют следующие формы:

I	II и III	IV	I	II, III, IV	I и II	III и IV	I и II	III и IV
ду	*да*	*джи*	*гьу*	*гьав*	*дур*	*джит*	*гьози*	*гьед*
«этот»			«тот»		«эти»		«те»	

Обращает на себя внимание тот факт, что, хотя в хиналугском языке имеются действующие экспоненты классов (напр., в личных местоимениях), однако для выражения различий между классами могут быть использованы и др. способы.

1) различение основ

дур — I и II кл.	*джит* — III и IV кл.		«эти»
гьоз	*гьед*		«те»
гьози	*седри*		«эти» (эрг.)
гъози	*гьинедри*		«те» (эрг.)
ду I кл.	*джи*	IV кл.	«этот»
гъуй I кл.	*си*	III и IV кл.	«этот» (эрг.)

2) Изменение корневого гласного — в основном в ед. числе указательных местоимений. Указанный процесс, по-видимому, был вызван влиянием ныне утерянного классного показателя:

Им. п.	*ду*	II кл.	*дав*	«этот»
	гьу		*гьав*	«тот»
Эрг. п.	*гьуни*		*гъо*	«этот»
	гьини		*гъви*	«тот».

В падежной системе хиналугского языка различают группу основных (им., эрг., ген. I, ген. II, дат.) и серию локативных падежей.

Указательные местоимения хиналугского языка характеризуются супплетивизмом при склонении, причём форма им. п. отличается от всех остальных: им. п. — *ду* «этот» (I кл.), эрг., ген. I — *гъви;* ген. II — *гъве,* дат. — *гъу.*

Характерной особенностью системы склонения хиналугского языка является наличие двух форм генитива, выражающих соответственно органическую и неорганическую принадлежность.

Авторы «Фрагментов грамматики хиналугского языка» отмечают, что ген. I, будучи формой, выражающей органическую принадлежность, используется в основном с одушевленными существительными. Здесь же указывается, что различие между названными формами в основном фонетического порядка [3].

Данные хиналугского языка позволяют прийти к выводу, что различие между ген. I и ген. II последовательно проводится и строго соблюдается: разные группы существительных требуют постановки в разных формах генитива. Различие между органической и неорганической принадлежностью выражается с помощью формантов *и — е:*

ген. I *гьини калле* — «его голова», но:
ген. II *гьине цIва* — «его дом».

Исторически наличие двух форм генитива должно быть связано с категорией класса (ср. данные арчибского языка), т. е. с морфологической категорией. Поэтому не следует считать данное явление результатом чисто фонетических изменений.

В целом ряде имён, в том числе и в местоимениях, наблюдается совпадение форм эргатива и генитива. Если Ю. Д. Дешериев не выделяет формы ген. I, то авторы «Фрагментов грамматики хиналугского языка» квалифицируют его как независимый падеж, несмотря на то что его форма совпадает с формой эргатива:

эрг. ген.	*гьи*	I кл.	*гьу*	II кл.
	гьини	II кл.	*гьуни*	III и IV кл.
	гъози	I и II кл.	*седри*	III и IV кл.
	гьози	I и II кл.	*гьинедри*	III и IV кл.

Однако наличие двух типов генитива подтверждается анализом форм личных местоимений I и II л. обоих чисел.

ед. ч.	*зы* — «я»,	эрг. — *йа,*	ген. I — *и,*	ген. II — *э*
	вы — «мы»	*ва*	*ви,*	— *вэ*

---

[3] *Кибрик А., Кодзасов С., Оловянникова Н.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972, с. 51.

мн. ч.	*кин*	ген. I	*кири*	ген. II	*кире*	«мы»
	йир	«	*шири*	«	(экскл. — «без тебя»)	
	зур	«	*зури*		*шире*	«мы»
					(инкл. — «с тобой»)	
				«	*зуре*	«вы»

Аналогичное различие подтверждается и на основе проанализированного нами материала указательных местоимений, напр., форма *даь* — «этот» (II кл. женщин) различает все падежи:

ном. *даь тIунурур пшаь датчIыркьвамаь*
— «она в тануре печет хлеб»,
эрг. *гъуй ксан хураьг кьындасу йахудма*
— «она хорошую еду приготовила»,
ген. I *даь гъой джугваьрмаь*
— «это её платье»,
ген. II *даь гъве пхрамаь*
— «это её собака»,
дат. *гъу гьотур быймаь са ус дахунда*
— «она своего (своих) отца один год не видела».

Если в ед. числе наблюдается совпадение форм эргатива и генитива I, то во мн. ч. все три падежа (т. е. эргатив и оба генитива) имеют общую форму. Однако несмотря на указанное формальное сходство, между эрг и ген. можно провести различие, исходя из соответствующей формы глагола, при котором стоит местоимение:
эрг *гьинедыры пшла цIва гечжимаь* — «они три дома построили»
ген. *ду гфадми гьинедыры йесимаь* — «этот человек их хозяин».

Легко заметить то обстоятельство, что указательные местоимения хиналугского языка имеют общую форму в эргативе и генитиве, обладая типом склонения, близким к лакскому

По наличию падежных форм указательные местоимения в хиналугском языке объединяются в три группы:

I	II	III
— «этот, эта» (II кл.) различаются все основные падежи	— «тот» (I кл. мужчины) совпадает эрг. и ген. I (сюда относится *гьа, гьу, джи*)	— «они» (I, II кл.) совпадает — эрг. ген. I, ген. II (также — *джит, гьед, гьозы*)

	I	II	III
им. п.	*даь*	*ду*	*дур*
эрг.	*гъуй*	*гъуй*	*гъози*
ген. I	*гъой*		
ген. II	*гъве*	*гъве*	
дат.	*гъу*	*гъу*	*гъозу*

На первый взгляд, система указательных местоимений хиналугского языка отличается от соответствующих систем близкородственных языков. Однако формы, выявляемые в эргативе и косв. пп., находят параллели в др. языках лезгинской группы:

хинал. *даь* (II кл. / *ду* (I кл.) — «этот» (ед. ч., им. п.).

Соответствующие данному местоимению формы в несколько изменённом виде встречаются в будухском и крызском языках, где гласный предшествует корневому согласному (буд. *ад,* крыз. *ад (уд),* в рутульском и удийском, где изменен корневой согласный (рут. *тIи,* уд. *тIе*), в лезгинском (с полной огласовкой) — *ада.* В некоторых случаях для усиления значения начальному гласному может предшествовать согласный *гь:*

рут. *гьад,* лезг. *гьатIа,* хинал. *гьаь* (II кл.) / *гьу* (I кл.) «тот» (им. пад., эрг.).

Правда, форма им. п. указанного местоимения не встречается в других языках лезгинской группы, однако формы эргатива и косвенных падежей *гьини / гьуни* находят параллели в буд. *аныр,* рут. *гьин,* цах. *ина,* лезг. *ама* (в магарамкентском диалекте *анда / инда*)[4]. Во всех этих случаях встречаем одну и ту же материальную часть.

Относительно же формы именительного падежа возможно предположить, что здесь произошёл распространенный в языках лезгинской группы процесс назализации:

гьуни → *гьун* → *гьу*^{н} → *гьу*

гьани → *гьан* → *гьа*^{н} → *гьаь*

хинал. *гъви* — «этот» (эрг. I кл. ед. ч.) — подобное местоимение встречается в лезг. *агъа,* таб. *гъуму,* а также арч. *гъуду.* Хинал. *гьинедыры* — «они» (эрг. III и IV кл.). В будухском находим форму *андары* (эрг. мн. ч. местоимения *ад* — «этот»), которая состоит из основы *ан* + суффикс мн. ч. *-д* и показателя эргатива *р*[5], аналогичное строение имеют некоторые существительные в крызском языке[6]. Суффикс *дыр* встречается и в хиналугском языке: *кел — келдыр.*

Сравнение форм хинал. яз. *седри, гьинедыры, гъотIур (-гъозы)* с присущей буд. языку формой *андары* позволяет предположить наличие суффикса мн. ч. *ди* и эрг *р* и в хиналугском языке.

Анализ форм указательных местоимений хиналугского языка подводит нас к вопросу об их строении и структуре. На первый взгляд, в хиналугском языке для указанной группы характерен тип С+V, тогда как в лезгинском наблюдается V+C+V Однако формы эргатива и других косвенных падежей дают возможность и для хиналугского предположить структуру, аналогичную лезгинской: *гьини, гьуни, ада, аду.*

---

[4] *Мейланова У А.* Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.

[5] *Панчвидзе В. Н.* Образование основных падежей и их функции в будухском языке.— ИКЯ, XIX, 1979, Тбилиси.

[6] *Саадиев Ш. М.* Склонение имен существительных в крызском языке.— Вопросы изучения ИКЯ, М., 1961.

З. Г Абдуллаев

К ГЕНЕЗИСУ ПАДЕЖНЫХ ФОРМАНТОВ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Дагестанские языки, в их числе и даргинский, характеризуются не только многопадежной системой склонения имени, но и развитой вариантностью падежных формантов. Например, датив в даргинском языке имеет форманты: *-с, -з, -ж, -й, -м, -в, -б, -т, -д*, эргатив — *-л-, -н-, -й-, -ъ-, -д-*, локатив — *-ш-, -к-, -ч-, -з-, -дз-, -с-, -ж-, -ъ-, -хI-, -й-*.

Причины многообразия падежей и падежных формантов до сих пор остаются нераскрытыми. Остается тайной и источник происхождения падежных формантов.

Нельзя сказать, что ученые не обращались к этому вопросу. Делались попытки объяснить происхождение отдельных падежных формантов, но в основном эти попытки сводились к предположению о том, что рассматриваемые падежные форманты восходят к классным показателям или же являются результатом звуковых трансформаций.

Как известно, в даргинском языке классных показателей пять: *й, в(ъ), р, д, б*. Они распределены таким образом: *й, в(ъ)* — показатели класса мужчин (1-й класс), *р, д* — показатели класса женщин (2-й класс), *б* — показатель 1-й группы предметов и одушевленных существ, *д, р* — показатели 2-й группы предметов и одушевленных существ. Обе группы предметов и одушевленных существ объединяются в один общий класс предметов (3-й класс). Во множественном числе используются показатели *д, б, р: б* — для 1 и 2 классов, *д, р* — для 3 класса.

Количество падежных формантов несравненно больше, чем количество классных показателей. Следовательно, совпадение тех и других формантов может быть лишь частичным. В этой ситуации апологеты классного происхождения падежных формантов прибегают к тому, что одного классного показателя провозглашают источником происхождения не одного, а целого ряда падежных формантов. Например, источником происхождения формантов датива имени *-с, -з, -ж, -й* предполагается один и тот же классный показатель *-д-*. Этот же классный показатель считается источником происхождения и форманта датива местоимения *-т*. Источником же происхождения формантов датива местоимения *-м, -в*

считается классный показатель *-б-*. Таким образом, семь формантов датива *(-с, -з, -ж, -й, -т, -м, -в)* возводятся к двум классным показателям *(д, б)*. Поскольку *д* и *б* одновременно являются формантами датива и классными показателями, то происхождение первых сводится ко вторым, или функция классных показателей считается первичной, а функция падежных формантов — вторичной.

Как видно из всего этого, генезис падежных формантов завершается классными показателями. Происхождение падежных формантов предполагается относящимся к периоду после возникновения грамматических классов. Склонение имени — единицы первичного дейксиса лица — предполагается возникшим после появления классного спряжения глагола—единицы вторичной анафоры лица.

С таким положением едва ли можно согласиться. Однако необходимо хотя бы вкратце остановиться на аргументации версии о классном происхождении падежных формантов. Автором этой версии является покойный проф. Ш. Г Гаприндашвили. Ш. Г Гаприндашвили происхождение всех падежных формантов не рассматривал, он касался лишь некоторых из них. Особенно автора интересовало происхождение формантов датива. Ш. Г Гаприндашвили этому вопросу посвятил специальную статью[1], происхождения формантов датива автор касался и в другой своей работе[2].

Ш. Г Гаприндашвили предлагает два направления звуковых трансформаций, ведущих от классного показателя *д* к падежным формантам датива имени *-с, -з, -ж, -й*. Таковы эти направления:

1) **ди → дзи → зи → з → с*
2) **ди → джи → жи → ж → й.*

Выделим последние звенья обоих направлений: *з → с* и *ж → й*. Это форманты датива имени, встречающиеся в диалектах даргинского языка. Формант датива имени *-з* характерен для цудахарского диалекта, формант датива имени *-с* — для хюркилинского и акушинского диалектов, формант датива имени *-ж* — для хайдакского диалекта, формант датива имени *-й* — для арбукского диалекта.

Сложность предложенных Ш. Г Гаприндашвили звуковых трансформаций заметна во многих деталях. Во-первых, искомое заранее известно: не звуковые трансформации формантов датива привели автора к **-ди*, а **-ди* берется в качестве отправной точки. Во-вторых, неизвестно, почему в качестве исходного элемента берется форма **ди*, а не *да* или *ду*. В-третьих, в даргинском языке нет случаев перехода *д* в *дз* и *дж*. В-четвертых, в качестве

---

[1] *Гаприндашвили Ш. Г* К генезису формантов дательного падежа в даргинском языке.— ИКЯ, 1948, т. II, с. 227.

[2] *Гаприндашвили Ш. Г* Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка.— Труды Сталинирского государственного педагогического института, 1956, т. III, с. 352.

промежуточных звеньев между постулируемым исходным элементом *ди и формантами датива -с, -з, -ж, -й Ш. Г Гаприндашвили предлагает звонкие аффрикаты дз и дж, в то время как автор отрицает наличие этих фонем в цудахарском, хайдакском и арбукском диалектах[3]. В-пятых, выведение хюркилинско-акушинского форманта датива -с из цудахарского форманта датива -з и арбукского форманта датива -й из хайдакского форманта датива -ж не укладывается в единые хронологические рамки происхождения этих падежных формантов. Если согласиться с тем, что формант датива -с получен из форманта датива -з, то придется признать, что датив в хюркилинском и акушинском диалектах формировался позже, чем в цудахарском диалекте; если согласиться с тем, что формант датива -й получен из форманта датива -ж, то придется признать, что датив в арбукском диалекте формировался позже, чем в хайдакском диалекте. При всем этом останется неизвестным хронологическое соотношение между цудахарским формантом датива -з и хайдакским формантом датива -ж, с одной стороны, и между хюркилинско-акушинским формантом датива -с и арбукским формантом датива -й, с другой. В-шестых, с одной стороны, для Ш. Г Гаприндашвили полученными из *ди формантами датива являются -з, -с, -ж, -й, с другой — «подлинным формантом дательного падежа» является гласный -и, представленный в постулируемом элементе *ди и бесследно исчезающий в процедуре авторских звуковых трансформаций.

Из всего этого видно, что версия о классном происхождении формантов датива имени в даргинском языке полна неразрешимых противоречий. Она надумана и не может быть подкреплена какими-либо конкретными языковыми фактами, в силу чего должна быть отвергнута. Отвергая версию о классном происхождении формантов датива, очевидно, следует взамен ей выдвинуть иную версию. В этой связи, естественно, возникает вопрос: каково же наиболее вероятное происхождение формантов датива и вообще падежных формантов имени?

По нашему убеждению, падежные форманты имени, в их числе и форманты датива, в плане своего происхождения не имеют никакого отношения к классным показателям, вернее падежные форманты и классные показатели имеют отношение друг к другу лишь как вторичные продукты одного и того же источника: те и другие возникли из дейктонимических (местоименных) корней. Процесс грамматикализации дейктонимических корней, приведший к образованию падежных и классных формантов имени и глагола, характерен не для одного только даргинского языка, но и для других языков, в их числе и для родственных даргинскому дагестанских языков. Дейктонимические корни образовали всю формантную систему языка. Более того, они лежат в основе образования и первичного лексического фонда, куда входят термины

---

3 *Гаприндашвили Ш. Г* Фонетика даргинского языка (по данным диалектов): автореф. дис. д-ра филол. наук, Тбилиси, 1956.

родства, соматические термины, числительные, глаголы и другие первичные речевые единицы, связанные с жизнью и деятельностью человека и окружающей его средой. В дейктонимических корнях заложен источник праформ и празначений языка.

Как известно, форманты датива имени *-с, -з, -ж, -й* характерны для разных диалектов даргинского языка. Своим происхождением они связаны с корневыми согласными указательного местоимения значения сферы дейксиса 1-го лица «этот (у 1-го лица)».

Формант датива имени *-с* характерен для хюркилинского и акушинского диалектов. В этих диалектах указательное местоимение значения сферы дейксиса 1-го лица «этот (у 1-го лица)» имеет формы *гьиш / ъиш*, где корневым согласным является *-ш*. Формант датива *-с* восходит здесь к местоименному корню *-ш*. Это подтверждается материалами других диалектов, где форманты датива четко соответствуют корням указательного местоимения «этот (у 1-го лица)». Например, формант датива *-з* характерен для цудахарского диалекта. В этом диалекте указательное местоимение «этот (у 1-го лица)» имеет форму *ъез*, где корневым согласным является *-з*. Формант датива *-ж* характерен для хайдакского диалекта. В этом диалекте указательное местоимение соответствующего значения имеет форму *гьеж*, где корневым согласным является *-ж*. Формант датива *-й* характерен для арбукского диалекта. В этом диалекте соответствующее указательное местоимение имеет форму *йей*, где корневым согласным является *-й*.

Едва ли случайно такое совпадение формантов датива и корневых согласных указательного местоимения значения «этот (у 1-го лица)». Оно может послужить основанием для предположения: форманты датива имени *-с, -з, -ж, -й* генетически восходят к корневым согласным указательного местоимения значения «этот (у 1-го лица)» *-ш, -з, -ж, -й*.

Может возникнуть вопрос о генетическом соотношении этих местоименных корней; ведь диалектные формы местоимения с этими корнями имеют одно и то же значение. Отвечая на этот вопрос, можно предположить, что исходным корневым согласным среди них является *-ш*. Местоименный корень *-ш-* не принадлежит только одному даргинскому языку, он является общностным.

Таково, по нашему мнению, происхождение формантов датива имени *-с, -з, -ж, -й*. Что же касается формантов датива *-м, -в, -б, -т, -д*, то и они характеризуются местоименным происхождением.

Форманты датива *-м, -в, -б* интерпретируются местоименными корнями дейксиса лица *-м/в*. В даргинском языке местоименный корень дейксиса лица *-м-* представлен его дивергентом *-л:* *ъил* «этот (у 2-го лица)». Но родственные дагестанские языки широко демонстрируют интерпретацию дейксиса лица корнями *-м-* и *-в-*. Ср. соответствующее даргинскому *ъил* указательное местоимение значения «это (у 2-го лица)»: лак. *мӯ*, табас. *му*, цах. *ман*, рут. *ми*, агул. *ме*. В аваро-андо-цезских языках местоименный корень

-м- интерпретирует дейксис лица «ты»: *мун/мен/мин/ме/ми/мо/*. В самурских языках дейксис лица «ты» характеризуется местоименным корнем *-в-*: табас. *ъиву/ъуву*, агул., крыз., кюр. *вун*, рут., хин. *вд/ву*.

По нашему предположению, местоименные корни *-м/л/в-* послужили основой образования формантов датива *-м, -в, -б*. Формант же датива *-т* представляется нам глухим вариантом форманта датива *-д*, а последний восходит к местоименному корню дейксиса лица *-д*: ср. дарг. *ду* «я», авар. *дун* «я» и т. д.

В отношении местоименного корня дейксиса лица *-д-*, давшего в даргинском языке не только формант датива *-д*, но и детерминативный формант основы косвенных падежей *-д-* (арбукский диалект), можно было бы предположить, что он представляет собой дивергент первичного местоименного корня дейксиса лица *-ш-*. Обнаруживающееся закономерное соответствие корневых *ш* и *д* в общностных лексических единицах местоименного происхождения делает такое предположение весьма вероятным (ср. слово «дочь» в андо-цезских языках: в андийских языках это слово имеет корневой *ш*, а в цезских языках — корневой *д*).

Согласные *-ш-* и *-м-* представляются первородными местоименными корнями корреляции единиц акта речи «говорящий ~ слушающий». «Говорящий» — это «я», а «слушающий» — это «ты». Формы «я» и «ты» образуют корреляцию самости (по Э. Бенвенисту, «корреляцию субъективности»). Единицы корреляции самости («я» и «ты») взаимообратимы: в акте речи «я» может превратиться в «ты», а «ты» — в «я». Местоименные корни *-ш-* и *-м-* представляются первичными корнями единиц корреляции самости.

Закон взаимообратимости единиц корреляции самости обусловливает реинтерпретацию и обслуживающих их местоименных корней: корни *-ш-* и *-м-* в разных языках могут использоваться для интерпретации дейксиса разных лиц. В одних языках корень *-ш-* может использоваться для интерпретации дейксиса 1-го лица, в других языках — для интерпретации дейксиса 2-го лица, в третьих языках — для интерпретации не-лица в сфере или вне сферы лица. Для передачи различных дейктических единиц аналогично использование и местоименного корня *-м-*.

В развитии языка первичные местоименные корни дейксиса лица *-ш-* и *-м-* легли в основу образования других местоименных корней. В этой связи представляется корректным предположить, что местоименный корень *-ш-* дал корень *-д-*, а *-д-* в свою очередь дал *-т-* и *-р-*. Представляется корректным также предположить, что местоименный корень *-ш-* является источником образования корней *-с-, -з-, -ж-, -ц-, -ч-, -к-, -кI-, -х-, -хь-, -хI-, -гь-, -г-, -гъ-*. Источником образования местоименных корней *-н-, -л-, -в-* представлятся первичный местоименный корень *-м-*.

Все эти местоименные корни, в первую очередь *-ш-* и *-м-*, послужили источником образования формантной структуры языка, в том числе и падежных формантов имени.

В свете сказанного представляется корректным предположить, что форманты эргатива *-л-, -н-, -д-, -ъ-* также характеризуются местоименным происхождением. Форманты *-л-* и *-н-* восходят к первичному местоименному корню дейксиса лица *-м-:* в даргинском языке дивергентами этого местоименного корня выступают *н-* в личном местоимении 1-го лица *ну* «я» и *-л* в указательном местоимении *ъил* «этот (у 2-го лица)». Формант эргатива *-д-* восходит к местоименному корню дейксиса лица *-ш-:* в даргинском языке дивергентом этого местоименного корня выступает *д-* в личном местоимении 1-го лица *ду* «я». Формант эргатива *-ъ-* восходит к местоименному корню дейксиса лица *-ъ-:* в даргинском языке местоименный корень *ъ-* интерпретирует дейксис лица «ты» (хайд. *ъи*, арб. *ъу*).

В даргинском языке, как и в других дагестанских языках, для передачи различных пространственных отношений используются так называемые местные падежи, или локативы. Формантными согласными локативов являются *-ш-, -з-, -дз-, -ч-, -к-, -с-, -ж-, -г-, -хI-, -й-, -ъ-*. Происхождение всех этих формантных согласных локативов представляется местоименным. Латентный ларингал *-ъ-*, используемый для передачи локативного значения «вниз, внизу», является в этой функции диалектным вариантом формантного *-г-*. По нашему предположению, все перечисленные формантные согласные локативов восходят к первичному местоименному корню дейксиса лица *-ш-*: в даргинском языке корень *-ш-* представлен в указательном местоимении дейксиса не-лица в сфере 1-го лица *ъиш* «этот (у 1-го лица)».

Таким образом, падежные форманты в даргинском языке характеризуются местоименным происхождением. В случае признания адекватности это предположение не может не иметь важного значения для познания истории грамматической структуры не только даргинского языка, но и других родственных языков. Несмотря на то, что в сравнительно-историческом плане предстоит еще уточнить ряд моментов проблемы генезиса падежных формантов, местоименное происхождение последних уже не вызывает у нас никаких сомнений. Представляется в той же степени несомненной и генетическая общность исходных местоименных корней.

Существуют веские основания полагать, что местоименным корням обязаны своим происхождением не только грамматические форманты имени и глагола, но и базисная лексика, т. е. первичные лексические единицы: термины родства, соматические термины, числительные, глаголы, а также различные термины, связанные с жизнью и деятельностью человека. Дейксис лица («я» и «ты») и местоименные корни дейксиса лица — гнездо празначений и праформ языка. Взаимообратимость единиц корреляции самости и обусловленная ею реинтерпретация дейктонимических корней — начала развития языка и в плане фонетическом, и в плане грамматическом, и в плане лексическом.

И. Х. Абдуллаев

ОБ АБЛАУТЕ В СИСТЕМЕ ЛАКСКОГО ИМЕННОГО СКЛОНЕНИЯ

Для большинства имен существительных в лакском языке характерно склонение по принципу двух основ. При этом вторая («косвенная», «грамматическая») основа, к которой присоединяются падежные флексии, образуется при посредстве специальных аффиксов косвенной основы (или «вставок», «вставочных элементов», «суффиксов распространения»): *бакI* «голова» — *бакI-ра-л, арс* «сын» — *арс-на-л, душ* «девушка» — *душ-ни-л* и др. К этим вставочным элементам примыкают и соединительные гласные — инкременты, но их функция не столько морфологическая, сколько фонетическая — с их помощью преодолеваются нехарактерные для языка скопления согласных (*ниц* «бык» — *ниц-а-л* и др.).

В качестве одного из средств образования косвенных основ в лакском языке используется и чередование корневых гласных, которое носит морфонологический характер и имеет функциональную нагрузку (аблаут): *барцI* «волк» — *бурцI-и-л* (род. п.) и др. При аблаутном чередовании «вставочный элемент», как правило, отсутствует и эти средства образования косвенной основы являются альтернативными: либо аблаут, либо аффиксы косвенной основы, хотя в ряде случаев использованы оба средства: *бярч* «теленок»— *бюрчу-ли-л* и др.

Хотя это явление было уже отмечено в литературе (П. К. Услар, Л. И. Жирков, Г Б. Муркелинский), его функциональный характер был признан Л. И. Жирковым: «Формы им. и род. п. различаются *по внутренней флексии, по чередованию гласных* и согласных»[1] (подчеркнуто нами — *И. А.*). Более подробно этого вопроса коснулся Г Т. Бурчуладзе, который показал морфонологический характер данного чередования и признал его аблаутом, а также привел перечень большинства имен существительных, склоняющихся с такой перегласовкой[2]. Однако следует отметить фонетические, семантико-морфологические особенности имен существительных, склоняющихся с аблаутом, особенности их скло-

[1] *Жирков Л. И.* Лакский язык. М., 1955, с. 31.

[2] *Бурчуладзе Г. Т* Склонение имен в лакском языке.— Автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1970, с. 12—14.

нения во множественном числе, диалектные различия в функционировании аблаута, его место в истории лакского склонения, изменения, происшедшие и происходящие при склонении этих имен, и наиболее характерные тенденции этих изменений.

Аблаут носит общелакский характер, встречается, хотя и не в одинаковой мере, во всех диалектах. Само аблаутное чередование выступает в виде *а—у (аь—оь)*, а чередования *у—а, и—у, и—а* встречаются в единичных случаях.

1) *а—у (аь—оь): баргъ* «солнце» — *бургъил, бярч* «теленок» — *бюрчулил* и др.

2) *у—а: хулӯ* «сено» — *ххалал;*

3) *и—у: симӣ* «шелк» — *сунттул;*

4) *и—а: ши* «просо» — *шал* (вицх. д.).

В трех двусложных словах наблюдается «двойной аблаут» — одновременное чередование обоих гласных основы: *а—у* и *а—∅* (нуль звука): *кIалаш* «уголь» — *кIулщул.*

В синхронном плане указанная альтернация гласных фонологически не обусловлена, хотя Г Б. Муркелинский считает это явление сугубо фонетическим и объясняет лабиализацией согласных или, в одном случае, законом редукции гласного *у* (> *а*)[3]. В историческом плане эта альтернация гласных восходит к фонетически обусловленным чередованиям, связанными, видимо, с ассимиляцией и наличием в корневой морфеме лабиализованных комплексов. Однако, эти первоначально фонологически обусловленные альтернации гласных были грамматизированы и приобрели морфологическую функцию противопоставления прямых и косвенных основ у определенной группы имен существительных, т. е. морфонологизация этих чередований — вторичное явление[4].

К аблаутным можно было отнести и чередование *у—и,* наблюдаемое при склонении некоторых имен существительных с конечным *-у: цIу* «соль» — *цIвил, ссу* «сестра» — *ссил, уссу* «брат» — *уссил, хIухчу* «пастух» — *хIухчил.* Но оно не может быть признано аблаутным, так как это явление не носит общелакский характер (в отличие от чередования *а—у*) и характерно лишь для кумухского диалекта. К тому же, в других диалектах в этих словах косвенная основа образована при посредстве *-й-: цIу-й-л, ссуйл, уссуйл, хIухчуйл.* В кумухском диалекте произошла монофтонгизация дифтонга *-уй-* > *-ӣ-: цIуйл* > *цIвӣл* > *цIвил.* Кроме того, в этих словах конечный *-у* исторически не был корневым (ср. авар. *вац* «брат» — лак. *уссу* < **в-уссу;* авар. *йац,* дарг. *рузи* «сестра» — лак. *ссу* < **руссу*).

Аблаутное чередование происходит у более пятидесяти слов (с учетом данных всех диалектов) Абсолютное большинство этих

---

[3] *Муркелинский Г. Б.* Грамматика лакского языка. Махачкала, 1971, с. 15.

[4] *Бурчуладзе Г Т* Внутренняя флексия гласных основы в лакских именах. В кн.: Тезисы. 37 научная сессия Института языкознания АН ГрузССР Тбилиси, 1981, с. 15—16 *(на груз. яз.).*

имен представляют собою односложные основы закрытого типа, а двусложные основы среди них относительно редки. Все имена с аблаутным чередованием имеют консонантный анлаут. Среди этих основ выявляются следующие фоносиллабические типы:[5]

1) **СГСнС:**

баргъ «солнце» — *бургъил; барз* «луна», «месяц» — *бурзил* (шадн. д., друг. д. *зурул*), *барзру* — *зурдардил; баркI* (уст.) «щит» — *буркIал, баркIру* — *буркIирдал; бархI* «спина» — *бурхIал, бархIру* — *бурхIардил; барцI* «волк» — *бурцIил, барцIру* — *бурцIурдил; бярч* «теленок» — *бюрчу-ли-л, бярчру* — *бюрчурдил; званч* «ледник» — *зунчал* || *занчлил, занчру* — *зунчардил* || *занчурдил; кавс* «дерн» — *кувссал; карчI* «щенок» — *курчIу-ли-л, карчIру* — *курчIурдил; кварчI* «лень» — *курчIил; ккварк* — «край, верх (кругл. предм.)» — *ккурккал, ккваркру* — *ккварккурдил; кьанкь* «запах» — *кьункьал; мархъ* «накат» — *муркъал; мархь* «кнут» — *мурхьал, мархьру* — *мурхьардил; марч* «ветер» — *мурчал; ттаркI* «кость» — *ттурчIал* (< *ттуркIал*), *ттаркIру* — *ттурчIардил; ттархь* «палка» — *ттуршал* (< *ттурхьал*), *ттархьру* — *ттуршардил; ттарцI* «столб» — *ттурцIал, ттарцIру* — *ттурцIардил; хъанкI* (в диал., в лит. *хъанакI*) «шиповник» — *хъункIул; хъарч* (в вицх. д., в лит. *ххялцу*) «паук» — *хъурчу-ли-л.*

2) **СГС (СГСн):**

квацI «пучок» — *куцIал, квацIру* — *кацIурдил* || *куцIардил; къав* «сноп» — *къувал, къаврду* — *къаврдал; къваз* «гусь» — *къузу-ли-л, къвазру* — *къузурдил* || *къазурдил; къвар* «вымя» — *къурал, къварду* — *къвардал; къвар* «охапка сена» — *къурал, къварду* — *къвардал* || *къурардил; къяс* «комок» — *къюссул; къясру* — *къясурдил; кьав* «булава»; «палица» — *кьувал; кьаврду* — *кьавр-дал; лах* «пыль» — *луххал; мак* «лучина» — *муккул* (арак. д.); *макь* «слеза» — *мукьал; мах* «железо» — *мухxал, махру* («кандалы») — *мухxардил; махъ* «слово» — *мукъул, махъру* — *мукъурттил; мачI* «бязь»; «заплата» — *мучIал, мачIру* — *мучIал* || *мачIурдил; мяр* «гвоздь» — *мюрал, мярду* — *мярдал* || *мюрардил; нахьв* «мякина» — *нухьхьал; ссаб* «небо» — *ссу-ру-л* (балх. д., друг. д. *ссав-ни-л*); *хъацI* «кузнечик» — *хъуцIу-ли-л, хъацIру* — *хъацIурдил* || *хъуцIурдил; ццац* «колючка» — *ццуццул.*

3) **СГ:**

кIва «сажа» — *кIу-ра-л* (балх., вицх. д.); *ппа* «шило» — *ппурдул, ппарду* — *ппардал; ххва* «строка» — *хху-тта-л, ххару* — *ххуттардил; хьхьва* «веревка» — *хьхьу-тта-л, хьхьвару* — *хьхьуттардил; цIу* «огонь» — *цIа-ра-л; чу* «лошадь» — *чвал, дучри* — *дучрал; ши* «просо» — *шал* (в вицх. д., в друг. д. *ши-лу-л*); *ща* «линия» — *щу-тта-л, щару* — *шуттардил.*

---

[5] Слова приводятся с т. н. основными падежными формами: род. п. ед. ч., им. п. мн. ч., род. п. мн. ч. При этом отсутствие форм множественного числа указывает на неупотребительность (отсутствие) таких форм от этих слов.

4) **СГСнГ:**

кIама «горсть» — *кIунттил* (<*кIум-тти-л), *кIамри* — *кIамрал;* *-*ппара* «время», «промежуток времени» — *(ца) ппур-тту-в* «(в одно) время»; *сими* «шелк» — *сун-тту-л* (< *сум-тту-л); ххара* «стебель (толстой травы)» — *ххур-тту-л, ххулу* «сено» — *ххалал; чIири* «борода» — *чIур-ттара-л, чIиртту* — *чIурттал* (вицх. д.); *щири* (в диал.) «сухие стебли для костра» — *щур-тту-л* (в лит. яз. в сочетании *шурттул лах* «зола сухих стеблей»).

5) **СГСнГС;**

кIалаш «уголь» — *кIулщул; хъанакI* «шиповник» — *хъункIул* (ср. *хъункIул тIутIи* «роза», букв. «цветок шиповника»; в соврем. яз. *хъанакIул*); *хъарас* «соха» — *хъурссул, хъарасру* — *хъарасирттал.*

В количественном отношении приведенные основы распределены следующим образом: СГСнС — 20, СГС — 19, СГ — 8, СГСнГ — 7 основ, СГСнГС — 3 основы. Абсолютное большинство составляют односложные основы закрытого типа **СГСнС** и **СГС** (около 40 основ). Кроме того, в большинстве случаев (в 45 основах) имеет место чередование *а—у;* другие же чередования единичны: *у—а* (3 основы), *и—у* (2 основы), *и—а* (1 основа). «Двойной аблаут» отмечен в 3 основах. При склонении около 20 имен используется аблаут и аффикс косвенной основы одновременно; основным средством образования косвенных основ является аблаут, а аффиксы распространения служат сопутствующим, дополнительным и, можно сказать, морфологически избыточным средством.

Для имен, склоняющихся с аблаутным чередованием, присущи и некоторые семантико-морфологические особенности.

Все эти имена существительные являются непроизводными, названиями предметов и явлений, именами III и IV грам. классов («классов вещей»); среди них нет имен лиц (имен I и II классов). За единичными исключениями, эти имена относятся к исконным и нередко имеют соотносимые общекорневые лексические единицы в других дагестанских языках и могут быть возведены к прадагестанскому уровню. Заимствованными являются: *къваз* (< тюрк.) «гусь», *сими* (< иран.?) «шелк», *-*ппара* (< иран.) «время» (в сложн. слове *(ца)-ппурттув* «(в одно) время»); ср. также авар. *пара* «миг», лезг. *(и)-бере* «(это) время».

Употребление этих имен во множественном числе также имеет некоторые особенности. Во-первых, для многих из них (их примерно около 20 имен) характерно отсутствие специальных форм множественного числа, точнее — одна и та же форма употребляется в значении обоих чисел. От некоторых из них образование форм множественного числа теоретически допустимо, хотя в языке они не употребительны (ср. такую форму от слова *баргъ (бур-*

гъил) «солнце» — *баргъ-ру* (*баргъурдил*), которая приводится в «Лакско-русском словаре»[6].

Если же имеется специальная форма множественного числа, то она образуется обычно по следующей схеме: исходной для формы им. п. мн. ч. служит прямая основа в ед. ч., а исходной для косвенной основы мн. ч. служит косвенная основа ед. ч.[7] Ср.: *ттаркI* «кость» *ттурчIал; ттаркI-ру* (им. п. мн. ч.) — *ттурчIардил* и др. В ряде же имен, имеющих в ед. ч. аблаутное чередование, в косвенной основе мн. ч. оно отсутствует или же употребляются параллельные формы — с аблаутом и без него: *мяр* «гвоздь» — *мюрал, мярду — мярдал (мюрардил); ккварк* «край, верх (ч.-л.)» — *ккурккал, ккаркру — ккарккурдил; ппа* «шило» — *ппурдул, ппарду — ппардал; къав* «сноп» — *къувал, къаврду —къаврдал; кьав* «палица» — *кьувал, кьаврду — кьаврдал; квацI* «букет» — *куцIал, кацIру — кацIурдил* (в диал. *куцIардил*); *къвар* «охапка» — *къурал, къварду — къвардал (къурардил); кIама* «горсть» — *кIунттил, кIамарду — кIамардал* (вицх. д.); *хъарас* «соха» — *хъурссул, хъарасру — хъарасирттал; занч* «ледник» — *зунчал (занчлил), занчру — занчурдил (зунчардил)*.

Аблаут в истории лакского склонения — архаичное явление. Эти чередования отражены и в лакских письменных памятниках, относящихся к XVI—XVIII вв. В лакском переводе (XVI—XVII в.) арабской поэмы «Касыда о плаще (пророка)» встречаются формы с аблаутом: *ццуццуйату* (исходн. п. от *ццац* «колючка»), *бурхIардил* (род. п. мн. ч. от *бархI* «спина») и др.[8]

Само это явление находит параллели и в других дагестанских языках, в частности, в аварском, в котором наиболее яркой особенностью т. н. «архаического» типа склонения является то, что большинство имен при этом изменяется с внутренней флексией, т. е. с аблаутным чередованием.

Исторически в лакском языке выделялось два типа склонения: *атрибутивное* (тип склонения указательного местоимения) — с аффиксами косвенной основы *-на-* (для I гр. кл.) и *-ни-* (для II—IV гр. кл.), которые образовывали косвенную основу (resp. эргативный падеж) сообразно с отнесенностью имен к тому или иному классу; *субстантивное* — с аффиксом косвенной основы *-дГ-/-рГ-* или же с аблаутом (для имен III и IV гр. кл., т. е. не-лиц). Сами же эти аффиксы косвенной основы (resp. эргативного падежа), вероятно, по происхождению увязываются с местоименными частицами, ср. аналогичную связь показателей эргатива в ряде иберийско-кавказских языков: грузинском, аварском и др. Одной из особенностей субстантивного склонения, которое некоторыми своими чертами сближается с аварским «архаическим» склонением, было аблаутное чередование. Наряду с аффик-

---

6 *Хайдаков С. М.* Лакско-русский словарь. М., 1962, с. 53.

7 *Бурчуладзе Г Т* Склонение имен ..., с. 12.

8 Об этой рукописи см.: *Саидов М.-С.* Из истории возникновения письменности у народов Дагестана. — В кн.: Языки Дагестана, в. III. Махачкала, 1976, с. 130—131.

сами косвенной основы, которые являются алломорфами и возводятся к *-ӀГ-/-рГ-* (resp. показатель эргатива), косвенная основа у части имен III и IV грам. кл. (имен не-лиц) образовывалась при посредстве аблаута.

Общий ход развития лакского языка и его склонения свидетельствует о разрушении системы аблаутных чередований, в языке шел (и идет) процесс сокращения слов, склонявшихся в прошлом с аблаутом. Процессы разрушения системы аблаутных чередований проявляются по-разному.

Одним из признаков ее разрушения следует считать появление в косвенной основе, одновременно при наличии у нее внутренней флексии, и «вставок» — аффиксов косвенной основы. Их появление идет, вероятно, по аналогии со склонением большинства лакских имен существительных. Спорадически оно наблюдается и сейчас: *барцӀ* «волк» — *бурцӀил,* но нередко в разговорной речи *бурцӀу-ли-л.* По всей вероятности, одновременное использование аблаута и «вставок» — инновативное, вторичное явление, объясняемое аналогией и тенденцией языка к унификации способов образования косвенных основ, к парадигматическому выравнению основ.

О разрушении системы аблаута свидетельствуют и случаи образования косвенных основ мн. ч. без перегласовки (при ее наличии в ед. ч.) или же параллельное употребление косвенной основы с аблаутом и без него: *хъарасру* «сохи» — *хъарасирттал: занчру* «ледники» — *занчурдил* || *зунчардил.* При этом следует заметить, что в разговорной речи более употребительными становятся формы без аблаута. Возможно, процесс исчезновения аблаута начался в формах множественного числа, в которых были и аффиксы косвенной основы (наряду с чередованием корневого гласного). В связи же с тем, что эти средства образования косвенной основы были альтернативными, то чередование гласных становилось излишним и постепенно оно исчезало, происходило парадигматическое выравнение в формах множественного числа, которое впоследствии влияло и на формы единственного числа.

В современном языке тенденция к унификации основ довольно заметно проявляется в единственном числе, в котором в основном, кстати, и действует сам аблаут. Процесс этот является действующим, причем им охвачен как литературный язык, так и диалекты. При этом косвенные основы начинают уже образовываться при посредстве аффиксов косвенной основы и без внутренней флексии. Такие случаи отмечаются не только в разговорной речи, но и в литературе на лакском языке — как в оригинальной (К. Закуев, М. Чаринов и др.), так и в переводной, например: *хъарасрал* (вм. *хъурссул*), *ххулурал (ххалал), кӀалашул (кӀулшул), къалул*||*къарданул (къурал), къазрал (къузулил), хъацӀурдил (хъуцӀурдил), кавслил (кувссал), занчлил (зунчал)* и др. Кстати, эта тенденция прослеживается уже в старописьменных памятниках. В упомянутом выше памятнике XVI—XVII вв. отмечено *ссабнил* (род. от *ссав* «небо») вместо *ссурул.*

Тенденции, связанные с выравнением основ, и к единообразию способов образования косвенных основ, наиболее рельефно проявляются в разговорной речи, в диалектах и на маргинальных (периферийных) участках лакского языка.

В шаднинском диалекте, носители которого издавна живут в даргинском окружении, в отрыве от основного лакского языкового ареала, во многих словах перегласовка уже не происходит: *ццаццул, ттархьурил, къавлил, хъарасрал, ккарклил || ккурккал, барзлил || бурзил.* Но в ряде слов аблаут сохранен: *марч — мурчал, мах — мухкал* и др.

В балхарском диалекте также произошло парадигматическое выравнение у ряда имен — они склоняются уже без перегласовки: *мархълил, кварчIлил* (вм. *курчIил*), *къвазлил, къяслил, къвардалил* (вм. *къурал*), *кIлащул, хъацIлил.* В ряде случаев употребительны параллельные формы — с аблаутом и без него: *ссаб — ссабнил (ссурул), хъарс — хърасрал (хъурссул), чIри — чIирттарал (чIурттул), квацI — квацIлил (куцIал), мак — маклил (муккул), ццац — ццацлил (ццуццул).*

Отметим, что в некоторых словах аблаутное чередование сохранилось в диалектах: *кIма* «горсть» — балх. *кIунттул* (лит. *кIамлул*), *кIва* «сажа» — балх., вицх. *кIурал* (лит. *кIвалул*), *мак* «лучина» — арак. *муккул* (лит. *маклил*), *ши* «просо» — вицх. *шал* (лит. *шилул*), *барз* «луна, месяц» — шадн. *бурзил || барзлил* (лит. *зурул*).

Сфера функционирования аблаута в лакском языке с течением времени суживалась (и суживается) и во многих словах, в которых сейчас нет аблаутного чередования, оно в прошлом имело место. К примеру, почти все слова типа **СГСнГ** и **СГСнГС**, которые склонялись с аблаутом, в современном литературном языке (и в кумух. д.) склоняются без перегласовки, т. е. процесс парадигматического выравнения у этих основ в целом уже завершился.

О существовании в прошлом в целом ряде слов аблаутных чередований и о последующем их исчезновении свидетельствуют данные диалектов, старописьменных памятников, случаи обособления прямой и косвенной основ, а также ряд сложных слов и словосочетаний, в составе которых некоторые слова сохранили косвенные основы с аблаутным чередованием, хотя в современном языке эти же слова склоняются уже без перегласовки:

ссав «небо» — *ссавнил (*ссурул);* но ср.: *ссурул ккуртта* «радуга», букв. «небесная дуга», *ссуру-лу* «под небом», «в поднебесье»; ср. и в балх. д. *ссаб — ссурул || ссабнил.* Приведенный материал позволяет усомниться в существовании в прошлом в лакском языке слова **ссуру* (уст.) «небо»[9] В данном случае, видимо, «восстановлена» прямая основа *ссуру,* исходя из формы *ссуру-л (ссуру-лу, ссуру-л-ла̄-ву).* Но косвенная основа *ссуру-* восходит не к прямой **ссуру,* которой не было, а образована от *ссав* при посредстве аб-

---

[9] *Хайдаков С. М.* Указ. соч., с. 247.

лаута *а—у*, «вставки» *-ра-* и с утерей конечного *-в* (ср. и *гьав* «могила» — *гьа-тта-л*); ср. такую же утерю в этих же словах в авар. *зоб* «небо» — *зо-ди-л*, чамал. *гьоб* «могила» —*гьо-ду-* (в местн. п.). В балх. д. — *ссурул* вполне закономерная и естественная форма от *ссаб* «небо»;

мак «лучина — *маклил (мукул)*, форма *муккул* встречается в арак. д., а также в письменном памятнике XVIII в. — лечебнике «Ханнал мурад» («Желание хана»); ср. и устойчивое сочетание *муккул чирахъ* «светильник из лучины»;

хъанакI «шиповник» — *хъанакIул (*хъункIул)*; ср. *хъункIул тIутIи* «роза», букв. «цветок шиповника»;

сими «шелк» — *симирал (сунттул)*, ср. *сунттул* «шелковый»;

ххара «стебель» — *ххарарал (*ххурттул)*, ср. вицх., балх. *ххурттул;* эта форма встречается и в поэзии XIX в. в кумух. д.;

ши «просо» — *шилул (шал)*, ср. вицх. *шал;*

(щял) махъ «ложь» — *(щял) махърал* || *(щял) мукъул*. Это сросшееся сложное слово состоит из прилагат. *щял(у)-* «ложный» и существ. *махъ* «слово». При отдельном употреблении слово *махъ* сохраняет аблаут: *махъ* — *мукъул*, а в сросшейся основе теряет перегласовку, хотя изредка можно услышать и *щялмукъул;*

ххулӯ «сено» — *ххулӯрал* || *ххалал;* в производных словах *ххала-зан* «сенокос», *ххала-бакIу* «стог сена» аблаут сохраняется;

хъарас «соха» — *хъарасрал* || *хъурссул*, в сложном слове *хъурссул дакIи* (в шадн. д. *хъурссуй бикIу*, букв. «пребывающая на сохе») «синица» аблаут сохранен;

кIама «горсть» — *кIамлул (*кIунттил)*, ср. балх. *кIунттул*, ср. также *кIунттихь* «в руках», *кIунттил бугьан* «держать в руке».

Слово *щири* в кумух. д. отсутствует, но косвенная основа (с аблаутом) сохранилась в сложном слове *шурттул лах* «зола стеблей».

В кумух. д. выявлен случай, когда косвенная основа с аблаутом стала прямой: *кIва* «сажа» — *кIуврал* > *кIув* «сажа» (вм. *кIва*). В большинстве диалектов слово *кIва* имеет косвенную основу *кIуврал* (с перегласовкой и «вставкой») и в них нет слова *кIув*. В кумух. д. слово *кIва* сохранилось в сложных словах: *кIва дакьин* «покрыться сажей», *лах-кIва* «грязь на стене» (букв. «пыль-сажа»). Форма *кIуврал* в кумух. д. стала восприниматься как косвенная с «вставкой» *-ра-* от «прямой» **кIув: кIув-ра-л*, т. е. *кIув* вытеснило основу *кIва*.

Р. И. Гайдаров

О НЕКОТОРЫХ ИСТОРИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛЕЗГИНСКИХ ДИАЛЕКТОВ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ

В современном лезгинском языке склонение имен представляет довольно сложную картину. Помимо того, что в нем наличествуют восемнадцать падежей, каждый из которых имеет по нсколько значений и функций, указанная сложность создается следующими тремя обстоятельствами.

Различиями между изменением по падежам в системах имен существительного, прилагательного, числительного, местоимения, а также склоняемых форм глагола — масдара и причастия.

Наличием в системе склонения имени существительного нескольких типов склонения, обусловленных, с одной стороны, фонетической структурой слова, а с другой — семантико-функциональными критериями.

Говоры и диалекты лезгинского языка обнаруживают большие различия, которые относятся не только к оформлению отдельных падежей, их флексиям, но также и к таким существвенным сторонам склонения, как количество падежей, отнесение слов к тому или иному типу склонения и некоторые др.

В данном кратком сообщении речь пойдет о таких диалектных особенностях лезгинского языка, которые, на наш взгляд, имеют отношение к истории лезгинского склонения, позволяют понимать происхождение или же то состояние отдельных фактов и явлений, которое предшествовало тому, что имеется в настоящее время.

В лезгинском языке в зависимости от совпадения и несовпадения форм эргатива и локатива, как известно, различаются два типа склонения: *первый,* когда названные падежи различаются, и *второй,* когда эргатив и локатив имеют единую, материально совпадающую форму. Проф. Л. И. Жирков назвал второй тип архаичным [1], утверждая тем самым и то, что неразличение форм падежей, о которых идет речь, предшествует их различению.

К настоящему времени лезгинской диалектологией накоплено немало дополнительных фактов, подтверждающих только что изложенную мысль.

---

[1] *Жирков Л И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, с. 26.

Так, в говорах курахского диалекта зафиксировано совпадение форм эргатива и локатива при склонении субстантивирующихся частей речи не только в единственном, но и во множественном числе (*чIехибур* «большие; старшие», *анбур* «те», *хуьруьнбур* «сельчане» в эргативе и локативе имеют единые формы: *чIехибра, анбра, хуьруьнбра*. Ср.: лит. формы: *чIехибуру* — эргатив и *чIехибура* — локатив; *абуру* — эргатив и *абура* — локатив; *хуьруьнбуру* — эргатив и *хуьруьнбура* — локатив)

Определенный интерес для прослеживания истории расхождения эргатива и локатива имеют склонение в ахтынском[2] и кубинском[3] диалектах вопросительного местоимения *вуж?* «кто?» по второму типу, тогда как в литературном языке оно изменяется по первому типу. Ср.:

	лит. яз.	ахтынск. диал.	кубинск. диал.
Именит.	*вуж?*	*вуж?*	*вуж?*
Эргатив	*ни?*	*не?*	*на?*
Локатив	*не?*	*не?*	*на?*

Характерно отметить, что в данном случае, помимо самого факта совпадения форм двух падежей, не меньший интерес представляет также и характер соответствия гласных, выступающих формантами эргатива (*-а, -е, -и*), в котором нетрудно заметить тенденцию к сужению (*а → е → и*) или же наоборот, к расширению (*и → е → а*).

Любопытную картину в интересующем нас плане представляет фийский диалект, в котором в отличие от всех других единиц лезгинского языка обнаруживается целый ряд специфических особенностей.

В фийском диалекте образовавшаяся подобно именам существительным посредством форманта *-ар* основа множ. числа субстантивирующихся частей речи, как это ни странно, в косвенных падежах становится общей для обоих чисел[4]. В связи с этим материальное различие между единств. и множ. числами сводится только к конечному гласному элементу (*-а* — един. ч.; *-у* — множ. ч.) Однако дело здесь не только в этом, хотя, конечно, отмеченный факт весьма ценен для истории языка. В фийском диалекте склонение имен прилагательных, причастий и др. сохранило и то, что совпадение эргатива и локатива может осуществляться не только в широком гласном (*а, е*), но и в узком гласном (*у*). Так, *рахазевидару* является общей формой множ. числа для эргатива и локатива от причастия *рахазевидар* «говорящие». Данная осо-

---

[2] *Гайдаров Р И* Ахтынский диалект лезгинского языка (по данным села Ахты) Махачкала, 1961, с. 74—75.

[3] *Гайдаров Р И* Лезги чIалан диалектология. Махачкала, 1963, с. 100.

[4] *Абдулжамалов И А.* Фийский диалект лезгинского языка. Махачкала, 1965, с. 10—12.

бенность фийского диалекта находит себе частичную аналогию в яркинском диалекте лезгинского языка. Однако совпадение форм эргатива и локатива в последнем в настоящее время встречается только в единственном числе (*райподи* — эргатив; *райподи* — локатив), во множественном же числе яркинцы различают эргатив и локатив (*салару* — эргатив, *салара* — локатив), а могут и не различать эти падежи (*салару* — эргатив, *салару* — локатив)[5].

Следует отметить еще одну особенность фийского склонения, заключающуюся в том, что в двух сериях местных падежей со значением «над» и «у» субстантивирующиеся части речи имеют полностью совпадающие в единственном и множественном числах формы.

Единств. число: *рахайдарал, рахайдаралагъ, рахайдаралзи;*
Множ. число: *рахайдарал, рахайдаралагъ, рахайдаралзи.*

Представляется небезынтересным для истории становления лезгинского склонения и такой факт. В яркинском диалекте эргатив множ. числа всех склоняющихся слов имеет на исходе гласную *-у* (*тарару* — эргатив множ. ч. от *тар* «дерево», *жибру* — эргатив от местоимения *чун* «мы», *ярубуру* — эргатив множ. ч. от *яру* «красный»)[6].

В гельхенском говоре курахского диалекта зафиксирована форма местного II покоя со значением «над», образованная вместо широкого узким гласным *и* (*кIвал-и-л* — «над домом»; ср. лит. *кIвал-е-л* и *кIвал-а-л*) Последняя встречается в других говорах самого курахского диалекта. Подобные образования встречаются и в фийском диалекте ахтынского наречия (*вири-з-ил;* ср. лит. *вири-д-а-л*).

Отмеченные только что гельхенские и фийские формы местного II падежа покоя позволяют понять, почему в литературном лезгинском языке исходный II падеж вместо ожидаемого *багъ-д-а-л-ай* имеет форму *багъ-д-и-л-ай*[7], т. е. придти к заключению о том, что производная от формы местного II падежа покоя исходный II падеж сохранил более древнее состояние. Следовательно, аномалия, или же нарушение системы имеет место в форме современного местного II падежа покоя, который первоначально, как и другие падежи покоя, надо полагать, образовался от единой основы эргатива на *-ди*.

В том же гельхенском говоре курахского диалекта зафиксировано окончание эргатива *-ти*, которому в литературном языке соответствует формант *-ци*. Можно с уверенностью сказать, что здесь мы имеем дело с промежуточным вариантом аффикса *-ди*, который лишь впоследствии материализовался в *-ци*, т. е. *-ди* перешло сперва в *-ти*, а потом *-ти*, в свою очередь, — в *-ци*. На фонети

---

[5] *Услар П. К.* Этнография Кавказа.—Языкознание, VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896, с. 22—23.

[6] Там же, с. 22—23.

[7] *Гайдаров Р. И., Алипулатов М. А.* Лезги чIал: Учебник для педучилища, 1965, с. 73—75.

ческом уровне подобный переход в лезгинском языке вполне возможен (ср. *яд* «вода», мн. ч. — *ятар*, эргатив — *йицци*). И еще: диалектные варианты местоименного прилагательного *мукуь* «другой» также обусловлены переходом *т* в *ц*: *мату* (мацинский говор), *мацу* — говоры курахского диалекта.

Магомед Магомедович Гаджиев в говорах кубинского диалекта зафиксировал падежную форму на *-зди*, соответствующую по значению дательному направительному (*Вуна зазди са тукомент ча, заз Бакудиз физ кан я*)[8] Данная форма как раз восполняет ущербность лезгинских направительных падежей: их, как известно, четыре, тогда как соответствующих местных покоя и сближения пять. Однако главное здесь в том, что данный факт свидетельствует о первичном локальном значении дательного падежа, который в последствии вместе с тем стал выражать и общеграмматические значения. Утрата же языком одного из направительных падежей вполне объяснима. В настоящее время в устной, а в ряде случаев и в письменной речи лезгин, функции направительных падежей выполняют соответствующие местные покоя (*чукIулдал атIана* «отрезал ножом» вместо *чукIулдалди атIана; азардик кьена* «умер от болезни» вместо *азардикди* и др.) Видимо, ввиду сравнительно высокой степени употребления дательного падежа он раньше других падежей стал совмещать функции направительного на *-зди* и тем самым способствовал утрате последнего как самостоятельного падежа.

Однако это не единственная из возможных причин утраты направительного падежа серии со значением «во внутрь». Здесь более существенную роль могло сыграть и другое обстоятельство, а именно, общая тенденция к сокращению количества падежей, охватившая под влиянием соседнего азербайджанского языка кубинские говоры лезгин раньше и глубже других диалектов. В подтверждение этой мысли можно указать на то, что в кубинском диалекте лезгинского языка вместо местных IV и V падежей покоя функционирует только один — местный V покоя на *-к*. Следовательно, в нем утрачены также и соответствующие исходный IV и направительный III падежи на *-хъ*, для которых местный IV покоя является как бы мотивирующей основой.

Кроме того, как отмечено в специальной литературе, в кубинском наречии в целом упростилась и по существу перестала функционировать тесно связанная со склонением имен система глагольных превербов[9].

В кубинском диалекте отмечено также факультативное употребление форм исходных падежей с прибавлением элемента *-ди* (*экъецIна дарсинагъди...* «выходя с урока») в тех случаях, когда данный падеж выражает сугубо пространственное, уточняющее

---

[8] *Гаджиев М. М.* Кубинский диалект лезгинского языка. Рукоп. фонд Института ИЯЛ, д. № 2171

[9] *Гаджиев М. М.* О некоторых особенностях аныхского говора лезгинского языка.— Уч. зап. Института ИЯЛ, т. II, 1957, с. 221—222.

направление действия значение и когда говорящий хочет подчеркнуть именно эту сторону действия. Ср.: *дарсинагъ зу кьил акъатниш* «урока я не понял», букв. «из урока моя голова не вышла»; здесь нет надобности подчеркивания именно направления действия, и падежная форма употреблена без форманта *-ди*.

Пока еще трудно сказать, что это за форма: пережиточно сохранившийся осколок былой цельной группы падежей, обозначающих направление «откуда?»; или же это не получивший свое дальнейшее развитие в языке зачаточный факт, который как по своему материальному оформлению, так и по своей семантике вполне мог бы развиваться в особую грамматическую категорию.

В говорах ахтынского и курахского диалектов отсутствует ряд альтернаций, который сопровождает склонение имен в литературном языке. Не представлены в названных говорах и некоторые варианты эргативного падежа первого склонения, обусловленные законами созвучия падежных флексий и основ склоняемых слов. В этом факте следует видеть не утрату в говорах того, что в них раньше имело место, а, наоборот, их наличие в литературном языке связано с появлением и развитием в лезгинском языке новых закономерностей комбинаторики и сингармонизма, которых этот язык раньше не знал.

Специфических явлений и фактов, проливающих свет на ряд затемненных историей особенностей лезгинского склонения, диалекты и говоры лезгинского языка, без сомнения, сохраняют еще; их выявление и использование — одна из неотложных задач исторической грамматики лезгинского языка.

Отмеченные в данном сообщении особенности диалектов позволяют лишь в общих чертах отметить, что система лезгинского склонения в прошлом была значительно проще, чем она выглядит сейчас. При этом различий было меньше не только между склонением отдельных слов, их групп и разрядов, но также и между склонениями в единственном и множественном числах.

А. Г Гюльмагомедов

О ПРЕДСКАЗУЕМОСТИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Целью данного сообщения является изложение наших предварительных наблюдений над словосочетаниями дагестанских языков с точки зрения обусловленности, предсказуемости падежных форм одного из компонентов словосочетания другим компонентом. Тема эта весьма обширна и обусловлена особенностями уровневой организации каждого конкретного языка. Предсказываться могут не только полнозначные слова языка, но и отдельные формальные аффиксы и служебные единицы.

Тема актуальна как в теоретическом, так и в практическом (обучение языку) планах.

Возникает необходимость в некоторых предварительных оговорках о том, что понимается нами под термином словосочетание. Известно, что с шестидесятых годов исследование синтаксиса дагестанских языков ведется в русле концепции акад. В. В. Виноградова, т. е. объектом синтаксиса считаются словосочетания и предложения [1]. К настоящему времени имеются монографические исследования по синтаксису предложений аварского, даргинского, лезгинского, табасаранского языков. Исследование словосочетаний дагестанских языков началось в шестидесятых годах. Можно назвать монографические работы по синтаксису словосочетаний аварского, табасаранского языков и отдельные статьи, посвященные различным теоретическим аспектам исследования синтаксиса словосочетаний лезгинского, даргинского языков [2]. Словосочетания нами рассматриваются как сочетание двух слов, соединенных между собою различными типами связи и воспроизводящих отдельные отрезки окружающей действительности в своих взаимосвязях и взаимоотношениях.

---

[1] Грамматика русского языка. Том II: Синтаксис, часть первая. М., 1960.

[2] Несколько категоричным и не совсем адекватным представляется утверждение, «...будто в других языках, особенно в языках иберийско-кавказской группы, остается невыясненной не только сущность, природа словосочетания, но и отсутствуют какие-либо предварительные изыскания в этой области». «Ни одна из существующих грамматик лезгинского языка, а также ни одна из теоретических работ по другим дагестанским языкам не затрагивают проблемы словосочета-

Определение не ново, но, рассматривая материал других дагестанских языков под углом зрения его, мы вынуждены:

а) не считать словосочетаниями единицы типа *кибго гIумру* «везде жизнь», *кибго рекъал* «везде мир», *тIубан булка* «полностью булка», *доба рокьи* «там любовь», *гьаниб рии* «здесь лето», *рокъоб хIалтIи* «дома занятие», *цебесан рахай* «спереди замок», приводимые С. К. Сулеймановой как словосочетания[3]: в них не выражены языковыми средствами взаимосвязи и взаимоотношения предметов окружающей действительности. С этой точки зрения не будут словосочетаниями и такие единицы, как *хулаз кагъаз* «письмо домой», *бабакан ихтилат* «рассказ о матери» и др., называемые Б. Г-К. Ханмагомедовым именными словосочетаниями с зависимым словом в дательном и местном падежах[4]; в подобных, скажем, сочетаниях слов не хватает, как признается сам Б. Г-К. Ханмагомедов, глаголов-связок, интегрирующих смысл;

б) определить вслед за А. М. Пешковским[5], В. М. Жирмунским[6] словосочетания не только как сочетания двух полнозначных слов, но и полнозначного слова с послелогом. В пользу такого понимания состава словосочетания можно привести и дополнительные аргументы, которые не приводились в специальной литературе: во-первых, послелоги в дагестанских языках в семантическом отношении «полнозначнее» предлогов русского языка; во вторых, сочетания послелогов с полнозначными именами выражают такие же отрезки действительности, что и сочетания полнозначных слов. Так, например, в сочетаниях *кIвалин къав* (дома крыша) «крыша дома» лезгинского языка, *урхьнали лутIи* (моря дно) «дно моря» даргинского языка, *маргълин кIакI* (палки конец) «конец палки» исследователи отмечают отношение части к целому.

Когда мы говорим *кIвалин патав* (дома у стороны) «около дома», *маргълин кьилел* (палки на голове) «на конце палки», определяемые исследователями как послелоги *патав, кьилел* также называют, указывают части целого *кIвалин, маргълин*.

Если включить и подобные соединения слов в словосочетания, то анализированный нами весьма ограниченный материал иллюстрирует следующие типы предсказуемости компонентов именных словосочетаний.

В именных словосочетаниях, где главным членом выступает имя существительное в номинативном падеже с зависимым словом в родительном падеже, форма родительного падежа предсказывает форму номинативного падежа. Другими словами: если в

ния». *Магомедов Г. И.* Словосочетание как объект синтаксиса в языках разных систем.— В кн.: Вопросы русского и дагестанского языкознания. Махачкала, 1980, с. 119—120.

[3] *Сулейманова С. К.* Именные словосочетания в аварском языке. Махачкала, 1980.

[4] *Ханмагомедов.* Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, с. 16.

[5] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М., 1958, с. 62—63.

[6] *Жирмунский В. М.* Общее и германское языкознание. Л., 1976, с. 87.

тексте мы имеем существительные в форме родительного падежа, то обязательно должно быть существительное в номинативном падеже:

стхадин дуст «друг брата»
кIвалин цал «стена комнаты»
ктабдин чар «лист книги».

В тех языках, где действуют классные показатели, наблюдается одна интересная картина: если в именных словосочетаниях цахурского языка форма родительного падежа имеет окончание *-на (-уна, -ана, -ина, -ена, -ына)*, то они предсказывают и классную принадлежность, другими словами, семантическую группу определяемого слова; т. е. в таких случаях определяемое слово должно относиться или к I, или ко II, или III классу:

гьаммазна дих (товарища сын) «сын товарища», где *дих* относится к I кл.;

досттуна ичӣ (друга сестра) «сестра друга», где *ичи* относится ко II кл.;

балканна ваз (лошади подкова) «подкова лошади», где *ваз* относится к III кл.[7]

Наибольшую жесткость, правильнее было бы сказать точность, предсказуемости проявляет родительный падеж имен IV класса с окончанием *-ын (-ан, -ин, -ен, -ун)*. Если же у имени в родительном падеже наличествует окончание на *-н* с препозитивным гласным, то предсказуемое слово будет относиться к IV классу:

йиван акка (железа дверь) «железная дверь»;

къизлен саIгIаIт (золота часы) «золотые часы».

В этих словосочетаниях окончания на *-н (-ан, -ен)* существительных в родительном падеже предсказывают не только форму номинативного падежа определяемого слова, но и класс обозначаемого существительного.

В корпусе именных словосочетаний любого языка с зависимым словом — именем прилагательным прилагательное предсказывает форму именительного падежа существительного.

Лезг. яз.:

кьакьан гада, руш, тар, дагъ «высокий, -ая, -ое, мальчик, девушка, дерево, гора»;

лацу перем, цуьк, чар, булут «белый, -ая, -ое сорочка, цветок, бумага, облако».

Если же в языке существует и классная связь между компонентами, то зависимое слово подсказывает и семантическую группу имен существительных. Например, в аварском языке:

---

[7] Материал цахурского, табасаранского, аварского языков, который цитируется в сообщении, взят из работ; *Талибов Б. Б.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей цахурского языка.— В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979, с. 4—23; *Ханмагомедов Б. Г.-К.* Указ. соч.; *Сулейманова С. К.* Указ. соч.

захIмат-аб хъулухъ «трудная работа»;
культури-яв чи «культурный человек».

Среди именных словосочетаний этого раздела наличествует определенное количество словосочетаний, в которых прилагательное предсказывает существительное, с которым оно сочетается.

Лезг. яз.:
секьул кIвалер «одноэтажное здание с цоколем»;
куьрен балкIан «рыжая лошадь».

В именных словосочетаниях с зависимым словом числительным имя существительное предсказывается нумеративным словом.

Лезг. яз.:
цIусад аял «одиннадцать детей»,
вад багъ «пять садов».

В языках с действующими классными показателями предсказывается не только лексико-грамматический разряд главного компонента, но и лексико-семантическая группа, в которую входит оно.

Табас. яз.:
сар уста «один мастер»,
саб кIари «один теленок».

В масдарных словосочетаниях с зависимым родительным субъекта глагольное имя предсказывает именную форму существительного. Например:

авар. яз.:

хIаиваназул гIергIеди «рев животных»;
бацIил чIчIичIиди «вой волков»;
катил мимиди «мяуканье кошки»;
чол хIихIиди «ржание лошади»;

лезг. яз.:

кицIин элукьун «лай собаки».

К этой группе примыкают именные словосочетания, в которых предсказывающим элементом выступают имена существительные — звукоподражательные слова, а предсказывателем — носитель данного признака:

авар. яз.:

харшил шуршури «шорох травы»;
карачелабазул чвал-чвали «плеск волн»;
гIаркьалабазул чIвар-чIвари «треск сучьев»;

лезг. яз.:

жанавурдин къув «вой волка»;
нукIверин чIиричIирив «щебетанье воробьев»;
нацIарин вишриш[8].

Сравнительно большую пеструю и разнообразную картину

[8] Попутно отметим, что фонетика звукоподражательных слов в дагестанских языках может быть темой специального исследования.

предсказывания падежной формы и лексико-семантической группы обнаруживаем в глагольных словосочетаниях.

Такие явления, как изоморфизм глагольно-именных формантов в дагестанских языках, большая субординационная и координационная роль глагольных единиц в речевой цепи, обусловливают разнообразие типов описываемого явления.

Анализированный материал показывает, что исследование словосочетаний должно включать в себя проблему предсказуемости компонентов словосочетаний и требует осмысления через различные параметры: взаимодействия компонентов семантики, грамматические особенности языков, коммуникативной обусловленности.

Г. Х. Ибрагимов

ОБЩНОСТИ В СКЛОНЕНИИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЦАХУРСКОМ, РУТУЛЬСКОМ, КРЫЗСКОМ И БУДУХСКОМ ЯЗЫКАХ

Генетическая общность цахурского, рутульского, крызского и будухского языков, исторически локальной подгруппы юго-западного (в дальнейшей йикийско-албанского) ареала лезгинских языков, систематически прослеживается на всех уровнях. Характерна она и для склонения имен существительных. Исходное состояние этих языков различало образование падежей по прямой и косвенной основам. Синхронно йикийско-албанские языки эту структурную особенность сохраняют без особых изменений. В свою очередь, как общности, так и расхождения в склонении имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках дают основание полагать, что исторически косвенная основа, видимо, функционально совмещала эргатив в начале своего зарождения. Последующие различия в его формальном и функциональном выделении, вероятно, обусловлены развитием собственных формантов и небходимостью более четкой оппозиции в типах склонения. В номинативном же типе склонения при отсутствии собственных маркеров у эргатива формально номинатив и эргатив не различались. Функциональное закрепление за эргативом форманта (или формантов) косвенной основы (для рутульского, крызского и будухского языков *-υр, -р*) и развитие собственных формантов в номинативном типе склонения приводили к множеству форм эргатива.

Общность формантов эргатива в рутульском, крызском и будухском языках *(-р, -υр, -ра, -υра)* свидетельствует о том, что в исходном состоянии эти языки уже различали эргатив. Общим для этих языков оказывается также осложнение форманта эргатива гласным элементом *(-р+а, -υр+а)*. В свою очередь, морфологические особенности эргатива в цахурском языке позволяют с достоверностью полагать, что возникновение эргатива связано с формированием категории разумности (человека) и неразумности (нечеловека). Так, в ед. числе класс человека для образования эргатива использует *-е, -ē* (в диалектах — *-е, -ē, -аь, -а, -ā*),

класс нечеловека — *-н, -ин*. Во мн. числе формантами эргатива выступают гласные *-е, -ё*. Элементы разграничения эргатива в классах разумных (*-а, -аь*) и неразумных *-(р, -ир)* существ засвидетельствованы в рутульском языке; ср.: 1) имена, связанные с личностью: им. *дид* «отец», эрг. *дид-аь;* им. *гаг* «дядя», эрг. *гаг-а;* им. *дух* «сын», эрг. *дух-ар, -ара;* 2) имена, связанные с неличностью: им. *йац* «бык», эрг. *йац-ар, -ара;* им. *хал* «дом», эрг. *хал-ыр, -ыра*. В будухском языке во мн. числе отдельные имена класса личности в эргативе в качестве форманта также имеют гласный *-а*, например, им. *гьеджимбер* «женщины», эрг. *гьеджимбер-а*[1]. Отмеченная структурная особенность важна для выявления плавного перехода отличительных черт эргатива от цахурского к рутульскому, а от рутульского к крызскому и будухскому языкам. В этом же плане несомненный интерес представляют данные гельмецкого диалекта цахурского языка, которые материально и функционально тесно примыкают к рутульскому. Так, в гельмецком диалекте косвенная основа на *-ай* в склонении субстантивов этимологически восходит к основе на *-ар*, которая сохранилась в рутульском языке, ср.: цах. (гел.) им. *дих* «сын», эрг. *дух-айаь* (*ай-аь* < *-ар-аь*) — осложненный формант эргатива; с нейтрализацией первичной формы эргатива в качестве косвенной основы — *дух-ай* — наращенный гласный *-аь* реорганизовался в аффикс эргатива, род. *дух-ай-на (-н), дух-ай-ни*, дат. *дух-ай-з;* рут. (мух.) *дух* «сын», эрг. *дух-ар-а*, род. *дух-ар-ды*, дат. *дух-ар-ыс;* (шиназ.) им. *дух*, эрг. *дух-ар, дух-ара*, род. *дух-ар-ды*, дат. *дух-ар-ыс;* (ихр.) им. *дух*, эрг. *дух-ар-а*, род. *дух-ар-ды (-ыд)*, дат. *дух-ар-ыс;* (борч.-хин.) им. *дих*, эрг. *дух-ар-ыра*, род. *дух-ар-ды (-ыд)*, дат. *дух-ар-ыс*.

В йикийско-албанских языках генитив в оформлении обнаруживает значительные расхождения. По формальным признакам формирование его, видимо, протекало в цахурско-рутульском и крызско-будухском языках изолированно. Более того, формирование генитива в цахурско-рутульском завершено, а в крызско-будухском языках этот процесс остается ущербным (синхронно в крызском языке имеет место формальное совпадение номинатива и неоформленного генитива).

В цахурском и рутульском языках генитив имеет самостоятельное оформление, например, цах. — *-ин, -ун, -на, -уна, -да, -уда, -ни, -ди;* рут. — *-д, -уд, -ду, -уду;* в цахурском *н* вторичен: процесс *д* > *н* имеет широкое функционирование. Суффиксальное классное согласование генитива, связанное с противопоставлением в ед. числе I, II, III классов IV классу, восходит к активной типологии языка (к категории одушевленности и неодушевленности). Тем не менее формирование генитива в цахурско-рутульской языковой

---

[1] Отмеченное явление зафиксировано Р. М. Шаумяном. См.: *Шаумян Р. М.* Яфетические языки «шах-дагской подгруппы». — Язык и мышление, М.; Л., 1940, с. 166.

общности следует отнести к периоду зарождения в языке категорий личности (разумности) и неличности (неразумности).

В крызском и будухском языках оформленный генитив принимает аффиксы *-а, -аь, -у*. В специальной литературе к аффиксам генитива крызского языка, кроме указанных гласных, отнесены элементы *-ирды, -ырды, -ил, -ыр, -джи*. В зависимости от этих элементов, включая также гласные аффиксы, в крызском языке определяются и типы склонений: 1 скл. *-аь*, 2 скл. *-∅*, 3 скл. *-ирды, -ырды, -ил, -ыр*, 4 скл. *-джи*[2]. Отмеченные элементы, кроме *-аь, -∅*, представлены в ед. числе и оформляют косвенную основу в парадигме склонения субстантивов и не являются аффиксами генитива. Элементы *-ирды, -ырды, -ил, -ыр, -джи* следует квалифицировать как детерминанты косвенной основы; находят соответствующие параллели в оформлении косвенной основы в будухском и рутульском языках (следы их прослеживаются и в цахурском). Кстати, в будухском языке элемент *-дж-*, характерный для косвенной основы ряда субстантивов в ед. числе, Ю. Д. Дешериев квалифицирует как наращение и не относит к аффиксам генитива, например, им. *далдам* «барабан», род. *далдам-дж-а;* им. *махар* «грудь», род. *махар-дж-а, махар-а*[3].

Итак, локальный характер генитива в йикийско-албанских языках очевиден. Употребление *-д* в значении форманта как генитива, так и эргатива (особенно в рутульском), с одной стороны, и нейтрализация классной соотнесенности генитива по признаку одушевленности и неодушевленности, с другой стороны, осложняли оппозиции эргатива и генитива. Видимо, это обстоятельство, наряду с другими факторами (позднее формирование генитива, недифференцированность его в активной типологии), привело к появлению различий в оформлении генитива. Тем не менее в цахурском и рутульском языках генитив по сравнению с эргативом имеет больше общностей и, в отличие от крызского языка, процесс формального выделения генитива в диалектах этих языков завершен. Стало быть, процессы формирования генитива, а потом и эргатива активно протекали в цахурско-рутульской и крызско-будухской языковых общностях.

В плане генетической общности датив отражает более отдаленное родство и в йикийско-албанских языках не претерпел особых изменений. Исключение составляет изменение форманта датива *-с* > *-з* в будухском и гельмецком диалекте цахурского языка.

Синхронно наблюдаемые расхождения в общности ряда падежей в йикийско-албанских языках связаны с формированием в них эргативной типологии. Отсутствие аффектива в рутульском, крызском и будухском языках мотивировано совмещением его функций

---

[2] См.: *Саадиев Ш* Склонение имен существительных в крызском языке.— АКД, М., 1953, с. 10—11. *Он же.* Крызский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. IV. — ИКЯ, М., 1967, с. 630.

[3] См.: *Дешериев Ю. Д.* Будухский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. IV. — ИКЯ, М., 1967, с. 646.

дативом. Иллатив на *-хъа* (параллельно классное употребление *хъа-р, -б, -д* — особенность цах.) функционирует в цахурском и нхр. диалекте рутульского языка. Комитатив бытует в цахурском *(-уква, -ука)*, рутульском *(-укван, -ухьван, -уфан)*, будухском *(-узын)* языках. По семантике расхождений нет. В крызском языке комитатив, аффектив и иллатив утрачены.

Местные (пространственные) падежи, несмотря на дефективность серий, сохранили много общего с исходным состоянием. Определенные правила в образовании серий местных падежей позволяют восстанавливать утраченные формы. Например, простые аффиксы в 1-ой серии являются первичными (это положение без особых изменений сохранилось в рут., крыз. и будух. языках) В остальных падежных сериях локативы имеют простые аффиксы, а направительные и исходные падежи образуются от локативов посредством аффиксов 1-й серии направительного и исходного падежей. Этот принцип сохраняется в крызском языке, где не нарушена стройность серий (кроме 5-й), ср. *кыс* «курица» (II тип склонения; косвенная основа оформляется элементом *-ыр*[4]):

	им.	*кыс*			
	эрг	*кысыр-ыр*			
	род.	*кысыр*	3	лок.	*кысыр-ух*
	дат.	*кысыр-ыс*		напр.	*кысыр-ух-ун*
				исх.	*кысыр-ух-ур*
1	лок.	*кысыр-аь*	4	лок.	*кысыр-ув*
	напр.	*кысыр-аьн*		напр.	*кысыр-ув-аьн*
	исх.	*кысыр-аьр*		исх.	*кысыр-ув-аьр*
2	лок.	*кысыр-ык*	5	напр.	*кысыр-аьгI-аьн*
	напр.	*кысыр-ык-ин*		исх.	*кысыр-аьгI--аьр*
	исх.	*кысыр-ык-ир*			

Несмотря на дефективность серий местных падежей, отмеченный принцип образования их последовательно прослеживается в будухском языке. Более того, общими с крызским языком здесь являются и падежные аффиксы.

В общей тенденции сокращения числа местных падежей будухский язык тесно примыкает к восточному наречию рутульского языка. В склонении, несмотря на значительные локальные отличия, весьма заметным остается плавный переход структурных общностей от цахурского к рутульскому, а от рутульского к будухскому и крызскому языкам. В связи с этим интерес представляют

---

[4] Ср.: *Саадиев Ш М.* Крызский язык, с. 630 (слова с элементом *-ыр* в косвенной основе отнесены к III типу склонения).

падежи, сохранившие материальную и в определенной степени семантическую общность в цахурском, рутульском, будухском и крызском языках. Таковыми являются: комитатив — стоит вне серий, в крызском отсутствует, в будухском падежный формант *-ызын (ада-зын мактабже вихьиджи* «с отцом в школу пошел») претерпел фонетические изменения и восходит к *-сын* < *хьын/кын*, ср.: цах. *-ква, -ка*, рут. *-хьван, -кван, -фан, -хьан, -кан;* иллатив на *-хъа (-р, -б, -д)* отсутствует в диалектах восточного наречия рутульского языка, а также в будухском и крызском; в будух. (причинно-информационный падеж) образуется посредством аффикса *-укир*[5] *(ад азардж-укир сакьаджи* «он от болезни умер», *йа ада-кир гьаркьуджи* «я о его отце говорил») — стоит вне серий, обнаруживает определенную материальную и семантическую общность с аблативом 1-м борч.-хин. диалекта рутульского языка на *-гыр* и с исходным цахурского языка на *ук'е;* 1-й локатив идентичен в рутульском (мух. *хал-а*, ихр. *хал-а* «дома», «в комнате»), будухском (*кIулдж-а* «дома», «в комнате»), крызском (*фургъун-аь* «в фургоне»); в цахурском общность нарушена (миш. *ха̄* < *хав-а*, гел. *хав-айе* «дома», «в комнате»); 1-й направительный и 1-й исходный в рутульском претерпели заметные фонетические изменения (мух. *хал-ы̄*, ихр. *хал-а* «на дом»; в ихр. во всех сериях лок. и напр. падежи совпали в локативе; мух. *хал-а̄*, ихр. *хал-а̄* «из дома»); в будухском обозначились лишь следы изменений (*кIулдж-а, -ан* «в дом», «в комнату», *кIулдж-ар* «из дома», «из комнаты»), крызский язык сохраняет исходное состояние (*фургъун-аьн* «в фургон», *фургъун-аьр* «из фургона»); в цахурском эти падежи имеют локальное образование (миш. *ха̄-хъа*, гел. *хав-айе-хъа* «в дом», «в комнату», миш. *ха̄н-че*, гел. *хав-ан-че* «из дома»); 2-й лок. в йикийско-албанских языках сохраняет материальную общность; разница в семантике значительна; в то же время первичное значение «под» сохранено без ущерба, ср.: цах. *ха̄-к', хав-ак'*, рут. *хал-ык'* будух. *кIулдж-ик* «под домом», «под дом», крыз. *фургъун-ык* «под фургоном»; 2-й напр. и 2-й исх. в цахурском и рутульском имеют ареальные отличия в сравнении с соответствующими падежами будухского и крызского языков: ср.: цах. *ха̄-к-хъа, хав-ак-хъа*, рут. *хал-ык'-даь, хал-ык* «в под дом», «под дом», будух. *кIулдж-ик* «под дом» (эта падежная форма сохранилась в лексеме *кьан* «дно», *кьан-ик* «под дном», «под дно»; здесь, как и в ихр. диалекте рутульского языка, направительный падеж совпал с локативом); крыз. *фургъун-ык-ин* «под фургон»; цах. *ха̄-к-е, хав-ак-е*, рут. *хал-ык'-ла, хал-ык'-а̄* «из-под

---

[5] В литературе квалифицирован как сравнительный падеж.

дома», «от дома», будух. *кIулдж-ик-ир* «из-под дома» (ср. *кIулджи кьан-ик-ир* букв. «дома из-под дна»), крыз. *фургъун-ык-ир* «из-под фургона»; в рутульском 3-й лок. и 3-й напр. падежи совпали с направительным и общность с локативом будухского и крызского языков сохранилась в первом элементе сложного аффикса, ср.: рут. *хал-ых-да* «у дома», «к дому», будух. *кIулдж-ох* «у дома», *кIулдж-ух-ун* «к дому», крыз. *фургъун-ух* «у фургона», *фургъун-ух-ун* «к фургону»; в цахурском эта серия падежей является автономной, ср.: *ха̄-с-ана* «у дома», *ха-схъа* «к дому», *ха̄-сс-е* «от дома»; общность 3-го исх. в рутульском и крызском реализуется также в общности элемента *-ух-*, ср.: рут. *хал-ых-да̄* «от дома», крыз. *фургъун-ух-ур* «от фургона»; в будухском историческая форма *кIулдж-ох-ор* со значением «от дома» не сохранилась; в 4-й серии прослежена общность ихр. диалекта рутульского языка с цахурским, ср.: цах. *ха̄-л′, хав-ал′* рут. *хал-ый* «над домом», «сверху дома», цах. *ха̄-л-хъа, хав-ал-хъа,* рут. *хал-ый* «на дом»; в борч.-хин. диалекте закрепилось направительное значение, например, *хал-ы̄, -ый;* видимо, и мух. *хал-ы̄* сюда относится; в ихр. диалекте значения «в», «во внутрь» и «на», «на верх» более четко дифференцированы: *хал-а* «дома», «в дом», *хал-ый* «над домом», «сверху дома»; цах. *ха̄-л′-е, хав-ал′-е,* рут *хал-ый-а* «с дома», «сверху дома»; в диалектах восточного наречия рутульского языка и в будухском и крызском языках эта серия автономна.

Направительный формант *-н,* последовательно функционирующий в парадигмах склонения будухского и крызского языков, пережиточно встречается в рутульском (ср.: борч.-хин. д. *чIалаг-на* «по направлению леса», «через лес») и цахурском (*чIалаг-ын* «по направлению леса», «по лесу») языках.

Ареальные данные надежно подтверждают историческую общность склонения субстантивов в йикийско-албанских языках. В то же время они свидетельствуют о том, что процесс формирования местных падежей был сложным и по времени длительным. Более того, эти процессы продолжались и после распада йикийско-албанской языковой общности. Например, в ихр. диалекте рутульского языка и цахурском представлены серии номинативно-определительных и косвенно-определительных падежей, формирование которых обусловлено усилением функционирования прилагательных. Видимо, вслед за формированием генитива шел процесс и формирования ном.-опр. и косв.-опр. падежей. Инновационный характер образования отмеченных падежей заметен в гел. диалекте цахурского языка, где сохранились явные следы аналитизма, ср.:

		Миш.	Гел.
	им.	*чIалаг* «лес»	*магъва* «крапива»
	эрг.	*чIалаг-ын*	*магъва-н*
	род. 1	*чIалаг-на, -ын*	*магъва-на, -н*
	род. 2	*чIалаг-ни*	*магъва-ни*
	дат.	*чIалаг-ыс*	*магъва-з*
	комит.	*чIалаг-ыква*	*магъва-ква*
	иллатив	*чIалаг-ыхъа*	*магъва-хъв*
1	субессив	*чIалаг-ык'*	*магъва-к'*
	адитив	*чIалаг-ыкхъа*	*магъва-кхъа*
	аблатив	*чIалаг-ыке*	*магъва-ке*
2	суперессив	*чIалаг-ыл'*	*магъва-л'*
	сублатив	*чIалаг-ылхъа*	*магъва-лхъа*
	делатив	*чIалаг-ыле*	*магъва-ле*
3	адессив	*чIалаг-ысана*	*магъва-зъана*
	аллатив	*чIалаг-ысхъа*	*магъва-зхъа*
	абессив	*чIалаг-ыссе*	*магъва-ке*
4	инессив	*чIалаг-а*	*магъва-йе*
	иллатив	*чIалаг-ахъа*	*магъва-йехъа*
	элатив	*чIалаг-анче*	*магъва-йенче*
5	ном.-опр.	*чIалаг-ык'на, -ыкин*	*магъва-к'на, -кин*
	косв.-опр.	*чIалаг-ык'ни*	*магъва-к'ни*
6	ном.-опр.	*чIалаг-ыл'на, -ылин*	*магъва-л'на, -лин*
	косв.-опр.	*чIалаг-ыл'ни*	*магъва-л'ни*
7	ном.-опр.	*чIалаг-нана, -нан*	*магъва-нана, -нан*
	косв.-опр.	*чIалаг-нани*	*магъва-нани*
8	ном.-опр.	*чIалаг-ысанана, -ысанан*	*магъва-зъанана, -зъанан*
	косв.-опр.	*чIалаг-ысанани*	*магъва-зъанани*
9	ном.-опр.	*чIалаг-ысда, -ысын*	*магъва-зна, -зын*
	косв.-опр.	*чIалаг-ысди*	*магъва-зни*
10	ном.-опр.	*чIалаг-ысхъана, -ысхъан*	*магъва-зхъана, -зхъан*
	косв.-опр.	*чIалаг-ысхъани*	*магъва-зхъани*
11	ном.-опр.	*чIалаг-ылхъана, -ылхъан*	*магъва-лхъана, -лхъан*
	косв.-опр.	*чIалаг-ылхъани*	*магъва-лхъани*

	им.	*чодж*	*чож* «брат»
	эрг.	*чодж-е, -е*	*чож-аь*
	род. 1	*чодж-на, -ун*	*чож-на, -ун*
	род. 2	*чодж-ни*	*чож-ни*
	дат.	*чодж-ус*	*чож-уз*
	комит.	*чодж-ука*	*чож-ука*
	аффек.	*чодж-укIле*	*чож-уле*
	иллатив	*чодж-ухъа*	*чож-ухъа*
1	субессив	*чодж-ук'*	*чож-ук'*
	адитив	*чодж-укхъа*	*чож-укхъа*
	аблатив	*чодж-уке*	*чож-уке*
2	суперессив	*чодж-ул'*	*чож-ук'*
	сублатив	*чодж-улхъа*	*чож-улхъа*
	делатив	*чодж-уле*	*чож-уле*
3	адессив	*чодж-усана*	*чож-усъана*
	аллатив	*чодж-усхъа*	*чож-усхъа*
	абессив	*чодж-уссе*	*чож-уке*
4	ном.-опр.	*чодж-ук'на, -укин*	*чож-ук'на, -укин*
	косв.-опр.	*чодж-ук'ни*	*чож-ук'ни*
5	ном.-опр.	*чодж-ул'на; -улин*	*чож-ул'на, -улин*
	косв.-опр.	*чодж-ул'ни*	*чож-ул'ни*
6	ном.-опр.	*чодж-нана, -нан*	*чож-нана, -нан*
	косв.-опр.	*чодж-нани*	*чож-нани*
7	ном.-опр.	*чодж-усанана, -усанан*	*чож-узъанана, -узъанан*
	косв.-опр.	*чодж-усанани*	*чож-узъанани*
8	ном.-опр.	*чодж-усда, -усун*	*чож-узна, -узын*
	косв.-опр.	*чодж-усни*	*чож-узни*
9	ном.-опр.	*чодж-усхъана, -усхъан*	*чож-узхъана, -узхъанан*
	косв.-опр.	*чодж-усхъани*	*чож-узхъани*
10	ном.-опр.	*чодж-улхъана, -улхъан*	*чож-улхъана, -улхъан*
	косв.-опр.	*чодж-улхъани*	*чож-улхъани*

Ном.-опр. и косв.-опр. падежи отсутствуют (не получили развития) в крызском и будухском языках (кстати, в крызском частично сохраняется формальная недифференцированность номинатива и генитива), а также в рутульском, кроме ихр. диалекта, который граничит с цахурским. Стало быть, формирование ном.-опр. и косв.-опр. падежей хронологически следует отнести к периоду распада цахурско-рутульской языковой общности. Функционально аффиксы *-д, -υд, -ди* в ихр. диалекте рутульского языка и *-н, -на, -ни, -д, -дυ, -ди* в цахурском языке адекватны. Очевидна их материальная общность.

У А. Мейланова

ИСТОРИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

Вопрос об исторических сдвигах в падежной системе включает в себя два аспекта: с одной стороны, изучение падежных форм, с другой — их значений в каждом конкретном языке. Проблема изучения падежей и их значений, как актуальная и важная проблема грамматических исследований, ставилась еще выдающимися исследователями прошлого столетия.

В 1954 году Е. А. Бокарев писал: «Установление перечня падежных значений и значений сочетаний различных падежей с различными предлогами — чрезвычайно актуальная задача»; далее он констатирует: «Вопрос о падежных значениях и до сего времени нельзя считать изученным в достаточной степени. Поэтому призыв Потебни к их исследованию сохраняет в известной мере свое значение и до наших дней»[1]. Ни один последующий исследователь не отрицает, что «проблема общего и частных значений падежа, как и проблема границ значений каждого падежа, является трудной проблемой теоретической грамматики»[2]. Что касается дагестанских языков, то здесь проблема осложняется, с одной стороны, многопадежностью этих языков и наличием в них эргативной, дативной (аффективной), локативной конструкций предложения, многочисленных сложно-составных глаголов и идиоматических сочетаний, в состав которых входят имена в форме того или иного падежа, с развитой системой послелогов, с другой стороны, все еще далеко недостаточной изученностью всех этих вопросов.

Лезгинский язык с восемнадцатью ныне функционирующими в нем падежами и множеством послеложных конструкций, реализующих отношения между именами, как известно, дает основание причислить его к языкам с широко развитой деклинационной системой.

В вопросах падежной терминологии, маркировки падежей и в вопросах склонения лезгинский язык в основном укладывается в рамки общей характеристики этого сложного звена морфологи-

---

[1] *Бокарев Е. А.* О категории падежа.— ВЯ, № 1, 1954, с. 33—34.
[2] *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1958, с. 243.

ческого строя дагестанских языков и вместе с тем обнаруживает значительное своеобразие.

Группа общеграмматических падежей в нем объединяет четыре падежа: номинатив — абсолютив, эргатив, посессив и датив, которые, как известно, выражают в основном субъектно-объектные отношения. Каждый из названных падежей имеет свой морфологический облик и разветвленную систему значений, дающие возможность утвердить за ними статус падежа и место в деклинационной системе языка. Следует лишь сделать одно замечание относительно термина для первого падежа в таблице склонения. В работах по лезгинскому языку, так же как в ряде работ по другим дагестанским языкам, оперируют обычно термином «именительный падеж», или номинатив, в то время как в работах Г А. Климова по теории эргативности, в известных статьях Ч. Филлмора, занимавшегося глубинным исследованием структуры падежа, и других работах показана необходимость замены названных терминов на термин абсолютный падеж для языков эргативного строя. Подобная необходимость вызвана функциональной неоднозначностью именительного падежа номинативных языков и одноименной величины языков эргативного строя[3].

Лезгинский абсолютив — это падеж подлежащего при интранзитивных глаголах и падеж прямого дополнения — при глаголах транзитивных. Помимо этого, абсолютив зафиксирован в составном сказуемом, в функции определения, в обращении, в идиоматических выражениях и т. д.[4] Дальнейшее развитие языка лишь расширяет и абстрагирует функции этого падежа и укрепляет его место в парадигме лезгинского склонения. Несколько иное положение у эргатива. Этот падеж, в отличие от эргатива многих дагестанских языков, в лезгинском языке в процессе развития утерял свои значения (как падеж орудия действия, вместилища действия и т. д.) и выкристаллизовался исключительно как падеж подлежащего при транзитивных глаголах.

Генитив лезгинского языка сосредоточил свои функции для выражения принадлежности и относительности и гораздо реже — для выражения объекта.

Дательный падеж является прежде всего падежом реального субъекта и грамматического подлежащего при т. н. глаголах verba sentiendi.

Вместе с тем дательный падеж имеет в языке широкий ареал употребления как в общеграмматических, так и в локальных значениях. Именно локальные значения лезгинского дательного падежа наталкивают на мысль, что это — бывший направительный падеж ныне неполной IV серии местных падежей со значением нахож-

---

[3] См. *Климов Г А.* Очерк общей теории эргативности. М., 1973, с. 15.

[4] Здесь и далее, когда речь будет идти о функции падежей, мы без дальнейших ссылок будем обращаться к работе М. М. Гаджиева «Синтаксис лезгинского языка», часть I, простое предложение. Махачкала, 1954 и к нашей работе «Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка», Махачкала, 1960.

дения внутри ч-л. Мысль о локативном происхождении дательного падежа, высказанная некогда Е. А. Бокаревым, определенным образом подтверждают данные лезгинского языка. Более того, заметим, что некоторые формы дательного падежа могут присоединять к себе еще и аффикс *-ди*, в данном случае аффикс направительных падежей лезгинского языка, восстанавливая таким образом полную форму ныне отсутствующего направительного падежа в упомянутой четвертой ущербной серии местных падежей.

Предположение о наличии в лезгинском языке девятнадцатого падежа — директива ныне неполной IV серии местных падежей высказал еще Л. Елмслев в своей известной работе о категории падежа[5]. Он полагал, что формой этого падежа являются современные наречия с исходом на звук *-з* типа: *виниз* «вверх», *агъуз* «вниз», *патаз* «в сторону» и т. д. и потому этот гипотетичный падеж назвал падежом adverbial. Материалы нескольких говоров кюринского и кубинского наречий подтвердили это предположение. В говорах гюнейского и кузунского диалектов как реликтовое явление сохранились формы нескольких наречий с аффиксом *-зди*, показывающим именно направление действия[6]. В таких примерах, как *винизди алад* «иди вверх (по направлению вверх)», *агъузди хьана, чилелай къван къачуна* «нагнувшись (спустившись) вниз, взял с земли камень»; *накь ада и патазди чукурзавай* «вчера он бежал по направлению в эту сторону»; элемент *-ди* здесь маркер директива, уточняющего направление действия. Эти формы, мы полагаем, являются отголосками когда-то функционировавшего в языке директива IV, ныне утерянного лезгинским языком.

Современный лезгинский язык утерял еще один падеж, который мог бы стоять и когда-то стоял в парадигме лезгинского склонения рядом с перечисленными выше четырьмя общелогическими падежами, хотя некоторые исследователи не склонны считать его полноправным падежом[7] Утерянный ныне вокатив — звательный падеж пережиточно сохранился в одном из диалектов кубинского наречия, а именно, в кузунском диалекте т. н. кусарского региона. Носители этого диалекта задагестанских лезгин образуют звательные формы от любого апеллятива. Однако в живой речи формы вокатива мы обнаружили только в ограниченном круге имен — в антропонимах, некоторых терминах родственных отношений, в названиях бога и иных мифических существ. Аффиксом вокатива в этом диалекте является морфема *ай, ей: тхай* > *тха* «дядя», «старший брат», *дидей* > *диде* «мать», *бубай* > *буба* «отец», *бахей* > *бах* «мать», «старшая сестра», *худай* > *худа* «бог», *аллагьей* > *аллагь* «бог», *иблисей* > *иблис* «сатана», *Нариманей* > *Нариман, Рагьимей* > *Рагьима* и др. Жители селений Кузун и Зин-

---

[5] L. Hjelmslev. La categorie des cas. II partie (Acta Jutlandica, IX, 2) Aarhus, 1937.

[6] *Мейланова У А.* Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.

[7] См. *Климов Г А.* Склонение в картвельских языках. М., 1964.

дан-Муруг уверяли нас, что при настойчивом обращении или усиленной просьбе, которая совершается на близком расстоянии или в непосредственной близости между говорящим и собеседником, название собеседника принимает формы *бубайай* (вм. *бубай*), *дидейей* (вм. *дидей*), *тхайей* (вм. *тхай*) и т. д., т. е. происходит как бы редупликация аффикса вокатива, что вполне объяснимо. Однако примеры ограничивались двумя-тремя лексемами с гласным исходом. Лексемы с согласным исходом такого усиленного аффикса в кузунском диалекте не принимают. Искомые формы с финальным согласным в свое время были обнаружены нами в одном из отдаленных говоров яркинского диалекта только в двух словах: *бахла̄* > *бахлай* > *бах* «мать, старшая сестра» и *дахла̄* > *дахлай* > *дах* «отец, старший брат, дядя (вообще)». Пережиточно сохранившиеся в отдаленных друг от друга лезгинских диалектах формы имеют общий экспонент звательного падежа *лай (лей)* || *йай (йей)*, где субституировались латеральный сонант *л* и полугласный *й*.

Однако коммуникативная нагрузка формы вокатива постепенно уменьшалась — она перешла на абсолютив, а в кузунском диалекте — и на ряд глагольных форм повелительного наклонения. На последние перешел и исчезающий аффикс звательности: *ацукьей* «садись» (> *ацукь*), *къарагъей* «встань», (> *къарагъ, къарагъа*), *хухей* «пей» (> *хух*). Мы полагаем, что факультативные повелительные формы на гласный исход в целом ряде глаголов почти всех диалектов лезгинского языка — такие как *алад/алада* «иди», *ацукь/ацукьа* «садись», *ксус/ксуса* «спи», *къарагъ/къарагъа* «встань», *чурудж/чуруджа* «жарь», *акъуд/акъуда* «вытащи» и т. д. — являются не чем иным как повелительными формами с аффиксом звательности, в которых конечный элемент *й* деградировал и ныне вовсе утерян.

Таким образом, когда-то функционировавший в языке вокатив постепенно сузил ареал своего употребления и исчез, сохранившись пережиточно лишь в редких диалектных единицах языка.

Во вторую группу падежей, выражающих пространственные отношения между предметами, входит четырнадцать падежей, объединенных под общим названием местных. Местные падежи подразделяются на локативы, аблативы и директивы, каждый из которых имеет категориальную форму падежа и разветвленную систему значений: вещества, времени, меры, цены, качества, места, происхождения, сопровождения, сравнения, состояния, совместности и т. д.

Еще в начале столетия в лезгинском языке наметилась тенденция к утере директивов-направительных падежей с аффиксом *-вди, -хъди, -кди,* т. е. практически всех директивов, за исключением директива V на *-лди,* который оформлялся как падеж посредства — инструменталис. Группа авторов школьных учебников начала 30-х годов — А.-К. Алкадарский, М. Гаджиев, Б. Гаджиев, К. Идрисов, А. Вагабов и М. Набиев выключили из парадигмы склонения

два директива. В последующем учебнике А.-К. Алкадарского ч. II для 3, 4 и 5 годов обучения из парадигмы склонения были исключены три падежа директива.

Хотя авторы научных грамматик сороковых годов Л. И. Жирков и М. М. Гаджиев восстановили названные падежи в падежной таблице языка, вопрос о праве гражданства этих падежей оставался спорным.

В указанной работе, где был подвергнут анализу значительный материал литературного лезгинского языка, мы пришли к выводу о том, что «развитие литературного языка... привело к укреплению позиций направительных падежей и нет никакого основания лишать их права занимать место в парадигме лезгинского склонения или искусственно ограничивать их употребление в речи»[8]. Но и тогда было ясно, что сложные процессы совмещения местными падежами — локативами двух значений — покоя и движения, отсутствие полной и четкой дифференцированности отдельных значений ряда падежей, утрата некоторыми падежами множества своих значений свидетельствовали о живучести наметившейся давно тенденции к сокращению падежей в лезгинском языке. Большая коммуникативная и экспрессивная нагрузка развивающегося литературного языка привела к несколько осложненному пути развития и этой грамматической категории. Позиции названных трех директивов в наши дни вновь пошли на убыль. Ныне с новой силой возобновился процесс их затухания. Причиной этому является не только переход основного их значения — выражение места, по направлению к которому происходит действие, изредка факультативное с соответствующим локативом выражение совместности, причины действия и т. д. — на соответствующие локативы, но и влияние диалектов, в большинстве которых процесс утери директивов утвердился окончательно. В исследованиях по лезгинской диалектологии последних лет утверждается факт полного отсутствия в ряде лезгинских диалектов всех направительных падежей, включая даже направительный V — инструменталис[9].

Следует заметить, что и в литературном лезгинском языке ослабевают позиции директива V серии — инструменталиса.

В литературе и прессе последних лет все чаще встречаются формы типа *трактордал цан цун* «пахать трактором», *кардал дамах авун* «гордиться работой», *машинкадал кихьин* «писать (печатать) машинкой (на машинке)» и др. вместо *трактордалди, кардалди, машинкадалди.*

Определенную роль здесь необходимо отвести и закону языковой экономии, действие которого достаточно отчетливо проявляется в лезгинском языке.

Итак, в процессе своего исторического развития лезгинский

---

8 *Мейланова У А.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960, с. 175.

9 *Ганиева Ф. А.* Джабинский диалект лезгинского языка.— АКД, Тбилиси, 1980; *Мейланова У А.* Кузунский диалект лезгинского языка. 1980.

язык, продолжая общую для языков тенденцию упрощения системы склонения, утерял пять падежей и стоит на пороге затухания шестого падежа, значения которых перешли частично на другие падежи, частично — на глагольные, наречные и иные формы, а в определенных случаях стали реализовываться при помощи специальных служебных слов.

В падежной системе лезгинского языка происходят также сложные процессы перераспределения их функций. Они действуют в двух взаимоисключающих направлениях: с одной стороны, расширение и абстрагирование функций отдельных падежей, с другой — сужение этих функций в выражении определенных значений, т. е. развитие падежей идет в направлении семантической и функциональной их дифференциации. А это значит, что лезгинская деклинационная система претерпела существенные изменения как в выражении категориальных форм отдельных падежей, так и в реализации падежных значений. Изменения эти ведут к упрощению, а вместе с тем к уточнению падежной системы лезгинского языка.

Г Б. Муркелинский

О РАЗВИТИИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

Система склонения в лакском языке построена на тех же принципах, что и в других горских языках Дагестана: отличается многопадежностью, обусловленной главным образом обилием местных падежных форм (локативов), которые выражают по преимуществу пространственные отношения и по своему значению соответствуют в русском языке сочетанию имени с тем или иным предлогом. Большинство нюансов, выражаемых в русском и в других индоевропейских языках при помощи предлогов, в лакском, как и в остальных дагестанских языках, передается через специальные падежные формы.

Склонение производится с помощью разных падежных аффиксов, присоединяемых к прямой (неизменяемой) и косвенной (изменяемой) основе имени. Число падежей в лакском около сорока. Все падежи по структуре и значению можно делить на две основные группы: первую группу составляют падежи с относительно абстрактным значением, которые выражают субъектно-объектные отношения, а вторую группу составляют падежи местные (локальные), которые выражают пространственные отношения (иногда и объектные отношения). Местные падежи в лакском языке по своему образованию и значению распределяются по сериям, которые определяются соответствующими падежными аффиксами — показателями, выражающими нахождение или движение предметов в разных положениях в пространстве. Так, например, падежные формы *къатлуву* «в комнате», *къатлува* «из комнаты», *къатлувун* «в комнату»; *къатлувух* «через комнату», *къатлувунай* «по направлению в комнату» объединены под общим падежным показателем *«в»*, составляющим одну серию, в отличие от падежных форм *къатлуй* «на комнате», *къатлуйа* «сверху комнаты», *къатлуйн* «на комнату», *къатлуйх* «через поверхность комнаты», *къатлуйнай* «по направлению на комнату», которые объединены общим показателем *«й»*, составляющим уже другую серию.

Число серий в разных дагестанских языках различно, например: в аварском — пять, в лакском — шесть, в табасаранском — восемь. Различно и число падежей, входящих в каждую серию. В зависимости от числа падежей и числа серий определяется общее количество падежей в том или другом языке.

Если рассмотреть лакские падежи с точки зрения исторического образования, то нетрудно их сгруппировать следующим образом: 1) падежи именительный, родительно-активный и дательный, от основ которых образуются остальные падежи; 2) остальные основные падежи, возникшие в результате слияния послелогов или других формантов с косвенной или прямой основой; 3) производные от падежей второй группы, возникшие в результате наращения одного падежного форманта на другой.

Рассмотрим падежи каждой группы в отдельности.

Падежи первой группы

1. Именительный падеж. Падеж этот не оформлен, выражается именной основой и употребляется в значении субъекта и объекта действия.

2. Родительно-активный падеж. Формантом его является *-л*, который по своему происхождению и первоначальной значимости остается с точки зрения современного языка еще невыясненным. Родительно-активный падеж образуется от косвенной основы, употребляется он в значении субъекта при переходном глаголе, в значении принадлежности и определения (атрибута).

3. Дательный падеж. Формантом его служит *-н*, совпадающий с формантом местного направительного падежа, как и родительный, он образуется от косвенной основы и употребляется в значении дополнения, логического субъекта.

Падежи второй группы

К числу падежей второй группы относятся местные падежи покоя. Эти падежи исторически образовались от родительно-активного падежа прибавлением к его основе послелогов места (сочетание послелогов с родительно-активным падежом), а впоследствии ввиду частого употребления их сочетаний с родительно-активным падежом и расширения их функций дали начало остальным локативным падежам. При этом произошло опущение форматива родительно-активного падежа (выпадение падежного показателя *-л*)[1]. Таким образом, эти послелоги места, превратившиеся в падежные суффиксы, стали мыслиться в современном лакском языке как формальные частицы, лишенные самостоятельности, и тем самым послужили, в свою очередь, созданию указанных выше в лакском падежей. Все это нетрудно заметить при анализе и сопоставлении падежных формантов с послелогами места, например, легко сопо-

---

[1] Опущение суффикса родительно-активного падежа наблюдается и в отдельных еще случаях, когда родительно-активный падеж, выступая как определение, создает вместе с определяемым им словом единое понятие. Таковы единичные случаи опущения формы родительно-активного падежа в живой речи: *ятти-ппал* «хлев для баранов» (вместо *яттил-ппал*), *гъаттара лухччи* «пастбище (вместо *гъаттарал лухччи*), *бутта уссу* «дядя» (по отцу) вместо *буттал уссу*, *щанни уссу* «шурин» (вместо *щаннил уссу*).

ставляются падежные формы покоя *-лу, -ву* по значению и по формальным признакам с послелогами места *-лу* и *-вив*.

1. Падежная форма покоя с суффиксом *-лу*. Падежная форма эта представляет из себя образование от косвенной основы (усеченного род.-активного падежа) и послелога места *лу* «под, внизу», например, *канилу* «под рукой» (*ка* «рука») состоит из *кани* (косвенной основы) и послелога *-лу*. Эта же форма[2] может быть передана и при помощи сочетания послелога и родительно-активного падежа. Можно вместо этой падежной формы *канилу* «под рукой» сказать *канил лу*, что выражает почти ту же самую мысль. Падежная форма *канилу* имеет, кроме того, оттенок значения, указывающий на нахождение предмета под чем-либо в непосредственном соприкосновении, например, *магъулу* «под потолком» (в соприкосновении) или «на потолке» (о висящем предмете), и *магъул лу* «под потолком», или «внизу потолка».

2. Падежная форма покоя с суффиксом *в- (-у)*. Падежная форма эта образовалась также от слияния послелога места *вив* «в», «внутри» и косвенной основы: например, сравните падежную форму *каниву* «в руке» с *канил вив* «в руке», или «внутри руки», или *къатлуву* «в доме, в комнате», *къатлул вив* «в доме», «в комнате», или «внутри дома», «внутри комнаты»; при этом, как видно, произошло видоизменение (или сокращение) послелога *вив* в *-ву*. Таким образом, мы имеем здесь, наряду с послелогом *вив*, сочетающимся с родительно-активным падежом, суффиксальную его разновидность *-ву (къатлул вив — къатлуву)*, выражающую почти ту же самую мысль. Равным образом образовались в лакском и остальные падежные формы покоя в результате превращения послелогов места в падежные суффиксы.

3. Падежная форма покоя с суффиксом *-й*. Падежный суффикс *-й* представляет из себя видоизмененный послелог *-йалу* «над, наверху». Послелог этот сократился в *-й* с тем же почти значением, например, *канил ялу* «на руке, над рукой», и падежная форма *каний* «на руке», которая сложилась из косвенной основы *кани* плюс *-й (йалу)*. Причем падежная форма эта указывает на нахождение предмета на чем-либо (в обязательном соприкосновении), например, *столданий лу бур* «на столе книга есть», но *столданул ялу* могут понять как «на столе» и как «над столом» или «наверху стола».

4. Падежная форма покоя с суффиксом *-чIа*. Падежный суффикс *-чIа* представляет из себя также видоизмененный послелог места *чIарав* «около»; например, *къатлул чIарав-къатлучIа* «у дома». Падежная форма *къатлучIа* состоит здесь также из *къатлу*, косвенной основы (от *къатта* «дом») и *чIа* (восстанавливаемого нами послелога места *чIарав* «около»).

5. Падежная форма покоя с суффиксом *-цI*. Падежный

---

[2] Впрочем, этот факт полного совпадания послелога места *«лу»* с суффиксом родительно-активного падежа был замечен еще Усларом и оговорен им (См.: *Услар П. К.* Лакский язык, § 15).

суффикс *-цI* есть разновидность *-чIа*, только что рассмотренного нами послелога места *чIарав* «около», что восстанавливается на диалектальных материалах лакского языка. В диалектах вихлинском и аштикулинском вместо падежного суффикса *-чIа* обычно произносят *-цIа* и вместо послелога *чIарав* «около» *-цIарав*. Таким образом, чередование звуков *чI* и *цI* в диалектах лакского языка дает нам основание считать падежный суффикс *-цI* разновидностью *-чIа*, хотя значение его в известной степени специализировалось.

Падежная форма покоя с суффиксом *-цI* употребляется в лакском языке весьма редко и представляет собой пережиточное явление.

Падежи третьей группы

К этой группе относятся падежи производные от падежей второй группы. Падежи эти получены в результате наращения одного падежного форманта на другой.

1. Дательный II образовался от притяжательного падежа наращением *-н* — форманта дательного и направительного падежей.

2. Отделительный падеж исторически образовался от того же притяжательного падежа наращением *-а*, показывающего вообще исход действия.

3. От этого отделительного падежа, в свою очередь, образовался соединительный падеж наращением *-л* — форманта родительно-активного падежа.

4. Остальные падежи — орудный, заступительный, исходный, сближения также исторически образовались от падежей покоя путем наращения соответствующих формантов *-ну, -лу, -а (-ту), -ай (-а + и)*.

На основании сделанного нами анализа можно полагать, что косвенная основа (род.-актив. падеж) послужила в лакском той почвой, на которой возникли все остальные падежи за исключением дательного I; местные падежи покоя исторически произошли от родительно-активного падежа в результате слияния послелогов с его основой; от него же произошел и притяжательный падеж, а остальные падежи, местные, в свою очередь, произошли от местных падежей покоя в результате наращения одного падежного форманта на другой; промежуточные — от падежей же промежуточных и падежей покоя (см. выше). Таким образом, мы видим падежи производные или вторичные, а от вторичных производные — третичные, представляющие собой исторические образования от первичных путем наращения к основе послелогов и разных формантов.

Таблица сопоставления окончаний местных падежей и послелогов места.

Местные падежи покоя и их форманты	Послелоги места
1. *чIира-лу* «под стеной»	*чIирал лу* «под стеной»
2. *къатлу-лу* «под домом»	*къатлул лу* «под домом»
ламу-лу «под мостом»	*ламул лу* «под мостом»
3. *чIира-ву* «в стене»	*чIирал вив* «в стене»
къатлу-ву «в дом»	*къатлул вив* «в доме, внутри дома»
ламу-ву «в мосту»	*ламул вив* «в мосту»
чIира-й «на стене»	*чIирал йалу* «на стене», «над стеной»
къатлу-й «над домом»	*къатлул йалу* «над домом»
ламу-й «на мосту»	*ламул йалу* «на мосту», «над мостом»
4. *чIира-чIа* «около стены»	*чIирал чIарав* «около стены»
къатлу-чIа «около дома»	*къатлул чIарав* «около дома»
ламу-чIа «около моста»	*ламул чIарав* «около моста»
неххацI // *неххачI* «у реки»	*неххал чIарав* «у реки»

Процесс развития падежной системы в лакском языке связан с категорией грамматических классов.

Наличие в прошлом живых классных показателей в составе имен существительных не вызывает сомнения. В современном лакском языке они функционируют лишь в окончаниях направительного падежа существительных и некоторых наречий, например, *таначIа* (I класс), *таначIанмай* (III класс), *таначIаннай* (II класс) «к нему», *хьхьичIунай, хьхьичIун-май, хьхьичIун-най* «вперед».

В основах некоторых существительных они сохранились как окаменелые (мертвые) классные показатели, например: *бурувсса* «курага», *буту* «пьяница», *бянивсса* «поясница», *бювчIунбиши* «мускул», *бухкIулу* «порог», *бивкIу* «смерть», *багьу-бизу* «житье-бытье», *бюхъу* «возможность», *вирсса* «внутренности», *вирдакI* «сердцевина», *ялуршин* «долг», *ялурхъябу* «насмешка», *лурттущи* (наз. квартала), *дукра* «пища», *дигьалагру* «отдых», *душру* «помазка», *дакру* «кривизна», *даччин* «подлог», *дагьани* «зеркало», *дурухлу* «опухоль», *дялахьру* «забава», «веселье», *дакI* «сердце», *дахху-ласу* «купля-продажа»;

зумурсса «удила», *иттархъен* «веко», *иттарщун чани бакъар* «ни зги не видать», *иттарцIансса* «жадный», *бакIбахIу* «чухто», *бартрахIин* «шпагат», *кьуртIусса* «заноза», *лувчIин* «кладовая», *лурсса* «постель», *луртан* «запас», *луркIан* «засада», *лурттуриту* «подкладка», *лурттурасса* «взятка», *лурзимах* «наковальня», *гьанарруту* «медный кувшин», *чIавхьулу* «окно», *рукI* «ярмо», *чIаракIру* «ветерок», *лялу* «талия», *шанбачIу* «перекресток», *дукьрахIан* «буза», *хъинбала* «добро», *оьбала* «зло», *хъурдуккаву* «праздник первой борозды», *луппайсса* (*луб-б-айсса*) «отходы зерна», *хъиривсса* «плацента, послед».

Окаменелые (или мертвые) классные показатели встречаются не только в составе имен существительных, но иногда и в других

частях речи, в частности, в наречиях: *иттав* «в глазу» (ср. с *иттар-хъен* «веко»), *зумув* «во рту» (ср. с *зумур* «удила»), *щяв* «на полу» (ср. *щярдикIан* «сесть» — в балхарском диалекте), *вив* «внутри» (ср. с *вирсса* «внутренность»), *лув* «под внизу» (ср. *лу-р-сса* «постель»).

В современном лакском литературном языке формант *-в* представлен как показатель I серии локативных падежей («внутреннеместных падежей) и некоторых наречий места (*къатлу-в* «в комнате», *вив* «внутри»). Сравнительный анализ диалектных данных показывает, что этот падежный формант *-в* исторически восходит к ауслаутному классному показателю, который выполнял функции падежа покоя и показателя класса одновременно и сохранился лишь в нескольких словах: *циняв, циняр* «все», *хъунав хьун* (I гр. кл.), *хъуннар хьун* (II гр. кл.), *хъунмав (хъунмаб хьун)* «стареть».

В балхарском диалекте лакского языка вместо падежного форманта *-в* (классного показателя) в исходе слова выступают изменяемые классные показатели *б* и *р*, например: *хIатталиб* (I, III гр. кл.), *хIатталир* (II гр. кл.), *хIатталив* (в лит. яз.) «на кладбище», *щинаб* (I, III гр. кл.), *щинар* (II гр. кл.), *щинав* (в лит. яз.) «за водой», *хъуб* (I, III гр. кл.), *хъур* (II гр. кл.), *хъув* (в лит. яз.) «на поле», *ялуб* (I, III гр. кл.), *ялур* (II гр. кл.), *ялув* (в лит. яз.) «наверху», *луб, лур* (*лув* в лит. яз.) «под, внизу».

В балхарском диалекте, как видно из примеров, в исходе слова классные показатели *(б, р)* представлены так же, как и в ряде горских языков Дагестана, в частности, аварском и даргинском. В остальных же диалектах и в самом лакском литературном языке эти ауслаутные классные показатели и *-в*, который сохранился лишь в 2—3 словах как реликт, совершенно отсутствуют. Но языковые данные показывают, что в прошлом они как живые классные показатели функционировали в лакском языке (в исходном положении и в косвенных основах), одновременно выполняя функцию и падежных формантов. Дальнейшее развитие языка привело к тому, что в одном только балхарском диалекте *б, р* сохранились в качестве живых классных показателей и падежных формантов; в остальных диалектах и в литературном языке *р* в исходе утрачен, сохранился как окаменелый классный показатель лишь в некоторых производных формах IV класса, образовавшихся в основном от наречий-послелогов, а *-в* (вместо *б*), потеряв свою функцию классного показателя, превратился в падежный формант. Для иллюстрации приведем примеры: *ялуб ацIан* (I кл.), *ялур дацIан* (II кл.) в балхарском диалекте, *ялув ацIан, ялув дацIан* (в лит. языке и остальных диалектах) «стоять наверху»; *хъириб, хъирир* (в балх. диалекте), *хъирив* (в лит. и ост. диал.) «вслед». В этих примерах конечные *б, р* в балхарском диалекте выступают как классные показатели и падежные формы, а в литературном языке и в остальных диалектах — только в качестве падежного форманта. Что касается сонорного р, то он в качестве мертвого классного показателя встречается в словах, указанных выше: *лур-*

кIан «засада», *луртан* «запас», *лурттурасса* «взятка», *иттархъен* «веко».

В отдельных подобных словах обнаруживается и *-в* как окаменелый классный показатель: *лувчIин* «кладовая», *хъиривсса* «последующий», *бурувсса* «курага», *бянивсса* «поясница», *бивкIу* «смерть», *бувчIун биши* «мускул».

В балхарском диалекте, в отличие от остальных диалектов лакского языка, живые классные показатели в абсолютном исходе слова, иначе говоря, ауслаутные классные показатели, встречаются не только в существительных и наречиях-послелогах, но и в прилагательных и причастиях: *лахъиб хьун* (I, III), *лахъир хьун* (II, IV кл.) «стать длинным», *лухIиб хьун* (I, III кл.), *лухIир хьун* (I, V кл.) «стать черным», *наниб хьун* (I, III кл.), *нанир хьун* (II, IV кл.) «стать ходячим». Все эти формы в остальных диалектах и в литературном языке соответственно передаются: *лахъи хьун, лухIи хьун, нани хьун.*

Сохранение ауслаутных классных показателей в балхарском диалекте отчасти можно объяснить влиянием даргинского языка, в котором они системно представлены.

Наличие в прошлом ауслаутных классных показателей в лакском языке подтверждается также тем, что в первых письменных памятниках, в частности, в рукописи «Ханнал Мурад» они, хотя и редко, встречаются: *щяр дикIан* (II кл.), в современном лакском языке *щядикIан* (II кл.), *щя бикIан* (III кл.), *щя икIан* (I кл.) «сидеть»; *зумур ласун* (IV кл.), в сов. лак. языке — *зумув ласун* «набрать в рот»; *иттарсса касма* (IV кл.), в сов. лак. яз. — *иттавсса касма* «трахома»; *зумур-сса кьанкь* (IV кл.), в сов. лак. яз. — *зумувсса кьанкь* «запах во рту»; *вир нагь дутIин* (IV кл.), в сов. лак. яз. — *вив нагь рутIин* «налить масло внутрь».

Из приведенных примеров видно, что в формах слов рукописи согласование первого слова со вторым выражено по грамматическому классу, через классный показатель *р*, а в соответствующих формах современного лакского языка оно нейтрализовано в результате отсутствия в них изменяемого классного показателя в исходе первого слова (сонорный *р* в нем утрачен или заменен падежным формантом *в*).

Таким образом, в современном лакском языке наблюдается тенденция сокращения количества местных падежей в сериях. Это явление распространяется прежде всего на пятую и шестую серии, которые характеризуются падежными показателями *-ча, -цI*. Некоторые из местных падежей в этих и других сериях стали редко употребляться или совершенно вышли из употребления, вследствие чего отдельные существительные перешли или переходят в категорию наречий: *нехха-цI* «у реки» (*нех* «река»), *дя-ни-в* «в середине» (*дя* «середина»), *кIан-ай* «вместо» (*кIану* «место»), *мурад-р-ай* «с целью» (*мурад* «цель»), *савав-р-ай* «по причине» (*савав* «причина»).

Из всех местных падежей только направительный с суффиксом *-най (-ннай, -нмай)* сохранил ауслаутный классный показатель.

Но языковые факты показывают, что в прошлом в ауслауте и других местных падежей в лакском функционировали классные показатели, одновременно выполняя функцию падежных формантов. Это подтверждается не только материалами балхарского и аракульского диалектов лакского языка, но и первыми письменными памятниками на лакском языке. Дальнейшее развитие языка привело к тому, что они сохранились только в названных диалектах (*хIатталиб, хIатталир* «на кладбище»).

К. Ш. Микаилов

О МАРКИРОВАННОМ Nominativ'е В СТАРОАВАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Последовательно, логично и серьезно отстаивал гипотезу конвергенции языков, взаимопроникновения их Арн. Чикобава. Интереснее всего, что в теории (да и в практике), он не отрицал и фактора, явления дивергенции, но, когда речь шла о «зонах, перенасыщенных языками» (имелся в виду, конечно, Кавказ), то здесь у него на повестку дня первым вставал вопрос о «слиянии» языков. И правда: Кавказ «насыщен» множеством народов, а, значит, и языков. Здесь представлены языки палеокавказские (иберийско-кавказские), индоевропейские, тюркские, монгольские (калмыцкий)

В этой связи значительный интерес представляет аварский язык, который, не считая сейчас влияния других языков (разносистемных), в IX—XIV вв. подвергся сильнейшему воздействию на него языка грузинского.

Широко известно, что в развитом средневековье влияние грузинского (картлийско-кахетинская зона, т. е. предтеча новогрузинского литературного языка) на аварский язык было заметным.

В указанные выше периоды христианская Грузия с престолом на востоке ее, т. е. близко к Аварии, влияла на пограничные зоны последней. Речь идет о таких аварских ареалах, как Гидатль, Хунзах, Анцух, Карах, Андалал, где мы и сегодня находим следы этого миссионерско-политического внедрения самого различного характера. Следы этой стратегии феодально-царской Грузии мы находим и по сей день в виде христианского типа часовен (ср. Датунский храм), крестов (каменных, стуковых) с чисто грузинской, грузинско-аварской, аварской надписями эпитафического свойства. Читаются они относительно легко (см. чтения Арн. Чикобава, Т Е. Гудава, Д. М. Атаева, К. Ш. Микаилова), носят в общем-то массовый характер и удивления у ученых не вызывают. Удивительнее всего — средоточие этих крестов — Хунзах и его окрестности. Что ж? Если в IX в. в Хунзахе (в Хунзахе ли собственно?) воссе-

---

Понятно, что в данном случае речь не должна идти о языках картвельских вообще (ни чанско-мегрельский, ни сванский с аварским, кажется, не контактировали, хотя в нашем распоряжении имеются интереснейшие, и потому малообъяснимые пока, лексические параллели, минующие грузинский).

дал епископ «Хунзахский» (по тексту: xundzebis episkoposi) Окропир (с груз.: «Златоуст»), то, кажется, можно представить себе, что царско-христианская Грузия играла далеко не последнюю роль в исторических судьбах Аварии. Мы попытались построить какой-то фон, как-то обосновать культурно-политическое (а отсюда и языковое) влияние Восточной Грузии на Аварию развитого средневековья.

Нам представляется, что на этом фоне неизбежным было влияние грузинского языка на аварские диалекты. Лексические параллели специалистам известны хорошо (А. С. Чикобава, И. И Церцвадзе, Ш. И. Микаилов, Т Е. Гудава, Б. К. Гигинейшвили, К. Ш. Микаилов) Сложнее разговор о морфологическом влиянии грузинского на аварский язык.

Маркировка именительного падежа характерна уже для периода грузинско-занского единства (сванский в этом пункте оснований для серьезных номинаций не дает) Т е. к периоду активного влияния грузинского языка на аварский мы уже имели все предпосылки для какой-то маркировки и т. н. Nominativ'а. Грузинский язык сыграл здесь решающую роль. Аварцы стали оформлять каждое назывное слово (-имя существительное) специальным аффиксом. Им послужило, как и в грузинском, местоимение *-ав* (I гр. кл.), *-ай* (II гр. кл.), *-аб, -иб* (III гр. кл.) «этот; эта; это» соответственно.

Хорошую иллюстрацию этого тезиса представляют авар. личные имена. Ср.: м. н. л. *ХIажи-й-ав*, ж. н. л. *ХIажи-й-ай* (от араб. *хIаджи* «святой», человек, совершивший «хадж», т. е. паломничество к мусульманским святыням в Мекке и Медине); (кусур. д-кт) *гIеч-иб* «яблоко» — общеавар. *гIеч; ген-иб* «груша» — общеав. *гени, калла-яб* «голова; череп· черепная коробка» от азерб. *каьле* «голова; головное место; сердцевина (арбуза, напр.)» и т. д.

Личные имена, равно как и показания архаических диалектов типа кусурского (на протяжении веков он находится в окружении цахурско-рутульского и азербайджанского языков и потому сохранил в себе древнейшие черты общеаварского состояния, чего не смогли сделать остальные аварские диалекты), которые после XII—XIV вв., пережив влияние грузинского языка, стали снова развиваться по общедагестанской модели.

Общий вывод из нашего сообщения таков: аварский язык испытал сильнейшее влияние на себе грузинского (картлийско-кахетинское наречие), но потом, с упадком государственности Грузии (позднее средневековье), перестал испытывать это влияние, и тип его (аварского языка) эволюции снова вошел в общедагестанское русло. Специальная маркировка субстантивов в именительном падеже почти утратила свои позиции, хотя заметные следы этой «старой инновации» весьма заметны и сейчас, особенно это видно на примере аварских личных имен.

П. А. Саидова

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАТИВОВ В ЗАКАТАЛЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

В аварском литературном языке принято выделять пять серий местных падежей. В каждой серии по три падежа: покоя, приближения и удаления. Но отдельные диалекты аварского языка сохранили большее число локативов, в них представлены формы еще одной серии с показателем *-тIа*.

Исследователи аварского языка выделяют серию на *-тIа* (А. С. Чикобава, И. И. Церцвадзе, Ш. И. Микаилов, З. М. Магомедбекова)

Характеризуя серию местных падежей I серии, обозначающей нахождение на чем-нибудь, Ш. И. Микаилов отмечает: «Этот падеж здесь имеет пять звуковых разновидностей формативов, представляющих из себя, как нам кажется, разные ступени фонетической трансформации: *-тIа, -да, -а, -ла, -та, -алълъда, -алда.* Очевидно, наиболее архаичным является окончание *-тIа,* ибо оно сохранило самостоятельное реальное значение как наречие (*тIа* «наверху») и это же значение передало местному падежу I серии»[1]

Формант *-тIа* как показатель серии местных падежей выделен в грамматике аварского языка А. С. Чикобава и И. И. Церцвадзе[2].

В специальной статье, посвященной серии местных падежей на *-тIа,* З. М. Магомедбекова отмечает: «В аварском языке обнаруживаются следы VI серии локативного падежа на *-тI.* В литературном языке серия на *-тI* почти полностью сливается с серией на *-д,* но в диалектах она выступает довольно ясно. Серия на *-тI* показывает нахождение предмета над другим предметом, обычно на горизонтальной поверхности»...[3]

Подобное разграничение расположения предмета на вертикальной или горизонтальной поверхности, на предмете вообще или над предметом характерно отдельным диалектам аварского языка, в том числе и закатальскому. В закатальском диалекте I серия местных падежей со значением «на», «над» имеет два показателя *-да* и *-'а.* Для современного состояния закатальского диалекта не ха-

---

[1] *Микаилов Ш. И.* Очерки аварской диалектологии. М., 1959, с. 85.

[2] *Чикобава А. С., Церцвадзе И. И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962, с. 151—154 *(на груз. яз.).*

[3] *Магомедбекова З. М.* Об одной серии местных падежей в аварском языке.— ИКЯ, т. VIII. Тбилиси, 1956, с. 235.

рактерно разграничение серий на *-да* и *-'а*. Форманты свободно могут заменять друг друга, сами носители не различают разницы между ними. Серия на *-да, -'а* показывает нахождение над чем-нибудь вообще, без разграничения расположения на вертикальной или горизонтальной поверхности, на предмете или над предметом.

Наблюдение над материалом позволяет в ряде случаев выявить значения, закрепившиеся за той или иной формой. Например, говорят: *хьюду'а кIяд* «на воде»; форма *хьюдуда кIяд* считается искусственной и не совсем правильной. Семантические границы употребления двух форм локатива I серии можно продемонстрировать на одном примере, где одно и то же слово принимает оба показателя в зависимости от места локализации: *къададa щикил' чIайля* «на стену повесили картину» (показатель *-да*, значение — «на вертикальной поверхности», «на чем-нибудь»); *къада'а кIеп хьюри* «на стену положил камень» (показатель *-'а*, значение — «на горизонтальной поверхности») Но подобное разграничение значений и показателей прослеживается нечасто. Все большее употребление получают формы на *-'а*, которые постепенно вытесняют формы на *-да*. Например: *бикIя'а* «на голове», *гъотIо'а* «на дереве», *ъада'а* «на голове».

По существующему принципу распределения на серии следовало бы ожидать формы: *бикIяда, гъотIода*. Формант *-да* соответствует аналогичному форманту I серии аварского литературного языка со значением «на»: *къададa* «на стене», *керда* «на руке», *дидяда* «на отце», *гилшида* «на пальце», *му'руда* «на горе». Формант *-'а* в основном имеет значение, которое в аварском передается показателем *-тIа*, показывает расположение на горизонтальной поверхности и над чем-нибудь: *къада'а* «на стене», *хьюду'а кIяд* «на воде».

I серия имеет две падежные формы — локатив и элатив. Аллатив морфологически не выражен, совпадает с локативом. Следует отметить, что Махмудов А. Р описавший еще в 40-х годах закатальский диалект, выделяет только один формант I серии *-да*. Возможно, автор исследования считал второй формант *-'а* усеченной формой первого, особенностью беглой устной речи. Оба форманта I серии *(-да, -'а)* представлены во всех говорах закатальского диалекта. Второй из них *-'а* является соответствием аварскому абруптивному *-тI*. Аналогичное соответствие характерно также для ряда говоров южного наречия аварского языка. Здесь же отметим, что в первой работе о закатальском диалекте дана несколько иная классификация серий местных падежей. Выделена самостоятельная серия на *-кI'* соответствующая аварской серии на *-кь* со значением «под чем-нибудь». И сюда же почему-то отнесены формы, сходные с аварскими формами, показывающими нахождение в сплошной среде, в определенной массе, хотя семантически и формально обе формы различаются. На самом деле первая форма на *-кI'* встречается в диалекте спорадически, буквально в нескольких устойчивых выражениях, соответствующих формам IV серии аварского языка. Нет оснований для выделения самостоятельной

серии на *-кI'* Вторая форма на *-хь'*, приведенная автором, — не что иное, как перевод аварских форм на *-лъ*, и в исследуемом диалекте не имеет места. Сказанное подтверждается следующими словами самого автора: «...серия включает в себя по существу две различные серии со значением «под чем-нибудь» или «в чем-нибудь». Из этого нетрудно понять, что речь в данном случае идет фактически о двух разных сериях.

II серия местных падежей на *-хъ* показывает нахождение предмета «у», «рядом», «около чего-либо». Серия имеет три падежа: покоя, приближения и удаления.

Примеры:

локатив	*гъотIохъ*	«у дерева»,
аллатив	*гъотIохъи*	«к дереву»,
элатив	*гъотIохъса*	«от дерева».

III серия местных падежей показывает нахождение предмета «в чем-либо», «внутри чего-либо». Эта серия обозначает как нахождение внутри вместилища, полого пространства, так и в сплошной массе (в жидкостях, сыпучих телах, предметах, могущих представить собирательное единство). Формант III серии *-ну* — с возможными предшествующими наращениями, оформителями основы. Примеры: *рохьюну* «в муке», *бидуну* «в крови», *хьюдуну* «в воде», *нюхIуну* «в масле», *бардахуну* «в кувшине», *хьигину* «в кастрюле». III серия имеет только две падежные формы — локатив и элатив.

лок.	*хьюдуну*	«в воде»,
элат.	*хьюдунуса*	«из воды».

В Мацехском подговоре сохранилось уникальное различие форм, обозначающих нахождение в полом пространстве и в сплошной среде: *рукIюхь' хьюйля* «положили в землю» (ср. ав. *ракьулъ лъуна*) и *рокI'но бикъу тала* «спрятал в земле» (т. е. в глубине земли).

Из всего сказанного можно заключить, что в закатальском диалекте аварского языка представлено только три серии местных падежей со значением «на», «около», «у», «внутри». Отсутствуют серии, показывающие нахождение «под чем-либо», а также «в сплошной среде». Значение V серии аварского языка, показывающей нахождение «под чем-либо», оформляется локативом I серии на *-да* и послелогом *ъодоб* «под» (*гъотIода ъодоб* «под деревом»).

Изредка встречающиеся реликтовые формы (типа *миликI' во' нугуй* «не путайся под ногами») с не характерными для современного состояния закатальского диалекта падежными формантами говорят о наличии в прошлом большого количества серий местных падежей, о тенденции к сокращению типов склонения по сериям.

Говоры диалекта не выявляют существенных расхождений в оформлении серий местных падежей.

С. М. Гасанова

ОСОБЕННОСТИ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ АМУХСКОГО НАРЕЧИЯ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Амухское наречие, расположенное вне даргинской территории, в Агульском районе, среди носителей бесписьменного агульского языка, представлено двумя диалектами — собственно амухским и худуцинским.

Падежная система амухского наречия имеет ряд интересных в научном отношении специфических признаков, по которым можно судить о развитии падежной системы даргинского языка в целом.

Остановимся на каждом падеже в отдельности по обоим диалектам.

Эргатив в худуцинском оформляется посредством форманта *-ли, -л;* в амухском в эргативе выступают форманты *-л, -ли* (в ед. ч.), а во мн. числе формант *-тти*. Последним амухский диалект отличается и от литературного языка и от худуцинского диалекта.

Если в худуцинском диалекте в эргативе как ед., так и мн. числа выступает формант *-л* (с огласовкой или без нее), то в амухском формант *-л* является единой нормой выражения эргатива.

В тенденции выравнивания или сведения формантов эргатива к единому форманту *-л* заключается отличие амухского диалекта от худуцинского.

Приведем эргатив во фразах: в амухском в ед. ч.: *гъакьлал бучIил ца газат* «пастух читает газету», во мн. ч.: *гъакьлиметти дучIи ца газете* «пастухи читают газеты»; в ед. ч.: *урчил бикил ца пургьун* «лошадь везет тележку», во мн. ч.: *ирчетти дикил ца гIаIрабне* «лошади везут арбу»; в худуцинском в ед. ч.: *дуклушли кьари дику мацца* «чабан пасет овец», во мн. ч.: *гъакьанал кьари дику кьули* «пастухи пасут коров».

Родительный падеж не имеет отличий в оформлении. Приведем примеры на этот падеж во фразах в амухском диалекте: в ед. ч. *Дила урчила гIаIхци бахьхьала ца* «У моего коня хороший ход», во мн. ч. *кьулелла дахъил нег кацIил ца* «У коров много молока (идет)».

Дательный падеж в амухском и худуцинском диалектах оформляется посредством форманта *-й* в отличие от литературного языка и большинства даргинских диалектов, где выступает формант *-с:* в амух. *хвоIий гIагIгънил ца биччи берччи* «собаку

надо накормить», в худуцинском *Ду кьулай къулукбиркьулда* «я ухаживаю за коровами».

Направительный падеж в амухском оформляется разными формантами *-ши, -ий, -ни, -нни, -ли.* Например: *Ду киригилда урчили* «я сижу на лошади; *дул ирхвилда урчий* «я стреляю на лошади», *чимасагIаI дила урчиши* «не подходи к моей лошади», *ду агурда гьинне* «я пошла за водой».

В худуцинском направительный падеж оформляется формантами: *-цци, -нне, -на, -ле.* Напр. *Авчни агур вацIацци* «Пастухи пошли в лес», *ду гьинне агурда* «я пошла за водой», *кайжи гъила мусна* «сядь на свое место».

Сравнительный падеж оформляется посредством суффикса *-рка,* прабавляемого к направительному падежу на *-ли* в амухском, и к тому же падежу на *-ле* в худуцинском. Например, в амух.: *Дайаркабала зарплата хулаци ца царате совхозла рабочийли-рка* «зарплата доярок выше, чем у других рабочих совхоза».

В худуцинском: *Дайаркабалла зарплата хулаци цаб царати совхозла рабочийлерка.*

Повествовательный падеж в амухском оформляется, как и сравнительный падеж, посредством форманта *-рка:* например, *Дила урчилирка гъай букIил ца гьар мусеб* «о моей лошади говорят всюду». В худуцинском *Илттал чула гьаIчлерка хабар бурсиб* «Они рассказали о своей работе».

Исходный падеж оформляется так же, как сравнительный и повествовательный падежи, — посредством форманта *-рка* — в амухском: *Кубачирка гьабачIиб дашши хьуIлбе* «Из Кубачи ко мне приехали гости», *Итте себягъиб гъаIчлирка* «они пришли с работы». В худуц. *ВацIаццирка турасавхъанни буцIарри бирхвар* «Когда выходишь из леса, бывает жарко»; *СахIаIт вецIаллерка вецIнукIвира диченна вичIи* «от десяти до двенадцати часов приходит».

Местный падеж в амухском оформляется в основном посредством классных экспонентов, например: *Дуццаниб бу бецI* «В лесу есть волк», *дуццанид дикIвил ца ахъ ккалккме* «в лесу высокие деревья». В худуцинском *Ду сахIаIт хьваллер гьарицциурда* «я встала в пять часов», *Ду гъаIрруркIулра шиниш кьарре* «я смотрю на зеленую траву»; *дубуржед гьар журалла кьар дикIар* «в горах растут разнообразные травы».

Итак, основными падежами амухского наречия являются абсолютив, эргатив, родительный, дательный, повествовательный, сравнительный и исходный.

Согласно традиции мы относим повествовательный падеж к основным. Однако в амухской падежной системе основным является и направительный, от которого образуется повествовательный и исходный. Говоря о направительном падеже как основном, мы имеем в виду не только использование его в качестве исходного для образования повествовательного и исходного падежей, но также и употребление его в функции этих падежей. Именно таким является направительный падеж на *-ли.*

Падеж причины в амухском диалекте, как и в худуцинском, не оформляется, а его значение передается описательным путем или словосочетанием. Например: *бецI багьнал* «из-за волка».

Образование падежей амухского наречия мы представляем так: от абсолютива идет общая падежная основа с формантом *-л*, давшая начало направительному и родительному падежам с разными огласовками (*-е, -и, -а*), а также дательному падежу с формантом *-ий*. Эргатив же, функции которого выполнял направительный падеж, образовался от направительного с формантом *-ли* (> *-ле*), но без огласовки, т. е. с формантом *-л*.

Приведем схему образования падежей.

Абсолютив

Падежная основа на *-л*

родительный *-ла*

дательный *-(л) ий*

Направительный *-ле*

эргатив *-л* исходный *-рка*

Таким образом, из сказанного о падежной системе амухского наречия можно заключить.

I. В амухском наречии специфическими являются падежи эргатива — с формантом *-л* (для эргатива ед. ч. (*бецIил* «волк») и с формантом *-тти* (< *-ди*) — для эргатива мн. ч. (*кьулетти* «коровы»). Если в худуцинском диалекте в качестве формантов эргатива (ед. ч.) выступают *-л* или *-ли*, то в амухском диалекте формант *-л* является единой нормой употребления.

Возможно, что формантом эргатива мн. ч. исторически являлся *-тти* (< *-дил*) с ауслаутным *-л*. Об этом можно судить из сохранившейся формы эргатива (*бицIеттил* «волки», с ауслаутным *-л*), вместо ожидаемого *бицIетти*, аналогично с кьулетти «коровы» и другими такими же формами эргатива без ауслаутного *-л*, употребляемыми в настоящее время в амухской речи.

II. В амухском и худуцинском диалектах от абсолютива образуется общая падежная основа на *-л*, давшая начало направительному и родительному падежам с формантом *-л*, но с разными огласовками: *-л и(-л, -ле), -ла*.

Не все направительные падежи образуются одинаково. Падежи с формантами: *-цци (-зи), -на, -й* образуются от абсолютива, а направительный с формантом *-ли* (> *-ле*) — от общей основы на *-л;* что же касается направительных падежей с формантами

-шшц, -шши — они образуются от направительного же падежа на *-ли* (> *-ле*). Видимо, падежи, образованные от абсолютива, хронологически древнее. Они являются таковыми как по своему образованию, так и по своему семантическому содержанию. Те амухские направительные падежи, которые образуются от абсолютива, в других диалектах берут свое начало от основы на *-л*. Ср. *вацIацци* (в амухском и худуцинском диалектах) «в лес», но *вацIализи* (в лит., мекегинском, урахинском и др. диалектах).

III. Исходный падеж с формантом *-(р)ка* совмещает три функции: исходного, повествовательного и сравнительного; например, *бецIлерка* передает три падежных значения: «с волка», «про волка», «чем волк». Полуфункциональность этой падежной формы свидетельствует, что в амухской падежной системе не успела произойти морфологическая дифференциация этих трех падежей.

IV Значительный интерес представляет местный падеж на формант *-р*. Формант *-р*. восходящий исторически к классному экспоненту, находится здесь в окаменелом состоянии. В той же позиции литературных форм и тех же падежных форм большинства даргинских диалектов классный экспонент, выполняющий роль форманта местного падежа, является живой нормой употребления, выступая в виде *-б, -в, -р,* согласуемых с субъектом действия.

Например: *рурси вацIализир сари* «девочка в лесу (есть)», *урши вацIалйзив сай* (< *сави*), «мальчик в лесу», *унц вацIализиб саби* «бык в лесу»; ср. с амух.: *рурси вацIалицци-р сари; уршшил вацIалицци-р сай; унц вацIали-цци-р саби.*

Наличие единого форманта *-р* местного падежа в амухском наречии — явление позднего порядка [1].

---

[1] О форманте *-р* местного падежа, который не изменяется, а застыл в одном из классных экспонентов в виде *-р* в муиринском наречии. См.: Очерки даргинской диалектологии. Махачкала, 1971, с. 172 и 497.

А. А. Абдуллаев

ИЗМЕНЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПАДЕЖЕЙ ЛАКСКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ЛАКСКО-РУССКИМ БИЛИНГВИЗМОМ

Начиная с пятидесятых годов XX века лакский язык функционирует в таких социолингвистических условиях, без всестороннего учета которых едва ли могут считаться полными теоретические построения относительно данного языка в целом или отдельных его подсистем. Речь идет о массовом лакско-русском двуязычии, нынешнее состояние которого можно вкратце изобразить следующими цифрами: из 100 тыс. лакцев (по переписи населения 1979 года) 73 тысячи свободно владеют родным и русским языками; 5 тыс. владеют лишь русским, а 22 тыс. — лишь лакским. Если иметь в виду, что значительную долю этого последнего составляют дети дошкольного возраста, являющиеся потенциальными билингвами, лакцы-монолингвы, владеющие только лакским, составят мизерный по отношению к билингвальной массе процент. Кроме того, эту категорию лакцев отличает подражание речи билингвов на лакском языке.

Тот огромный информативный и понятийный фонд, который лакцы усваивают и в основном используют в общении на русском языке, находит частичную социально мотивированную актуализацию на лакском языке; речемыслительные категории, характерные для русскоязычной коммуникации лакцев, применяются и в общении на своем языке.

Внутренняя структура лакского языка в сложившихся социолингвистических условиях не может оставаться безразличной к внешним факторам. Существенные изменения претерпевает система именного склонения и многопадежность.

Исследование современного состояния устной лакской речи, языка газет, журналов, радио, художественной и общественно-политической литературы, переводов с русского языка и через него с других дает нам возможность говорить о наметившихся тенденциях изменения функций некоторых падежей, охвативших все сферы бытования лакского языка. Рассмотрим наиболее существенные из них.

1. Местный падеж с формантом *-чIа* обозначает предмет, в неконтактной близости с которым находится другой предмет или

происходит действие, например: *КIану тахличIа бур* «Табуретка стоит у кровати». Социально менее существенные, коммуникативно малоинформативные и функционально менее нагруженные формы местных падежей с формантами *-цI, -х, -ий,* редуцируясь, в основном в литературном языке, передают свои функции форме на *-чIа,* более отвлеченной по семантике. Например, *къавтIилучIа* «у костра», *ххуллучIа* «у дороги», *жучIа* «у нас» употреблены вместо (и наряду) *къавтIух, ххуллуцI, жунний.* Эта форма также используется для выражения отвлеченных значений, ранее присущих другим падежам. Например, в значении: а) обладания — *ВичIа машина бурив?* «У тебя машина есть?» (ср. традиционную конструкцию с родит. п. *«вил»*); б) наличия во временном пользовании — *вичIа билет бурив?* «У тебя билет есть?» (ср. традиц. *«вихь»*); в) бытийности — *Хъунама цачIава урив?* «Начальник у себя?» (исконного эквивалента этой фразы в лакском не было); г) состояния, способности, возможности — *ИнсантурачIа кIулшивува опыт биялхъанай бакъая* «У людей не хватало знаний и опыта» (ср. *инсантуран* «людям»).

2. Местный падеж с формантом *-щал,* указывающий на предмет, которому сопутствует другой, активно употребляется для выражения и неместных значений, отвлеченных значений: а) характеристики предмета через другой — *уттасса хъачIинтташал* «с широкими плечами», *лахъсса чурххащал* «с высоким ростом», *цикIуй къатIисса ярунищал* «с ничего не говорящими глазами»; б) причины — *отравлениялущал* «с отравлением», *почкардащал* «с почками» и т. д., то есть по болезни почек; в) ингредиенции, причисления — *Ттущал урчIа уссару* «Со мной девять» (ср. традиц. *нагу уну буквально* «и я имеясь»); г) предмета как атрибута другого предмета, по отношению к которому состоит в субординативной зависимости — *виргъандалущалсса тах* «кровать с одеялом» (ср. *виргъан ялтту руртсса* «с накинутым одеялом).

Замечена тенденция к замене традиционных конструкций с расплывчато очерченными логическими субъектом и предикатом, четко дифференцированным противостоянием подлежащего и сказуемого. При этом известную экспансивность проявляет эргативная конструкция, которая вытесняет из сферы своего традиционного функционирования номинативную. Например, при сказуемом-глаголе, переходном, несовершенного вида, состоящем из деепричастия и вспомогательного глагола, подлежащее должно быть выражено именительным падежом. Отмечены многочисленные случаи выражения подлежащего в такой ситуации эргативом. Например: *Ттун ччай бур ванан хьун, ваналгу на буцлай ур* «Я хочу выйти за него, и он женится на мне» (ср. ожидаемое *«ва»*). На месте номинатива эргатив употребляется, как правило, если между подлежащим и сказуемым, выраженным непереходным глаголом, стоит деепричастие от переходного глагола. Например: *Мужикнал ттуккугу къачагънахьхьун буллуну цIукул хъирив лавгуна* «Мужик, передав осла разбойнику, пошел за козой»; *Цуркилгу ганал янна ларсуну акъа хьуну ур* «И вор, взяв его одежду, исчез».

(Примеры из изложений двуязычных учеников, для которых функционально первым является русский язык).

3. Местный падеж со значением «предмет, на поверхность которого направлено действие» заметно уступает форме на *-вун,* указывающей на направление внутрь. Например: *шагьрулувун, школалувун, кузовравун* вместо *шагьрулийн* «в город», *школалийн* «в школу», *ккузалийн* «на кузов».

Любопытны стилистически обусловленные синонимы в книге З. Айдемирова «ХIакин» — *Чямадан ккузалийн палцI бувна* «Швырнул чемодан на кузов» (с. 25), *Татьяна кузовравун лахъан бувна* (там же). Первый пример отражает адаптацию и носит окраску *просторечности* и некоторой архаичности, тогда как второй литературно предпочтительнее.

4. Наблюдаем случаи развития лакскими глаголами категории переходности, отсутствовавшей у той или иной глагольной лексемы в прошлом. Например: *Жу уссу хьуна акьин най буру* «Мы идем встречать брата». Также имеются случаи развития каузации у глагола. Например: *Уссил цала дус жущал кIул унни* «Брат познакомил с нами своего друга».

5. Если раньше у лакцев бытовали только личные имена арабо-восточного происхождения, то в связи с переинтеграцией их в русско-европейский культурный ареал с русским языком-моделью появилось много европейских имен. Их употребление интенсифицирует давно наметившийся процесс редукции исконно ущербного звательного падежа.

Итак, в лакской речи употребляются новые, возникшие в период функционирования лакско-русского билингвизма значения падежей, которые не расшатывают системы в целом, а ускоряют актуализацию исконных потенций самого лакского языка. Следует подчеркнуть, что грамматические инновации возникли в связи с массовым билингвизмом.

Н. Г Исаев

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ МЕСТНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ЦАХУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Цахурский язык относится к числу многопадежных кавказских языков. Падежи цахурского языка группируются на основные и местные. Местные падежи образуют 4 серии, в каждую из которых входят по 3 падежа. Вопросы падежей в данном языке в определенной степени получили освещение в работах разных исследователей.

Данная работа посвящена анализу значений исходных падежей цахурского языка по данным говора с. Калял.

В цахурском языке различаются 4 исходных падежа. Исходный I падеж обозначает объект, изнутри которого совершается действие. Форма данного падежа образуется от основы I местного падежа путем прибавления к ней суффикса атрибутивности *-н, -и* — показателя неразумности и *-е* — окончания исходного. Ср. *Ведренче са литра хьинена алябтIына* «Из ведра взяли литр воды». Форма исходного I падежа обозначает также предмет, сквозь который совершается действие. Ср. *Къадах осенче илгъечIвин* «Гвоздь прошел сквозь древесину»; *Гулле осенче илгъевчIуна* «Пуля прошла сквозь дерево».

Данная форма распространяет это значение и на те слова, которые не имеют своего материального денотата. Ср. *Манкъуни фыкренче хаIдта карбывод алгъаI* (Букв. «через его мысль проходит много вещей) «Он думает о многих вещах».

Таким образом, форма I исходного падежа совмещает в себе как минимум два значения: обозначает предмет, изнутри которого и сквозь который совершается действие. Вторая особенность данной формы состоит в том, что она, возникнув для обозначения конкретных предметов (в физическом смысле слова), изнутри которых совершается действие, в дальнейшем распространяется и на абстрактные существительные.

Исходный II падеж обозначает предмет, с горизонтальной поверхности которого совершается действие. Ср. *Гадебы ганзыле дамехъа окIалеб* «Мальчики прыгают в реку со скалы».

Данная форма употребляется для выражения и других значе-

ний. Она обозначает предмет, по горизонтальной поверхности которого совершается действие. *Мана тириле илгъечIуна* «Он прошел по бревну». *Пегьливан симыле илгъечIуна* «Канатоходец прошел по канату». Данная падежная форма употребляется для обозначения предмета, через который совершается действие. Ср. *Джанавар чапарыле обкIулна* «Волк прыгнул через забор». *Мана осале илгъечIуна* «Он перешагнул через бревно». В данной форме ставятся слова, обозначающие различные отрезки времени, по истечении которых совершается действие. Ср. *Дарс са саа Iтыле чIа Iвхьайн* «Занятие закончилось через час». *Солдат са сенеле хъалесда* «Солдат вернется через год». В исходной II форме ставятся слова, обозначающие предмет, с которым сравнивается другой предмет. Ср. *Осале йива йы Iкьдавод* «Железо тяжелее дерева». *Хāле йив ахтыбавоб* «Дерево выше дома».

Форма исходного II падежа образуется от основы II местного падежа путем прибавления к этой основе окончания *-е*.

Таким образом, форма II исходного падежа имен существительных совмещает в себе несколько значений: обозначает предмет, с поверхности которого совершается действие, предмет, по поверхности которого совершается действие, и предмет, через который происходит действие. Эта форма имеет и временнóе значение.

Форма III исходного падежа обозначает предмет, от непосредственной близости которого совершается действие Она образуется от формы дательного падежа прибавлением к ней окончания *-е*, но при этом *-с*, на который оканчивается дательный падеж, удваивается. Ср. *Адамис* (дат падеж) — *с* + *е* (исходный III падеж) «от мужчины». *Дерйейссе ши гьа Iшде хъабы* «Мы только что пришли с моря».

Данная форма обозначает субъект непроизвольного действия. Ср.: *Манкъуссе банкIа гьабкьырна* «Он (нечаянно) разбил банку». Форма исходного III падежа обозначает субъект который не в состоянии совершить то или иное действие. Ср. *Гадейссе аккаахъас дяхы Iн* «Мальчик не смог открыть дверь». Отмеченная форма в цахурском языке обозначает лицо, у которого что-либо отбирают. Ср. *Гадейссе чIика алятIвин* «У мальчика взяли нож».

Исходная III форма имеет несколько значений: обозначает предмет от которого совершается действие, субъект непроизвольного действия, лицо, которого лишают чего-либо, субъект, который не в состоянии совершить то или иное действие. Эта форма обозначает предмет, от непосредственного соприкосновения с которым совершается действие На современном этапе развития цахурского языка какое-либо из этих значений этой формы трудно безоговорочно признать в качестве главного.

Форма IV исходного падежа обозначает предмет, с вертикальной поверхности которого происходит действие. Ср. *Баргваке кагъыз джурхьайн* «Бумага отклеилась от стены». Данная форма имеет и временнóе значение. Эту форму имеют существительные со значением времени. Ср. *Солдат са вузаке хāхъа хъарна* «Солдат

вернулся домой через месяц». Слова в исходной IV форме обозначают субъект непроизвольного действия. Ср. *Заке истекан гьабкьырна* «Я (нечаянно) разбил стакан». Форму IV исходного падежа приобретают и существительные, обозначающие материал, из которого сделан предмет. Ср. *Ман хав къайейке алыы* «Этот дом построили из камня». Данная форма обозначает предмет, о котором идет речь. Ср. *Шембы ишике йушенаавоб* «Они говорят о работе»; эту форму приобретают слова, обозначающие предметы, препятствующие совершению какого-либо действия. Ср. *Шассе йизыке гьогьарас вахаI дешди* «Из-за снега мы ходить не могли».

В форме IV исходного падежа ставятся слова, обозначающие предметы, через которые совершается действие. Ср. *Ши дамаке гьогьар илгъебчIы* «Мы перешли реку вброд».

Исходная IV форма обозначает не только вертикальную поверхность, с которой совершается действие. Она обозначает предмет, с любой поверхности которого совершается действие. Ср. *Дахаке кIарамет I къиъидхьвин* «От крыши отпала черепица». *ПIолуке тамата джуравхьана* «Плинтус отделился от пола».

Данная форма обозначает также предметы, которые по своей природе не могут иметь вертикальную поверхность. К ним относятся в первую очередь сыпучие тела и жидкости.

На основе анализа значений исходных падежей цахурского языка можно сделать некоторые выводы.

1. Исходные падежи цахурского языка совмещают в себе не только пространственные значения. В некоторых исходных падежах в результате их дальнейшего развития формируется и временно́е значение.

2. Для выражения значений местных падежей употребляются слова со значением собственного предмета и абстрактные имена.

3. Развитие непространственных значений исходных падежей в основном обусловлено особенностями семантики соответствующих существительных и сочетающихся с ними глаголов.

4. Между значениями (особенно неместными) исходных падежей нет четкой границы. Нередко значение одного исходного падежа выражается в форме другого исходного падежа. Так, II и IV формы исходных падежей в их временно́м значении синонимичны друг другу (*сенеле* — II исходная форма, *сенеке* — IV исходная форма) Исходный I падеж и исходный IV падеж совпадают в своих значениях, когда они употребляются для обозначения предмета, сквозь который совершается действие. Форма III исходного падежа в своем значении субъекта непроизвольного действия синонимична форме IV исходного падежа в этом значении.

5. В результате развития у некоторых исходных падежей полисемии пространственное значение в них перестало быть определяющим, каким оно было когда-то.

Исходные падежи цахурского языка совмещают в себе по два и более значений. Развитие значений исходных падежей цахурского языка шло и идет по линии приобретения непространственных значений.

М. Г Исаев

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕНИЙ АНЦУХСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Система склонения анцухского диалекта всегда привлекала внимание исследователей. Анцухский диалект называют одним из наиболее реликтовых аварских диалектов[1] Впервые на яркие особенности склонения в анцухском диалекте обратил внимание Арн. Чикобава. В дальнейшем склонение в этом диалекте рассмотрено в работах И. И. Церцвадзе и Ш. И. Микаилова, которые достаточно подробно исследовали падежную систему некоторых говоров указанного диалекта. Выявление особенностей каждого говора дает дополнительный материал, сопоставление которого с данными других говоров и диалектов аварского языка может пролить свет на некоторые вопросы склонения аварского языка. Рассмотрим некоторые вопросы склонения существительных и местоимений в анцухском диалекте и в литературном аварском языке.

1 Существенным отличием анцухского диалекта, как и большинства южных диалектов, от литературного языка и северных диалектов является наличие в нем так называемого архаического склонения, в то время как в литературном языке и в северном наречии архаические формы встречаются лишь спорадически. Кроме того, окончания эргатива имеют другое оформление, т. е. *-д ,-лIа* || *-лӯа* вместо литературных *-ца, -алъ*. В косвенных падежах диалекта чрезвычайно развита регрессивная ассимиляция гласных корневого слога. Ср.: *цIа* «огонь» — литературное *цIаялъ* || *цIадуца*, анцухское *цIудуд, рагъ* «война» — лит. *рагъалъ* || *рагъуца*, анц. *ругъуд, сас* «звук» — лит. *сасалъ*, анц. *сасид* || *сисид, гъеду* «ворон» — *гъедоялъ* || *гъадица*, анц. *гъидид, гIор* «река» — лит *гIоралъ* || *гIоруца*, анц. *гIуруд, гIи* «овца» — лит. *гIиялъ* || *гIияца*, анц. *гIайад*.

---

[1] *Микаилов Ш. И.* Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959, с. 32.

2. Основообразующие суффиксы литературного языка и анцухского диалекта в основном совпадают. Как известно, в литературе существуют разные обозначения для этих суффиксов, а также — разные мнения об их природе. Однако можно предположить, что в древности основообразующие суффиксы группировали имена существительные по определенному значению. Так, анцухские существительные с основообразующим суффиксом *-алд* || *-алз* обозначают части тела: *нодо* «лоб» — *над-алд, маӿIу* «нога» — *маӿI-алд* (так же склоняются *маӿцI* «язык», *ӿумаӿ* «морда», *ӿцIину* «пупок», *гъеж* «плечо», *наку* «колено»). Или же существительные с суффиксом *-и-* обозначают животных: *гету* «кошка» — *гит-и-д, ӿIелеку* «петух» — *ӿIилк-и-д* (так же склоняются *гIанкIу* «курица», *бехIче* «теленок», *дегIен* «козел», *гIачIар* «телка», *ӿIама* «осел», *бацI* «волк» и др.). В настоящее время, потеряв свое значение, основообразующие суффиксы сохранились в составе слова как чисто формальные элементы его структуры.

Возможно, следствием десемантизации этих суффиксов является: а) потеря этих суффиксов некоторыми существительными; б) употребление разных суффиксов с одним и тем же существительным; в) появление так называемого «живого» склонения существительных, при котором существительные изменяются по падежам по одной и той же модели, без основообразующих суффиксов.

Основообразующими суффиксами в анцухском диалекте выступают чаще всего гласные *-а-, -и-, -о-, -у-, -е-* или сочетание гласных и согласных *-да-, -ду-, -ад-, -ас-, -алъ-, -алд-*. Немногие существительные отличаются основообразующими суффиксами в литературном языке и в анцухском диалекте: *чед* «хлеб» — лит. *чад-и-ца,* анц. *чуд-у-д, гьоцIо* «мед» — *гьацI-у-ца,* анц. *гьицI-и-д, ракъи* «голод» — *ракъ-у-ца,* анц. *ракъ-ла-д, гIус* «зуб» — *гIус-о-ца,* анц. *гIус-алд, гул* «сноп» — *гул-ица,* анц. *гул-а-д, гьир* «мешок» — *гьир-и-ца,* анц. *гьур-у-д, гIетI* «пот» — *гIетI-у-ца,* анц. *гIокьI-о-д* и некот. др.

В анцухском диалекте разные типы склонений употребляются для разных значений многозначного слова: *маӿцI* «язык (орган)» — *маӿцI-алд,* но *меӿцI-е-д* «язык (средство общения)», *рокъ* «дом» — *рукъ-у-д,* но *рокъ-алъ* «люди этого дома».

В художественной литературе иногда встречаются двойные окончания в косвенных падежах; ср.: эрг. пад. *чо-ду-ца* «лошадь», *би-ду-ца* «кровь», *кIкIуй-ду-ца* «дым», *ци-ду-ца* «медведь». В анцухском диалекте двойные окончания не употребляются: *чо-д, би-д, кIуй-д, ци-д.*

3. Эргативный падеж одного из говоров анцухского диалекта

АБ[2] отличается от всех остальных тем, что в нем выступает особое окончание *-лIа* (вопросы этого падежа *лъилIа?* «кем?», *сунлIа?* «чем?») вместо обычного для южных диалектов *-д* в других говорах: *ци-лIа* «медведь», *носо-лIа* «нож». Интересно, что в АБ тот же формант употребляется и в личных местоимениях 1-го и 2-го лица: *ди-лIа* «я», *ду-лIа* «ты», *неже-лIа* «мы», *нелъе-лIа* «мы (инклюз.)», *можо-лIа* «вы». В других говорах в единственном числе встречается вариант *-лIа: -лI* или *-лъа; ди-лI* || *ди-лъа* «я», *ду-лI* || *ду-лъа* «ты», а во множ. числе тот же *-д: неже-д, можо-д,* в АА, АТ — параллельные формы с *-д* и *-лI: неже-лI* || *неже-д* «мы» *можо-лI* || *можо-д.*

Эти данные свидетельствуют, видимо, о том, что эргатив единственного и множественного числа личных местоимений образовался не в одно и то же время.

4. Во всех говорах анцухского диалекта возвратное местоимение *жив* «сам» в косвенных падежах отличается от *жий* «сама» и *жиб* «само».

АБ, АТл: *жив — женед, женел, женей,*
жий, жиб — жунуд, жунул, жунуй.

АТ, АЧ, АА: *йи(в) — йенед* || *гьенед, йенел* || *гьенел, йеней* || *гьенеей,*
йи(й), йиб — йонод || *гьинод, йонол* || *гьинол, йоной* || *гьиной.*

Аналогичное различие наблюдается также в закатальском диалекте и тлесерухском говоре карахского диалекта, в то время как склонение этих местоимений в литературном языке и северном наречии совпадает[3].

5. Особо следует остановиться на дательном падеже говоров АА, АЧ, АТ анцухского диалекта, в котором всеми исследователями выделяются классные показатели[4]. Данные анцухских говоров свидетельствуют, однако, о вторичности этих классных показателей, которые восходят к глаголу *бези* || *бегьзи* «быть». Этот глагол присоединяется к форме дательного падежа существительных. При этом конечный *-зи* глагола спорадически опускается. Так, *ди-бе(зи)* «мне» *-ди* (дат. п. от *дун* «я») «мне» + *бези* «быть». Кстати, подобное аналитическое выражение характерно и для других падежей большинства говоров этого диалекта (см. ниже). В

---

[2] Сокращенное обозначение говоров анцухского диалекта заимствовано у Ш. И. Микаилова: АБ (бухнадинский), АЧ (чадаколобский), АА (анцросунхадинский), АТ (ташский), АТм (томоринский). См.: *Микаилов Ш. И.* Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959, с. 51. АТл (тлянадинский) и АТлеб (тлебелальский) введено нами.

[3] *Жирков Л. И.* Аварско-русский словарь. М., 1936, с. 176.

[4] *Чикобава Арн.* Склонение местоимений аварского языка. — Известия ИЯИМК, т. XII, Тбилиси, 1942, с. 50; *Церцвадзе И. И.* Анцухский диалект аварского языка.— ИКЯ, II, Тбилиси, 1948, с. 208; *Микаилов Ш. И.* Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. — Махачкала, 1964, с. 39.

этих же говорах дательный падеж может выступать и без второго компонента, т. е. как *дуй* «тебе», *ди* «мне», *ясалъи* «девочке», а в АТл это аналитическое образование функционирует всегда раздельно: *дуй бегьзи* «для тебя» (букв. «тебе быть»), *лъий бегьзи боса гьаб чу?* «Кому (быть) купил эту лошадь?»

6. Интересно отметить, что в таких существительных, как *аскар* «армия», *рагъ* «война», *канцерт* в сочетании с глаголом *энзи* «идти» в в анцухском диалекте выступает дательный падеж: *аскаруй, ругъуй, канцертуй энзи* «в армию, на войну, на концерт идти». В аналогичных же существительных в этом падеже может выступать основообразующий *-(а)-лъ: аскаралъи, армиялъи, кинолъи, канцерталъи энзи*, редко — *-(у)д: аскаруди, киноди энзи*. Видимо, в анцухском диалекте еще не выработалось единое склонение этих заимствованных слов. В литературном языке уже устоялась серия *-да: киноялде, армиялде ине* «пойти в кино, в армию».

7 Изучение языка художественных произведений показывает, что в литературном аварском языке также не наблюдается четкого распределения функций между сериями местных падежей. Один сериальный показатель имеет зачастую разные значения или же разные серии — одно значение. Ср.: *бакъда* или *бакъукь* «на солнце», *нижеде* или *нижехъе* или *нижелъуре рачIа* «к нам приезжайте», *нухаб* или *нухда* «по дороге», *Америкаялде* или *Америкаялъе щвана* «в Америку приехал».

8. Употребление серии *-да* в литературном языке и в анцухском диалекте в основном совпадает. В литературном языке с некоторыми глаголами вместо ожидаемого адитива употребляется форма локатива: *ГIилла бицина дица дуда*[5] «причину скажу я тебе», *Дица магIарулазда бицана* «я горцам сказал», *Катида кIалъарабила гьедо* «с кошкой разговаривал ворон». В анцухском диалекте такое совпадение падежей наблюдается только в речи старшего поколения. Среднее и младшее поколения добавляют в адитиве направительный формант *-х(у): бица дудаху* «сказал тебе», *гитидаху* «кошке».

В письменном аварском языке встречаются случаи опущения форманта данной серии *-да* (не только в поэзии) или согласного элемента: *бакI-бакIаса гъалай тIун* (вместо *бакI-бакIалдаса*) «местами прохудившись», *кьурса гъоркье кIанцIизе* (вместо *кьурдаса*) «броситься со скалы», *нуха регIулеб мехалъ* (вместо *нухда*) «когда провожали» или же наоборот, — удвоения слога

---

[5] Здесь и далее приводятся примеры, взятые из художественных произведений.

перед формантом *-да: чодуда бичIчIана* «лошадь поняла»; *дур бидуде ккараб хIал гьечIо доба* «твоя кровь там не нужна»; *гьеб цидуда хIанчIана* «она укусила медведя».

В говорах анцухского диалекта случаев добавления не наблюдается. Возможны, однако, случаи фонетического соответствия *д* ъ или же полной редукции *д: чода || чоъа || чоа* «на лошади».

9. В говорах Атлеб, АТл, АА встречаются отдельные формы комитетива, образованные при помощи форманта *-даӄу: йесна ГIали гIайадаӄу вугу* «в этом году Али чабанит (букв. с овцами)», *чай чакридаӄу, гьицIидаӄу къези* «чай с сахаром, медом пить». Как известно, аналогично выражается комитатив в закатальском и кусурском диалектах.

10. Много значений имеет серия *-хъ* в литературном языке и в диалектах. Эта серия обозначает: а) нахождение «возле», «рядом с чем-л., кем-л.», «у кого-л., чего-л.»: *гордухъ* «у окна»; *Щун руго гьел ханзабахъе* «пришил они к ханам»; б) «на»: *гьабихъ* «на мельнице»; в) «за кого-л., чего-л.»: *цо гъедоялъухъ* «за одну ворону». Эта серия показывает также причину чего-л.: *унтиялъухъе ворчIана* «от боли проснулся». С этим формантом функционируют глагольные образования на *-лъухъ: Гьанире ахIаралъухъ баркала* «за то, что пригласили, спасибо».

Следует отметить, что употребление многих падежных серий зависит от глагольной семантики. Так, серией на *-хъ* управляют глаголы *гIенеккизе* «слушать» (*гIенекке гьаркьахъ* «послушай голоса»), *балагьизе* «смотреть» (*балагье дихъ* «посмотри на меня»), *урхъизе* «восхищаться» (*расенахъ урхъулаан* «восхищались узорами»), *хIайранлъизе* «удивляться» (*гьелъухъ хIайранлъула* «удивляюсь ей»), *гIашикълъизе* «соскучиться» (*недегьлъиялъухъги гIашикь йикIана, ракI боӄизабулеб рагIиялъухъги* «по ласке соскучилась и по доброму слову»), *рокьи ккезе* «влюбиться», *пашманлъизе* «горевать» (*гьудуласухъ* «по другу»), *гIодизе* «плакать» (*дихъ гIодила мун* «по мне плакать будешь ты»), деепричастие прошедшего времени + *борчIизе* «вырваться» (*абун борчIана дихъа* «вырвалось у меня», *кьабгIун борчIана гьелъухъа* «ударила она») и др.

С глаголом *бажаризе* «мочь» в литературном языке встречается то серия *-хъ: бажарулаан гьесухъан* «мог он», *бажаричIо къукъаялъухъа* «не мог отряд»; то родительный падеж: *хьвадизе бажарулеб букIинчIо гьесул* «ходить не мог он», в то время как в анцухском диалекте — серия *-да (бажарчIу диаса* «не смог я») или эргативный падеж *(бажарчIу даса* «не смог он»)

Об употребительности этой серии свидетельствует и то, что она выступает во множественном числе вместо дефективной серии *-б:*

рокъоб «дома» — *рукъзабахъ* «в домах»[6], *хуриб* «в огороде» — *хурзабахъ* «в огородах».

В отыменных наречиях образа действия также выступает серия *-хъ: гIабдалзабазухъего гIакса ретIараб ретIел* «по-дурацки наоборот одетая одежда», *гьаркьихъе кочIохъан лъала* «по голосу певца узнают». Примеры из анцухского диалекта: *гьведухъи х̄Iепези* «по собачьи лаять», *х̄Iимихъи вагIдзи* «по ишачьи кричать».

Отличительной особенностью говора АА является наличие в нем вместо серии *-хъ* сочетания серии *-да + коб: ди-коб* (вместо *дихъ*) *гIарас бугу* «у меня деньги есть», *ди-ков гьобол вугу* «у меня гость есть». Перед *коб* показатель серии *-да* редуцировался. Употребление формы *дихъ* «у меня» также имеет место в этом говоре. Показатель класса в слове *коб* Ш. И. Микаилов называет «необычным для других говоров классным показатеелм»[7] Однако этот классный показатель является вторичным. Происхождение данного аналитического образования становится ясным при сопоставлении с соответствующими формами в АТл: *диа киб* «у меня», *диа див гьобол вугу* «у меня гость есть». Следовательно, элемент *ков* есть ни что иное как *див* «где». Этот *коб* склоняется: *ди-коб, ди-ко̄х̄, ди-ко̄са̄.* Грамматическую форму берет на себя десемантизированный элемент *коб.* Этим объясняется, видимо, то обстоятельство, что в одном говоре (АЧ) первый компонент, несущий лексическую нагрузку, может выступать и в именительном падеже: *дун хьо* «у меня», *дух хьо̄х̄, дух хьо̄са̄.*

Отметим, что и в литературном языке эта серия может быть выражена аналогично. Ср.: *Дихъ гьобол вуго* или *дир дова гьобол вуго* «у меня гость есть». Но возникновению своеобразных падежей в отдельных анцухских говорах способствовала, по-видимому, наблюдаемая в них сильная тенденция к аналитическому выражению падежных отношений. Ср. еще случаи, в которых употребляются уточнительные слова. В речи АА, АЧ, АТ вместо обычного аварского слова *киб* «где» говорят *кицIаб* или *кикъаб,* т. е. *киб + цIа, киб + къа* (букв. «куда потянув, куда подвинув»), вместо *лъах̄у АТл, АБ — лъацIах̄* или *лъакъах̄,* вместо *даваху* АТл, АБ — *давацIах̄* или *давакъах̄.* Кстати, элемент *-ху* также является дополнительным уточняющим словом, выступающим в анцухских говорах в адитиве вместо окончания *-е* литературного языка.

В литературном языке часто наблюдается опущение слога *-зу-* перед сериальным показателем (как в поэзии, так и в прозе) *Щун руго гьел ханзабахъе, къадизабахъе, даранчагIазухъе* «были

---

6 *Чикобава Арн., Церцвадзе И.* Аварский язык. Тбилиси, 1962, с. 153.
7 *Микаилов Ш. И* Очерки аварской диалектологии. М.; Л., 1959, с. 87.

они у ханов, кадиев, купцов», *рукъзабахъ* «в домах». В анцухском диалекте опущения не наблюдаются: *ханзабизухъ, къадизабизухъ, рукъзабизухъ*. В аллативе присутствует в анцухском диалекте показатель *-с̄-*, который в литературном языке всегда опускается, по-видимому, сливаясь с сериальным показателем *хъ*. Ср. анц. *дихъса* «от меня», *ханзабизухъса* — от ханов» и лит. *дихъа, ханзабахъа*.

11. Диапазон употребления серии *-кь* в аварском языке намного у́же по сравнению с серией *-хъ*, что объясняется, видимо, спецификой ее значения. Эта серия означает не только «под», но и «в»: *хъатикь кквезе* «держать в руке», *дун къорикь йиго* «я нахожусь в капкане». Кроме того, в хунзахском диалекте этой серией управляют глаголы *нечезе* «стесняться» (*досукьа* «его»), *кьеризе* «прятаться» (*гьесукьа* «от него»), *кьезе* «проиграть», *хIинкъизе* «бояться» (*ГIаликьа* «Али»). Однако в салатавском диалекте северного наречия эти глаголы управляют серией *-хъ*, а в анцухском диалекте — серией *-да: дидаса къези* «проиграть мне». Правда, в письменном языке тоже встречаются отклонения. Ср. название книги Ф. Алиевой *«МугIрул гIазудаса хIинкъуларо»* «Горы не боятся снега» и заголовок в журнале *«Лачен»* («Соколенок»). *«Лъидаса мун хIинкъулев?»* — «Кого ты боишься?»

В аварском языке данная серия закрепилась за наречиями *радакь* «утром», *тохлъукье* «неожиданно», *цидакь* «злобно». Последнее слово встречается и в форме *цидалъ*. В анцухском диалекте эти наречия не употребляются, хотя в нем функционируют другие наречия с этим же формантом *чIулукь* «под потолком», *мачIакь* «под уздцы».

Хотя данная серия и сохранилась в аварском языке во множестве топонимов, можно сказать, что она уступает свои позиции.

12. Серия *-лI* выражает не только нахождение «внутри какой-л. массы». Например, *сардилI* «ночью», *ганчIилI тункана* «об камень ударился». Вместо литературного *гьунар буго гьесулI* «сноровка есть в нем», *каранлI* «в груди» в большинстве говоров анцухского диалекта употребляется дат. падеж или серия *-хъ: гьунар бугу гьасул* (гьасухъ). Только в речи АТлеб эта серия находит широкое применение: *ДилI гIарац бугу* «у меня деньги есть», *дасулI гьобол вугу* «у него гость есть».

Серия *-лI* близко стоит к серии *-б*. Этим объясняется, видимо, наличие в отдельных словах в анцухском диалекте серии *-б* вместо литературной *-лI: хабалI* «в могиле», анц. *хIубунуб, росулI* «в селе», анц. *росинуб*. Ср. также в анцухском *гIурулъ (-лI)* || *гIурунуб* «в реке».

13. Серия *-б* в литературном языке чаще всего выражается фор-

мантом *-ниб* (от *жаниб* «внутри») *гванди-ниб* «в яме», и реже — формантом *-уб: печалъ-уб* «в печи». Ввиду того, что в анцухском диалекте представлено только архаическое склонение, то в нем употребляется только форма *-нуб* (от анц. формы *жануб*): *гванди-нуб, печунуб.*

В анцухском диалекте данная серия употребляется шире, чем в литературном языке: а) вместо серии *-да.* Ср.: *шагьаралда* «в городе» — *шагьарунуб, базаралда* «на базаре» — *базарунуб, колотIа* «на хуторе» — *колонуб;* б) вместо серии *-хъ.* Ср.: *иццухъ* «у родника» — *ицуб;* в) вместо серии *-лI:* илхъидалI «в табуне» — *йархинуб.*

Широко употребляется в литературном языке серия *-б* в отглагольных образованиях с формантом *-лъуб,* показывающих место и образующихся практически от всех временны́х форм: *кьижаралъув* «там, где спал», *хIажат гьечIелъубе* «туда, куда не следует». В анцухских говорах выступает формант *-зухъ: кьитIразухъ* «там, где спал», *кьитIназухъ* «там, где спит», *кьитIзиназухъ* «там, где будет спать». Этот формант по данным анцухских говоров, по-видимому, восходит к серии *-хъ* от слова *бакI* «место»: *бакIаназухъ.* Так, в АТл *кьитIразухъ — кьитIраб бакIаназухъ.* В АБ в этом значении функционирует формант *-нуб: дун вугануб* «там, где я нахожусь», *лъурануб бата* «там, где положил, нашел».

Представляется, что падежные формы, образованные от глагольных основ, являются поздними образованиями.

М.-С. М. Мусаев

СЕРИИ АЛЛАТИВА И ИХ ОБРАЗОВАНИЕ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Во многих современных диалектах даргинского языка, помимо латива, оформляющего имя предмета, к которому направлен другой предмет с обязательным достижением первого последним, функционирует еще и аллатив, оформляющий имя предмета, в сторону которого направлен другой предмет, но без обязательного достижения первого последним; ср. лит. яз. *унц вацIализи арбякьун* «бык в лес пошел» (латив) и *унц вацIализибяхI арбякун* «бык в сторону леса пошел» (аллатив) и т. д.

О необходимости включения в состав падежей даргинского языка еще одной падежной единицы с окончанием *-бяхI* впервые заявил З. Г Абдуллаев, который данный падеж назвал отправительным [1].

Аллатив, как и некоторые другие падежи даргинского языка, характеризуется тем, что его форма изменяется по классам, числам и частично даже по лицам; ср.: *школализивяхI* «по направлению к школе» (I кл., ед. ч.); *школализирях I* (II кл., ед. ч.); *школализибяхI* (III кл., ед. ч.; I—II кл. мн. ч.), *школализидяхI* (III кл. мн. ч.), *нуша школализидяхI аркулра* «мы в сторону школы идем (1 л. мн. ч.), *хIуша школализидяхI аркьулрая* «вы в сторону школы идете» (2 л. мн. ч.), *итди школализибяхI аркьули саби* «они в сторону школы идут (3 л. мн. ч.). Здесь надо указать, что словоформа *школализибяхI* в разных парадигмах имеет разные значения: а) выражает III класс в парадигме классов ед. числа; б) выражает мн. число I и II классов в парадигме числа; в) выражает третье лицо мн. числа в парадигме лица или категории участник-неучастник речи. Словоформа же *школализидяхI* в свою очередь выражает: а) мн. число III класса в парадигме числа; б) выражает 1 и 2 лица мн. числа в парадигме лица.

В настоящее время аллатив отмечается как в диалектах цудахарского типа, образующих зону консервации, так и в диалектах акушинско-урахинского типа, образующих зону инноваций; ср. лит. яз. *школализибяхI* «в сторону школы», цуд. диал. *школалиццибяхI* «мегеб. диал. *школализибяхI* сирг. диал. *школалиццибеди,*

[1] *Абдуллаев З. Г* Категория падежа в даргинском языке. Махачкала, 1961, 88—89, 194.

кунк. гов. *школалиццибаде,* ашт. гов. куб. диал. *школалишшуба,* кайт. диал. *школалсагьеби.*

Материал показывает, что представленный в диалектах аллатив не является качественно одинаковым. В одних диалектах он является несериальным и обозначает общую направленность действия к предмету без какого бы то ни было ее уточнения — вверх или вниз, сюда или туда направлено действие. Такой аллатив отмечается во всех диалектах акушинско-урахинского типа и в отдельных диалектах и говорах цудахарского типа. В ряде же диалектов и говоров цудахарского типа наблюдается только сериальный аллатив, обозначающий конкретизированное направление действия. Конкретизация осуществляется путем дифференциации направленности действия на серии. Так, например, в говоре селения Кунки представлены такие серии аллатива:

а) серия на *-ба + гьа*[2], обозначающая предмет, в сторону которого двигается другой предмет и который находится выше последнего, ср. *гали ушкуллевагьа агур* букв. «мальчик в сторону школы вверх пошел»;

б) серия на *-ба + ка,* обозначающая предмет, в сторону которого направлен другой предмет и который находится ниже последнего, ср. *гали ушкуллевака кагур,* букв. «мальчик в сторону школы вниз пошел»;

в) серия на *-ба + ца,* обозначающая предмет, находящийся рядом с говорящим и в сторону которого сюда (к говорящему) по горизонтали двигается или направлен другой предмет, ср. *гали ушкуллеваца савчIиб,* букв. «мальчик в сторону школы сюда пошел»;

г) серия на *-ба + де,* обозначающая предмет, находящийся вдали от говорящего и в сторону которого по горизонтали двигается или направлен другой предмет, ср. *гали ушкуллеваде агур,* букв. «мальчик в сторону школы туда пошел».

Приведенные примеры говорят о том, что серии местных падежей могут образоваться не только в зависимости от того, в каком месте относительно предмета (на, под, перед, за, около, в) локализуется другой предмет, но и в зависимости от направленности действия вверх, вниз, туда и сюда. Подобные серии, как будет показано ниже, отмечаются и у аблатива, оформляющего имя удаляющегося предмета.

Функционирование сериального аллатива в диалектах даргинского языка оставалось до сих пор незамеченным. Современный диалектный материал позволяет сделать предположение о том, что истоки аллатива содержались в прадаргинском языке, где, может быть, прототип современного аллатива функционировал в виде послеложной конструкции, не успевшей еще окончательно превра-

---

[2] Сериальный показатель *-багьа* (III кл. ед. ч.) в зависимости от класса и числа субъекта или объекта реализуется в виде *-ва+гьа* (I кл. ед. ч.), *-ра+гьа* (II кл. ед. ч.), *-да+гьа* (III кл. мн. ч.). Но для удобства здесь и далее мы будем оперировать лишь формой III класса ед. числа, которая наиболее часто встречается в речи.

титься в самостоятельный падеж. Очевидно, данный прототип был сериальным. Это подтверждается тем, что форма современного несериального аллатива, зафиксированного в дзилебкинском говоре сиргинского диалекта, представляет собой одну из сериальных форм, а именно, форму на *-баде,* которая сохранилась ныне в кункинском говоре. Видимо, при элиминировании серий в качестве формы несериального аллатива закрепилась одна из форм серий, в данном случае форма серии на *-баде* со значением «направление в сторону предмета, находящегося по горизонтали вдали от говорящего». Происхождение аллатива как сериального, так и несериального в ряде диалектов удивительно прозрачно. Так, например, нынешняя форма аллатива литературного языка равна сочетанию словоформы латива и морфемы *-бяхI* в его классно-числовых и различных диалектных вариантах, ср. *школализи + бяхI* «в сторону школы». Исходная основа *школализи-* «в школу» представляет собой форму латива. Здесь следует отметить, что исходной основой аллатива может быть любая из существующих серий латива, но при этом форма латива будет указывать в каждом случае еще на направленность действия в пространстве относительно предмета (на, под, в, между, около, перед, за), ср. лит. яз. *столличибяхI* (на базе супер-латива), букв. «в сторону на стол», *столлицбяхI* (на базе суб-латива), букв. «в сторону под стол», *вацIализибяхI* (на базе интер-латива), букв. «в сторону в лес, т. е. «между деревьями», *цIалигIибяхI* (на базе конт-латива), букв. «в сторону около огня», кищ. гов. *шурлигьабяхI* (на базе пре-латива), букв. «в сторону к переди булыжника», кунк. гов. *кьванилигьирабаде* (на базе пост-латива), букв. «сторону за сундук». В тех же диалектах, где функционирует сериальный аллатив, от каждой серии латива образуется и по четыре аллатива. Так, например, в кункинском говоре, где представлено шесть серий латива, аллатив реализуется в двадцати четырех самостоятельных формах, не считая классно-числовых вариантов.

Морфема *-бяхI, (-вяхI, -ряхI, -дяхI),* носящая аллативное значение, совпадает с классным существительным современного даргинского языка, обозначающим понятие «лицо», ср. *вяхI* «лицо мужчины», *ряхI* «лицо женщины», *бяхI* «лицо животного». Кроме того, *бяхI* обозначает еще «сторона», «склон горы», «страница». Последние понятия, разумеется, развились из первичного понятия «лицо». Таким образом, показатель аллатива возник из названия части тела, а именно — из названия лица. В данном случае нельзя не вспомнить предположение Б. А. Серебренникова, который допускал возможность образования направительного падежа путем использования слова, обозначающего понятия «лицо» или «сторона»[3].

В отдельных диалектах даргинского языка аллатив образуется и при помощи слов, обозначающих *бекI* «голова», и *шали* «бок»,

---

[3] *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаравистике. М., 1974, с. 197—198.

ср. мург гов. *вацIализебекI* «в сторону леса», амузг. гов. *школалишишал* «в сторону школы».

В мургукском говоре в настоящее время факультативно употребляются две разновидности аллатива: одна образована при помощи морфемы, совпадающей со словом *бяхI* «лицо», ср. *школализебяхI* «в сторону школы», другая образована при помощи морфемы, совпадающей со словом *бекI* «голова», ср. *школализебекI* «в сторону школы». При этом первая разновидность больше употребляется в тех случаях, когда речь идет о людях, а вторая — когда речь идет о животных. Однако следует сказать, что в настоящее время подобное разграничение в употреблении обоих разновидностей аллатива не всегда и не обязательно соблюдается. Отмечается употребление в том и в другом случае формы, образованной при помощи показателя *-бяхI*, совпадающей с существительным «лицо».

Сериальный аллатив, или же серии аллатива, образуются путем присоединения к словоформе несериального аллатива еще сериальных морфем *-а / -гьа; -ка; -са / -ца; -де / -бет*, соответственно выражающих направленность действия вверх, вниз, сюда и туда. Например:

а) *ушкуллеба(хI)-гьа* «вверх в сторону школы»;
б) *ушкуллеба(хI)-ка* «вниз в сторону школы»;
в) *ушкуллеба(хI)-ца* «сюда в сторону школы»;
г) *ушкуллеба(хI)-де* «туда в сторону школы».

Отмеченные морфемы — носители сериальных значений аллатива — с аналогичной семантикой широко представлены также в системе направительных превербов и сериальных окончаний аблатива. Например, в бутр. гов.:

а) *гьа-букъкъа* «принеси вверх», *вацIалицциp-гьа* «из-под леса вверх»;
б) *ка-букъкъа* «принеси вниз», *вацIалицциp-ка* «из лесу вниз»;
в) *са-букъкъа* «принеси сюда» и *вацIалицциp-са* «из лесу сюда»;
г) *би-т-кка* «отдай» и *вацIалицциp-де* «из лесу туда», «через лес».

Как кажется, в далеком прошлом в языке-предшественнике понятия «я» и «этот» выражались одним словом, возможно, близким к *са / су*, а впоследствии эти понятия дифференцировались, и для выражения «я» возникло в даргинском языке новое слово. За старым же словом *са* закрепилось понятие указательного местоимения «этот». При таком допущении становится понятным происхождение как личного окончания *-с*, так и суффикса прилагательного *-си* даргинского языка. Оба эти элемента должны восходить к древнему местоимению *са / су* «я», «этот», ибо, во-первых, превращение личного местоимения в личное окончание — явление широко известное, во-вторых, превращение личного местоимения в суффикс прилагательного, надо полагать, могло произойти через категорию личной притяжательности, которая существовала в языке-основе и выражалась суффигированием личных местоимений.

Формант *-де,* имеющий значение «вдаль от говорящего», по всей видимости, этимологически восходит к указательному местоимению *ит* (← *бет* ← *бад* ← *бада*). Как будет сказано ниже, показатель аблатива *-д* восходит этимологически к указательному местоимению *ит* «тот». В своем истоке значение направления туда и значение отдаления, очевидно, были совмещены в одном указательном местоимении. В период общедагестанского языкового единства от такого указательного местоимения отпочковывается показатель аблатива. В период же самостоятельного развития даргинского языка и формирования в нем серий аблатива это же указательное местоимение *бада* «тот» было использовано как показатель направления удаления туда. В данном случае мы опять сталкиваемся с известным в истории развития даргинского словоизменения явлением контаминации новой и старой форм этимологически одного и того же форманта.

Направительный формант *-ка,* имеющий значение направления сверху вниз, этимологически увязывается с элементом *кат-,* отмечаемым в наречии *катхIел* «вниз по спуску». Элемент *кат-* представляет собой лексикализовавшуюся словоформу старого аблатива. Она состоит из двух исторических частей *ки* + *ат* (→ *киат* → *кат),* где *ки* обозначает верх чего-то, а *-ат* является формантом отдаления. Здесь надо еще указать на возможную генетическую связь *ки* «верх» со словом *бекI* (← *бе* + *г*) «голова» и указательным местоименном *икI* (← *иг*). Короче говоря, направительный формант *ка* возник из наречия-послелога *кад* в результате отпадения конечного согласного. Показательно, что этот исчезнувший согласный восстанавливается в генетически родственном с данным наречием превербе глагола отрицательной формы, ср. мург. гов. *ка-буха* «принеси сверху вниз» и *кат-хIахис* (← *кадхIахис*) «не принесу вниз».

В морфеме *-а / гьа* исторический исходный согласный исчез, поэтому установить этимологию данной морфемы довольно трудно.

По своему значению аллатив очень близок к лативу, поэтому в истории развития языка первый может легко превратиться в последний. Видимо, старый латив даргинского языка в своем истоке был аллативом, совмещающим и лативные функции. Такое предположение делается нами на основе того, что в аштынском говоре отмечаются случаи преобразования аллативных наречий в лативные, ср. *тинва* «туда» (← *тин-вахI* «по направлению в ту сторону»), *синва* «сюда» (← *синвяхI* «по направлению сюда») и т. д.

Обращает на себя внимание материальное сходство показателей аллатива ряда родственных языков, в которых, как и в даргинском, он представлен одним из классных вариантов показателя аллатива даргинского языка, ср. лак. яз. *къатлувун-май (къатлувун-бай)* и дарг. яз. *хъули-бяхI* «по направлению в дом», гинух. яз. *чехъи-до* и дарг. яз. *вацIализи-дяхI* «по направлению в лес», таб. яз. *аьрбайъна-ди* и дарг. яз. *гIярбалишшу-дя* (аш. гов.) «по

направлению к арбе», агул. яз. *гагадихъ-ди* и дарг. яз. *дудешли-чу-дяхI* «по направлению к отцу».

В некоторых же родственных языках показатель, материально сходный с показателем даргинского аллатива, отмечается в семантически близком к аллативу лативе, ср. дарг. яз. *гIянди-бяхI* «по направлению в Анди» и авар. *гIанди-бе* «в Анди», ср. дарг. яз. *хъули-дяхI* и анд. яз. *гьакъила-ди* «в дом», лезг. яз. *тамухъ-ди* «к лесу», рут. яз. *зал-даь* «к дому». Не исключено, что отмеченные показатели аллатива и латива родственных языков имеют аналогичное с показателем аллатива даргинского языка происхождение, т. е. они возникли из классного слова *(дяхI, бяхI, вяхI)*, обозначающего понятие «лицо», «сторона». Однако такое происхождение показателя аллатива в данных языках значительно завуалировалось, поскольку изменяющиеся по классам названия частей тела в этих языках не сохранились в отличие от даргинского языка, где такие названия еще бытуют в древнейшей форме, варьирующейся по классам. В таких случаях делается более ясной и предполагаемая генетическая связь окончаний аллатива и латива *-ди, -даь, -бе* этих языков с классными показателями, поскольку они представляют собой сохранившуюся начальную часть классного слова *дяхI / бяхI* «лицо» или «сторона» после отпадения исходного согласного.

В результате исторического развития аллатив подвергся различным изменениям.

Во-первых, в отдельных случаях он приобрел лативное значение. В частности, например, в аштынском говоре кубачинского диалекта наречия с первоначальным аллативным значением превратились в наречия с лативным значением, ср. *тинва* «туда» (← *тин+ва* «по направлению туда»), *синва* «сюда» (← *син+ва* «по направлению сюда»), *хинва* «туда, вниз» (← *хин + ва* «по направлению туда вниз»), *чIинва* «туда, вверх» (← *кIин + ва* «по направлению туда вверх») В своих истоках данные наречия представляли собой сочетание наречий с лативным значением *тин* «туда», *син* «сюда», *чIин* «туда вверх», и *хин* «туда вниз» и аллативного показателя первого класса *-ва,* восходящего к слову *ва* (аШт. гов.) «лицо мужчины». Аллативный показатель в рассматриваемых наречиях изменяется по классам, ср. *тинва* «туда» (I кл.), *тинъйа* «туда» (II кл.), *тинба* «туда» (III кл.), *тинда* «туда» (мн. ч. III класса)

Во-вторых, началась тенденция к затуханию серий латива. Так, например, в сиргинском диалекте ныне аллатив имеет всего три серии вместо четырех изначальных, ср.: *хьхьунния-ве + ди* «по направлению к дороге, туда по горизонтали», *хьхьуния-ве + хIе* «по направлению к дороге туда вверх» *хьхьуния-ве + ка* «по направлению к дороге туда, вниз». Серия со значением «по направлению сюда по горизонтали» в данном диалекте исчезла. Ее функции выполняют другие серии. В ряде диалектов серии аллатива исчезли полностью. Они отсутствуют, например, во всех диалектах акушинско-урахинского типа, а также в большинстве диалектов цу-

дахарского типа. Исчезновение серий происходило двумя путями. В одних случаях это происходило путем отпадения сериальных показателей. Аналогичным образом исчезли серии аллатива в диалектах акушинско-урахинского типа. В других же случаях одна из сериальных форм стала выполнять функции остальных исчезнувших серий. Так, например, в дзилебкинском говоре ныне представлен несериальный аллатив. Но в этом диалекте явно видно, что показатель аллатива является былым сериальным показателем со значением «по направлению туда по горизонтали от говорящего», ср. *ушкулалицце-ба + де* «по направлению к школе» (независимо от того, направлено действие сюда или туда, вверх или вниз).

В третьих, ряд изменений произошел и в формальной стороне аллатива. Изменения отмечаются в аллативном показателе, в сериальных показателях и в исходной основе. Изначальный категориальный классный показатель аллатива *-бяхI (-вяхI, -ряхI, -дяхI)* в катайгском диалекте и в дзилебкинском говоре подвергся окаменению, ср. лит. яз. *школализи-вяхI* (I кл.), *школализи-ряхI* (II кл.), *школализи-дяхI* (III кл. мн. ч.) и кайт. диал. *школалса-гьеби* (I, II, III кл.), дзил. гов. *школалиццебеде* (I, II, III кл.) «по направлению к школе». Кроме того, как видно из примеров, в кайтагском диалекте произошла и метатеза в показателе аллатива, ср. лит. яз. *-бяхI* и кайт. диал. *-гьеби (← хIеби← бехIи← бехI← бяхI← бахI)*.

В аштынском говоре и в кункинском диалекте в аллативном показателе выпал конечный корневой согласный звук, ср. лит. яз. *школализи-бяхI* и аашт. гов. *школалицце-ба*, кунк. гов. *школалеба + ка* «по направлению к школе вниз». Произошли изменения и в качестве гласного аллативного показателя, который дал рефлексы *-я-, -е-* в зависимости от диалектов, ср. аашт. гов. *школалицциба*, лит. яз. *школалибяхI*, сирг. *школалиццибе-ди*, кайт. диал. *школалса-гьеби* «по направлению к школе». Различным фонетическим изменениям подвергся и первоначальный фонетический облик показателей серий латива: *-са, -да, -ка, -а*. Так, например, согласный *с* морфемы *са* в кункинском диалекте перешел в *ц* (ср. кунк. диал. *школалеба-ца* «по направлению к школе сюда») согласного междиалектных звукосоответствий *с—ц*[4] (ср. акуш. *секIал* и кунк. *цикIал* «вещь»). В показателе *-а* появляются наращенные звуки *гь-* и *хI-*, ср. кунк. диал. *школале-ба + гьа (← школале-ба + а)* «по направлению к школе вверх», сирг. диал. *школалицце-ба + хIе (← школалицце-ба + гьа ← школалиццеба-а)* «по направлению к школе вверх». Изменил свое качество в процессе исторического развития и гласный элемент сериальных показателей. Предполагаемый изначальный гласный этих показателей *-а* в зависимости от диалектов дает рефлексы *-е, -и*, ср. кунк. диал. *школале-ба + де*, сирг. диал. *школалицци-бе + ди (← школалицци-бе + де ←школа-*

---

[4] *Гаприндашвили Ш. Г* Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1966, с. 294—295.

лицци-бе + дя ← школалицци-бе + да) «по направлению к школе, туда от говорящего».

На синхронном уровне отмечается изменение конечного гласного *-е* исходной основы при образовании аллатива в кубачинском диалекте, ср. *Мажалисле* «в Маджалисе» (латив) и *Мажалисли + ба* «по направлению в Маджалис» (аллатив).

И. А. Исаков

СИСТЕМНОЕ И АСИСТЕМНОЕ В СКЛОНЕНИИ СУБСТАНТИВОВ В ГУНЗИБСКОМ ЯЗЫКЕ

Склонение имен в гунзибском языке исследовано в трудах Е. А. Бокарева[1] и Э. А. Ломтадзе[2], поэтому подробное описание гунзибского склонения не входит в наши задачи. В предлагаемой небольшой статье обращаем внимание лишь на некоторые противоречивые моменты этого склонения.

Основных падежей в гунзибском языке пять: именительный, эргативный, родительный I, родительный II и дательный. Из них именительный, эргативный и родительный I являются несовмещёнными, самостоятельными, родительный II совмещён с творительным, дательный — с аффективным. Систему местных падежей составляют семь серий по два или три падежа в каждой: локатив-адитив (где? куда? — не дифференцированы), аблатив (откуда?), директив (по направлению к чему?).

В склонении различается две основы — прямая (основа именительного падежа) и косвенная (основа всех остальных падежей). В отличие от аварского языка, в котором форма эргатива полностью повоторяется в остальных падежных формах, кроме, разумеется, именительного, например, им. *гьобол* «гость», эрг. *гьобол-ас̄*, род. *гьоболас̄-ул*, дат. *гьоболас̄-е*, лок. *гьоболас̄-да*, адит. *гьоболас̄-де*, аблат. *гьоболас̄-да-с̄ан* и т. д., — в гунзибском языке формант эргатива не включается в основу косвенных падежей субстантива, косвенная основа здесь образуется присоединением детерминанта к прямой основе, т. е. без участия форманта эргатива, ср. гунз.:

Им.	*гьем* «столб»,	*геду* «кошка»,	*оже* «сын»
Эрг.	*гьемо-л*	*геди-л*	*ожди-л*
Род. I	*гьемо-с*	*геди-с*	*ожди-с*

[1] *Бокарев Е. А.* Цезские (дидойские) языки Дагестана.— М., 1959.

[2] *Ломтадзе Э. А.* Морфологические категории имен в хванском (капучинско-гунзибском) языке. — АКД, Тбилиси, 1949. *Он же.* Анализ капучинско-гунзибском языке. — АКД, Тбилиси, 1949. *Он же.* Анализ капучинско-гунзибского языка. — ИКЯ, т. 8, 1956.

Локатив		Аблатив		Директив	
Формант	Значение	Формант	Значение	Формант	Значение
-кь	«на»	*-кьос*	«с»	*-кьод*	«по напр. на»
-лI	«под»	*-лIсэ* [3]	«из-под»	*-лIод*	«по напр. под»
	«в»	*-ӧс*	«из»	*-ӧд*	«по напр. в»
	«у»	*-гос*	«от»	—	—
-лъ	«на вертикальной поверхности»	*-лъсэ*	«с вертикальной поверхности»	*-лъдо*	«по напр. на вертикальную поверхность»
-гъур	«совместность»	*-гъурсэ*	«от»	—	—
-дэр	«к»	*-дэрсэ*	«от»	—	—

[3] Гунзибский гласный среднего ряда среднего подъема здесь далее обозначен буквой *э*.

Род. II (твор.)	*гьемо-д*	*геди-д*	*ожди-д*
Дат. Аффект.)	*гьемо̄*	*гедӣ*	*ождӣ*

Гунзибское склонение однотипно: все субстантивы, независимо от их именных классов и фонетического облика, при склонении получают единые падежные аффиксы: эрг *-л*, род. I *-с*, род. II (твор.) *-д*, дат (аффект.) — долгий гласный. Те же самые согласные *(-л, -с, -д)*, а также долгий гласный используются и в качестве формантов множественного числа. По единому типу склоняются субстантивы и по местным падежам (см. таблицу)

Однако «языковые категории обычно не вмещаются в жесткие рамки той или иной системы (структуры)»[4], поскольку «язык на всех уровнях пронизан противоречиями»[5]. Наряду с системными изменениями субстантивов в гунзибском языке имеются и асистемные явления. Косвенная основа большинства субстантивов образуется при помощи специальных вставочных элементов — детерминантов: *-а-, -и-, -у-, -е-, -бо-, -ли-, -ло-, -о-, -э-, -й-, -йо-, -ро-* и др., распределение которых не мотивировано ни структурно, ни семантически, т. е. в синхронном подходе не прослеживаются какие-либо определённые закономерности присоединения указанных многочисленных вставочных элементов. Более того, у многих субстантивов наблюдается параллелизм, вариантность в образовании косвенной основы. Примеры: *а^{н}шу* «скала» — *а^{н}ш-и-с* || *а^{н}ш-а-с* (р. п.), *къор* «капкан» — *къор-и-с* || *къор-а-с* (р. п.), *пIоли* «пол» — *пIоли-ло-с* || *пIоли-йо-с* (р. п.), *гьуни* «дорога» — *гьуни-ло-с* || *гьуни-йо-с* (р. п.), *къир* «бурка» — *къир-ло-с* || *къир-ли-с* (р. п.), *рахас* «цепь» — *рахас-бо-с* || *рахас-ли-с* (р. п.), *ралъад* «море» — *ралъад-бо-с* || *ралъад-ли-с* (р. п.), *къуруш* «рубль» — *къуруш-а-с* || *къуруш-ли-с* || *къуруш-бо-с* (р. п.), *къа̇м* «голова» — *къа̇м-гъур* || *къа̇м-и-гъур* «около головы» и т. д.

Неясным остается также, почему у одних субстантивов образование косвенной основы сопровождается аблаутом (*бохъ* «солнце» — *быхъэс* (р. п.), *ка^{н}й* «ягода» — *ки^{н}йас* (р. п.), *коро* «рука» — *ка^{н}с* (р. п.), *боцо* «луна» — *быцас* (р. п.), *гьа^{ч}й* «кровь» — *гьи^{ч}йас* (р. п.), *ца^{н}* «соль» — *чи^{н}йос* (р. п.), *боло* «шея» — *былас* (р. п.), *малу* «ноготь» — *мылал* (эрг.), *ма̇къу* «слеза» — *мыкъас* (р. п.), *ма̇че* «место» — *мичос* (р. п.) и т д.), у других подобных происходит без аблаута (*цан* «коза» — *цанис* (р. п.), *ца* «звезда» — *цабас* (р. п.), *куро* «ручей» — *курос* (р. п.), *бозо* «кирка» — *бозис* (р. п.), *гьас* «небо» — *гьасас* (р. п.) и т. д.)

Асистемным элементом гунзибского склонения является также ущербность трёх из семи серий местных падежей: в них отсутствует падеж директив (с семантикой «по направлению к чему-то», «в

---

[4] *Будагов Р А.* Система и антисистема в науке. — ВЯ, 1978, № 4, с. 6.
Филин Ф. П. Противоречия в развитии языка. — ВЯ, 1980, № 2, с. 9.

сторону кого- или чего-то), но в то же время в гунзибском налицо местный падеж транслятив (с формантом *-кьокь*), который по структуре следовало бы отнести к первой серии (показатель серии *-кь*); *тIырӭкьокь* «через мост», *гьа̇на̇кьокь* «через лес», *энхикьокь* «через реку» и т. д. Серия на *кь*, следовательно, имеет вместо трёх четыре падежа (локатив-адитив, аблатив, директив, транслятив), что также не укладывается в систему трёхчленных серий местных падежей. Но вместе с тем следует отметить, что от транслятива при помощи форманта *-сэ* может образоваться форма аблатива: *къа̇мкьокь* «через голову» — *къа̇мкьокь-сэ* «через голову (с головы) вниз», что напоминает особую серию.

Вряд ли можно объяснить указанные противоречия, асимметрию в склонении гунзибских субстантивов только неразвитостью и ненормированностью данного бесписьменного языка и ограниченностью его функций. Основное объяснение, видимо, — в самой природе естественных языков, представляющих собой «системы, сотканные из взаимосвязанных противоречий»[6].

---

[6] *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 18.

Ф. А. Ганиева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СКЛОНЕНИЯ ХИНАЛУГСКОГО ЯЗЫКА

Хиналугский язык, как и другие дагестанские языки, характеризуется многопадежной системой. Она довольно подробно описана в монографиях Ю. Д. Дешериева «Грамматика хиналугского языка», А. Е. Кибрика, С. Д. Кодзасова, И. П. Оловянниковой «Фрагменты грамматики хиналугского языка». Здесь мы хотим коснуться лишь отдельных вопросов системы склонения хиналугского языка, которые требуют уточнения, дополнения и корректировки.

В хиналугском языке насчитывается 5 основных и 9 местных падежей. К основным, или общеграмматическим падежам, выражающим преимущественно субъектно-объектные отношения, относятся именительный, эргативный, два родительных и дательный.

Именительный падеж хиналугского языка является неоформленным и выступает без каких-либо падежных аффиксов: *кьаж* «хвост», *ккыза* «снег», *зох* «мельница», *мыч* «яблоко», *нукIур* «мышь», *кIизаь* «заяц», *бызы* «груша», *цIинкIаз* «ящерица».

Основной функцией именительного падежа является выражение реального субъекта (подлежащего) при непереходных глаголах и реального объекта (прямого дополнения) при переходных глаголах: *Даьдаь каккудмаь* «Мать приедет»; *Даьдӣ пшаь ксан кьизармаь* «Мать хорошо печет хлеб».

Эргативный падеж образуется присоединением к косвенной основе аффикса *-и: тIал* «губа» + *и* → *тIали* (эрг.), *кIачIын* «камень» + *-и* → *кIачIыни* (эрг.), *ант* «земля» + *и* → *анти* (эрг.).

Характеризуя эргатив хиналугского языка, хочется обратить внимание на одну замеченную нами особенность этого падежа. Она заключается в том, что имена с гласным исходом образуют эргатив при помощи аффикса *-и*, при этом конечный гласный основы не утрачивается бесследно, а оставляет свой след в аффиксе эргатива, т. е. аффикс эргатива приобретает долготу: *даьдаь* «мать» + *-и* → *даьдӣ* (эрг.), *ккыза* «снег» + *-и* → *ккызӣ* (эрг.), *балта* «топор» + *-и* → *балтӣ* (эрг.), *пшаь* «хлеб» + *-и* → *пшӣ* (эрг.). Эта особенность повторяется также в родительном падеже.

В целом ряде слов хиналугского языка (как исконных, так и

заимствованных) при изменении их по падежам наблюдаем также восстановление утраченного исконного согласного как в эргативном, так и в других косвенных падежах. Таковыми согласными в хиналугском языке чаще всего выступают сонорный *л*, смычный *в*, среднеязычный *й*: *кьаь* «соль» — эрг. п. *кьили*, ср. лезг. *кьел*, табас. *кьил*, агул. *кьел*, рутул. *кьаIл*, будух. *кьел*, крыз. *кьел*, цахур. *кьел; кIӯ* «ягненок» — эрг. п. *кIули*, ср. лезг. *кIел*, ахтын. *ккел*, агул. *кIал*, рутул. *гел*, цахур. *гев* > *гел*, крыз. *кел*, будух. *кел*, удин. *къал*, арчин. *кьал; къӯ* «крыша» — эрг. п. *къуви*, ср. лезг. *къав*, рутул. *къгав; чē* «чай» — эрг. п. *чейи*, ср .русск. *чай*, лезг. *чай; чIāь* «огонь» — эрг. п. *чIичIи*, ср. лезг. *цIай*, табас. *цIа*, агул. *цIа*, рутул. *цIай*, цахур. *цIа* || *цIай*, крыз. *цIа*, будух. *цIа*, ср. также карат. *цIай*, тинд. *цIай*, багул. *цIай*, ботл. *цIай*, анд. *цIай*.

Данное явление в специальных исследованиях, посвященных хиналугскому языку, интерпретируется как наращение[1] или вставка[2].

Утрата согласного в именительном падеже компенсируется долготой конечного звука основы. Вообще в хиналугском языке ярко выражена тенденция к открытости конца слова.

В системе склонения хиналугского языка различается два родительных падежа, оформляемые аффиксами *-и, -е*. В специальном исследовании А. Е. Кибрика, С. Д. Кодзасова, И. П. Оловянниковой по хиналугскому языку «Фрагменты грамматики хиналугского языка» отмечено, что «различение двух родительных падежей по форме обнаруживают лишь существительные с основой на нижний гласный (а нижними гласными ими обозначены *а, аь*). Что же касается существительных на верхний гласный *и, у, ы* и на согласный, то на фонемном уровне и в генитиве I и в генитиве II они все имеют окончание *-и*»[3]. Однако, как нам думается, делая такое заключение, авторы должны были уточнить, от какого именно гласного основы зависит образование генитива. Наши материалы по хиналугскому языку дают возможность дифференцированно подойти к решению этого вопроса. Слова с финальными гласными основы *а, е, аь* в родительном падеже принимают аффиксы *-и, -е*, причем эти аффиксы родительного падежа принимают долготу (отмечено выше и в эргативном падеже) *ккыза* «снег» + *-и* → *ккызӣ* (род. I), *ккыза* + *-е* → *ккызē* (род. II); *гада* «мальчик» + *-и* → *гадӣ* (род. I), *гада* + *е* → *гадē* (род. II); *гыра* «волк» + *-и* → *гырӣ* (род. I), *гыра* + *-е* → *гырē* (род. II); *гыма* «свинья» + *-и* → *гымӣ* (род. I), *гыма* + *-е* → *гымē* (род. II).

---

[1] *Дешериев Ю. Д.* Грамматика хиналугского языка. — М., 1959, с. 29.

[2] *Кибрик А. Е., Кодзасов С. Д., Оловянникова И. П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. — М., 1972, с. 34—35.

[3] *Кибрик А. Е., Кодзасов С. Д., Оловянникова И. П.* Указ. соч., с. 51.

Слова с гласным исходом *и, ы, у* в родительном падеже оформляются аффиксом *-и: пши* «лошадь» + *и* → *пшӣ* (род. п.), *риши* «девочка» + *-и* → *ришӣ* (род. п.), *цсы* «брат» + *-и* → *цсӣ* (род. п.), *ккулу* «кувшин» + *-и* → *ккулӣ* (род. п.).

Все имена с согласным исходом различают лишь один родительный, принимающий аффикс *-и: кьаб* «альчик» + *-и* → *кьаби* (род. п.), *тIынг* «капля» + *-и* → *тIынги* (род. п.), *унг* «сердце» + *-и* → *унги* (род. п.), *кIинд* «мост» + *-и* → *кIинди* (род. п.). Однако здесь встречаются и исключения: некоторые имена существительные на согласный исход могут принимать два аффикса родительного падежа: *-и, -е*. К таким именам существительным относятся следующие: *ттоз* «дверь» → *ттузи* (род. I), *ттузе* (род. II); *тIоп* «ухо» → *тIупи* (род. I), *тIупе* (род. II); *кул* «рука» → *кутти* (род. I), *кутте* (род. II); *пил* «глаз» → *птти* (род. I), *птте* (род. II); *кIаз* «змея» → *кIыцIи* (род. I), *кIыцIе* (род. II) Здесь, по-видимому, свою роль сыграли фонетические чередования, происходящие в основе слова. Кроме того, в хиналугском языке различается родительный по принципу органической и неорганической принадлежности.

Дательный падеж оформляется формантом *-у: луццоз* «корова» + *-у* → *луццозу, унг* «сердце» + *-у* → *унгу, хъыццыз* «орех» + *-у* → *хъыццызу, рыцIын* «камень» + *-у* → *рыцIыну, ысттал* «палец» + *-у* → *ыстталу, гис* «крыша» + *-у* → *гису*. Как видно из примеров, при образовании дательного падежа от имен с согласным исходом не наблюдаются отклонения. Совсем иная картина наблюдается при образовании дательного падежа от имен с гласным исходом. В одном случае финальный гласный основы перед аффиксом дательного падежа утрачивается бесследно, в другом случае в ряде слов финальный гласный утрачивается не бесследно, а оставляет свой признак (мягкость) в предшествующем аффиксу дательного падежа согласном: *ынкка* «река» + *-у* → *ынккку* (д. п.), *гыва* «моль» + *-у* → *гыву* (д. п.), *мыда* «гора» + *-у* → *мыду* (д. п.), *ки* «баран» + *-у* → *к'у* (д. п.), *кIили* «друг, товарищ» + *-у* → *кIил'у* (д. п.), *кьаь* «соль» + *-у* → *кь'у* (д. п.), *анк* «нога» → *инкки* (эрг. п.) → *инкк'у* (д. п.), *эгъ* «свадьба» → *инкьи* (эрг п.) → *инкь'у* (д. п.).

Во вторую группу падежей хиналугского языка входят т. н. «местные падежи», выражающие пространственные отношения. По своей структуре они могут быть разбиты на ряд серий. Каждая серия включает в себя локатив и эллатив. Функции и значения директивов (направительных падежей) выполняют местные падежи соответствующих серий. Оформляется каждая серия определенным показателем, присущим только ей. Местные падежи в хиналугском языке образуются присоединением к основе косвенных падежей соответствующего падежного аффикса.

Локатив I указывает на пространство или на неодушевленные предметы, внутри которых совершается действие, и образуется

при помощи аффиксов *-ар, -ур, -ир, -ыр,* причем характер гласного аффикса зависит от характера гласного основы: *кIыгг* «бровь» — лок. I *кIыггыр, буггры* «бок, реберная часть» — лок. I *буггыр, нукIур* «мышь» — лок. I *нукIурур, ник* «калено» — лок. I *никир.* Фразы: *Йир маькттаьбир ликI'увтармаь* «Мы учимся в школе»; *Вишаьр къуш томаь* «На дереве птица»; *Мыдар псы окьаныр йашамышкквармаь* «В горах медведи живут в пещерах».

Эллатив I выражает удаление из неодушевленного предмета и оформляется аффиксами *-алли, -илли, -ылли: тIынг* «капля» — эллат. I *тIынгылли, агъзы* «рот» — эллат. I *агъзылли, мицI* «язык» — эллат. I *мицIилли; Гьу цIоллы куччар латтыргъшаьмаь* «Он из дома на улицу вышел»; *Эци тIозылли антыр хьу ложаь* «Из этого кувшина на пол воду лей».

Локатив II выражает в основном нахождение чего-либо в живом организме или у кого-либо и оформляется аффиксами *-аш, -уш, -ыш, -иш: бый* «отец» — лок. II *быйиш, гьаламхер* «пастух»— лок. II *гьаламхериш, лыгылд* «мужчина» — лок. II *лыгылдыш.* Фразы: *Наджагъ устташ лаькIаь* «Топор дай мастеру»; *Быйиш кагъаз чIидмаь* «Отец нашел письмо»; *Са кьаьм хинимкIири лыгылдыш ли* «Однажды жена говорит мужу».

Эллатив II выражает удаление из и образуется посредством аффикса *-шилли: Быйишилли пыл тенчхъушаьмаь* «У отца взяли деньги»; *Са луццозишилли хейр ттувункьаьттишаьмаь* «От этой коровы пользы нет».

Хочется отметить, что в развитии данных падежей произошли любопытные распределения их значений. Местный I падеж употребляется в отношении неодушевленных (неразумных существ), а местный II падеж употребляется в отношении одушевленных (разумных) существ.

Локатив III выражает нахождение предмета у, около кого-чего-либо, за чем-либо, направление к чему-либо и образуется присоединением к основе косвенных падежей аффикса *-х: пши* «лошадь» — лок. III *пших, дивар* «стена» — лок. III *диварых, джыбын* «карман» — лок. III *джыбыных, ынкка* «река» — лок. III *ынкках; Пши буггрых атмаь* «Лошадь рядом (есть)»; *Далых ттохун, зыкырмаь* «Стой сзади, упадешь»; *XIаьйаьлир бухарах ччебикъомаь* «Дети сидят у камина».

Эллатив III выражает удаление из чего-либо, нахождение около или сзади кого-чего-либо и образуется посредством аффиксов *-хилли, -хылли: далыг* «работа» — эллат. III *далыгыхилли, агъыл* «загон для скота» — эллат. III *агъылыхылли, чигин* «плечо» — эллат. III *чигинихилли, окьан* «пещера» — эллат. III *окьаныхылли.*

Вне серий остаются три местных падежа: совместный и два сравнительных падежа, основное значение которых выражение совместности и сравнения. Предполагаем, что формы названных падежей, может быть, раньше выражали и значения причины, цели действия, образа действия, удаление и т. д. Теперь они (паде-

жи) утеряли побочные значения и сохранили основные свои значения.

Совместный падеж образуется присоединением аффикса *-шккили* к основе косвенных падежей: *энг* «сыр» — совмест. *энгишккили, пшаь* «хлеб» — совмест. *пшаьшкили, лихъаьз* «теленок» — совмест. *лихъаьзишккили, лихьиз* «бык» — совмест. *лихьизишккили; Лихъаьз луццозышккили ккуитомаь* «Теленок идет с коровой»; *Гьаламхер лыхьамышккили чигинир ттохун* «Пастух стоит с палкой на плече»; *Нугьбалашккили барыш кьиду?* «С Нухбалой примирился?».

Сравнительный I падеж образуется от основы косвенных падежей посредством аффикса *-кь: кIаз* «яйцо» — сравнит. I *кIазыкь, вишаь* «дерево» — сравнит. I *вишаькь, пшаь* «хлеб» — сравнит. I *пшаькь*. Этот падеж в хиналугском языке употребляется редко.

Сравнительный II падеж образуется от основы косвенных падежей с помощью аффикса *-кьили: гьилам* «осел» — сравнит. II *гьиламикьили, пхра* «собака» — сравнит. II *пхракьили, цIимир* «воробей» — сравнит. II *цIимирикьили, цIол* «коза» — сравнит. II *цIолыкьили; Къаьтир гьиламикьили гуджлудаьмаь* «Мул сильнее осла»; *Гыме лыкка чIувалысаькьили кокквармаь* «Свинина жирнее баранины».

Что же касается местных падежей со значениями нахождения предмета впереди или сзади кого-чего-либо, то они вытеснены и заменены сочетаниями родительного падежа с послелогами *къабагъыр* «впереди», *далыр* «сзади».

Следует остановиться также на некоторых случаях совмещения значений нескольких падежей формой одного падежа. Так, например, местный падеж, оформленный аффиксами *-ар, -аьр, -ир, -ур, -ыр,* совмещает в себе значения следующих падежей: дательного (*Баьдаьнир даьрман зихь* «Помажь тело лекарством»; *Ли цухамыр цухувурсу чIипхишаьмаь* «Пшеницу повезли на мельницу молоть»), дательного падежа со значением времени (*КIинажи холу михир хIазыркаь* «Зимнюю шубу приготовь летом»), местного падежа со значением нахождения предмета на горизонтальной поверхности (*Гьу къраватыр аччувкъомаь* «Он спит на кровати», *Разийьт инччамыр ччезикъомаь* «Разнят сидит на земле»), местного падежа со значением нахождения предмета внутри чего-либо (*Охурур са даьнаь инк' йеццинша ьмаь* «В кормушке осталось немного сена», *ЦIицIиндир инккер ттакквармаь* «Кузнечики в траве бывают», *Йувар кIаз къомаь* «В гнезде яйцо есть») и т. д.

Н. Д. Сулейманов

ДИАЛЕКТНЫЕ ВАРИАНТЫ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ ИМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ В ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Относительной стабильности семантической структуры фразеологизма противопоставляется большая подвижность его формы, которая обнаруживается в диалектах агульского языка. При различных модификациях ФЕ (фразеологической единицы) тождество ее сохраняется в силу того, что наблюдается стабильность семантической структуры. «Семантическая устойчивость не препятствует контекстуальной конкретизации сочетаний, но при этом такая конкретизация очень редко достигает размеров лексической полисемии»[1] Возьмем фразеологизм со значением «брать в свои руки»: *хилиъ гъушас* (ярк., фит., к.), *хилиъ акъас* (бур.) букв. «в руку брать», *гъилив фацанас (гъуйанас)* (тп.) букв. «у руки́ держать (брать)», *хилив гъушас* (бурк.) букв. «у руки́ брать». Даже резкие изменения формы компонентов не отражаются на целостном значении фразеологизма. В то время как такие изменения в слове приводят к перестройке смысловой структуры его. Большинство семантических конкретизаций целостного фразеологического значения можно характеризовать как контекстуальную модификацию этого значения[2].

В глагольных фразеологизмах по диалектам наблюдается обилие вариантов именного компонента, значительное место среди которых занимают падежные модификации. В глагольных фразеологизмах обычно глагол управляет именем, «прогнозируя» форму именного компонента; например, фразеологизм «втереть очки» имеет следующие трансформации именного компонента: *улариъ рухъ' ъахъас* (ярк.) букв. «в глаза золу всыпать» (лок. п. на -ъ), *улерис рухъ' йарх'ас* (кв.) букв. «глазам золу бить» (дат. п.).

Встречаются случаи, когда форма именного компонента не управляется глаголом, например, фразеологизм «идти (пойти) в огонь и воду, лезть на рожон»: *цIигI гIишас* (хп.) букв. «между огнем прыгать между» (лок. п. на *-гI*), но *цIиъ гIишас* (м.) букв. «в огонь прыгать между» (лок. п. на -ъ).

Для фразеологических единиц характерен большой «тематический диапазон» падежных мидификаций, что в свободных сочета-

---

1 *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. М., 1980, с. 31.
2 Там же.

ниях исключается, или по крайней мере, ограничивается такое варьирование. Возможность такого варьирования не беспредельна. Падежная модификация регламентируется рамками морфологической сочетаемости компонентов, в противном случае происходит разрушение фразеологизма.

В глагольных фразеологизмах агульского языка сохранились формы именного компонента, которые отступают от современных грамматических норм. Эти кажущиеся аномалии — результат отражения исторического состояния языка, состояния, когда направительный формант еще не развился и функции направительных падежей выполняли локативы. Так, например, в диалектах, где направительный формант *-ди* получил распространение, вместо ожидаемой формы именного компонента на *-ди* в отдельных фразеологизмах встречаются формы локативного падежа: *кIили-ъ вес* «ужиться» (букв. «в голову идти»). Ср. данный глагол в свободном словосочетании: *дарáди (< дара-ъ-ди) вес* «идти по направлению в лес». Форма *кIилиъ*, вместо ожидаемой *кIилúди*, отражает состояние языка, предшествовавшее развитию направительного форманта *-ди*.

В глагольных фразеологизмах агульского языка имеет место редукция изменяющегося именного компонента, доля которого в семантике фразеологизма либо отсутствует, либо она весьма незначительна, например, фразеологизм «задирать нос»: *кIил завариъ гъутIас* букв. «голову в небесах торчать» (лок. п. на -ъ), *кIил заварис гъутIас* (м). букв. «голову небе торчать» (дат. п.), *кIил гъутIас* (цир.) букв. «голову торчать». Редукция именного компонента делает связь между компонентами непроницаемой, что ведет к усилению их спаянности. Чем монолитнее фразеологизм, тем он не отягощается различными грамматическими связями.

С другой стороны, редукция одного из компонентов ведет к образованию омонимии. В глагольном фразеологизме со значениями «ходить, сделать ход (в игре)» и «делать расход» в результате редукции именного компонента по диалектам в одной форме *хил акьас* (букв. «руку делать») совпали два плана содержания (ярк., бурк., цир.); в речи сел. Фите и Квардал второе значение имеет формы *хилин акьас* (букв. «рукú делать») и *хил йерхе акьас* (букв. «руку удлинять»). Во второй форме по диалектам редукции подвергается именная часть аналитического глагола (*йерхе* длинный»). Если в трехкомпонентном фразеологизме *хил йерхе акьас* коннотативный фокус сосредоточен на аналитическом глаголе *йерхе акьас,* то при редукции коннотация распространяется на всю фразеологическую единицу Глагол в данном случае десемантизируется. В форме *хилин акьас* совершенно отсутствует внутренняя этимологическая связь компонентов. Можно априорно восстановить промежуточный компонент, утерянный в процессе структурно-семантических преобразований. Он стоял в номинативе; ср. данный фразеологизм в контексте: *вун ве гъилин фичира акье* «ты сделай какой-нибудь (что-нибудь) расход».

К. З. Чокаев

К ГЕНЕЗИСУ ОДНОГО ФОРМАНТА КОСВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В ВАЙНАХСКИХ ЯЗЫКАХ

Как установлено в наховедении, в чеченском и ингушском языках суффиксально производные имена существительные со значением лица (за исключением тех, которые образованы посредством заимствованных суффиксов) и субстантивированные прилагательные (как качественные, так и относительные), субстантивированные порядковые числительные, самостоятельные причастия и некоторые разряды местоимений склоняются по одному и тому же типу склонения.

Согласно классификации склонений имён существительных, данной проф. Н. Ф. Яковлевым, — это так называемое четвёртое склонение имён существительных[1]. По Н. С. Бибулатову — это склонение имён существительных по нормам склонения субстантивированных прилагательных[2]. По классификации З. К. Мальсагова, означенные слова отнесены ко второму неполному склонению[3].

Остальные из исследователей данного вопроса представляют то концепцию Н. Ф. Яковлева, то концепцию Бибулатова Н. С. (В. Д. Тимаев, И .Г Арсаханов и др.).

Речь идет, в частности, о существительных со значением лица по признаку профессии, рода занятий, социального положения, места жительства и происхождения, родовой, национальной принадлежности, образованных посредством суффиксов *-хуо, -руо, -луо,- -уо, -и* || *-ие* и редко *-ха, -ра* от имён существительных и качественных прилагательных, например:

чеч.	инг.[4]	
хьер — хьархуо	*хьайр — хьаьрхуо*	«мельница — мельник»
лам — ламаруо	*лоам — лоамруо*	«гора — горец»
буолх — белхалуо	*болх — болхлуо*	«работа — рабочий»
къона — къонаха	*къона — къонах*	«молодой — молодец»

[1] *Яковлев Н. Ф.* Морфология чеченского языка.— Труды ЧИ НИИЯЛ, Грозный, 1960.

[2] *Бибулатов Н С.* Типы склонения имён существительных в говорах плоскостного диалекта чеченского языка. — Известия ЧИ НИИЯЛ, т. VII. Выпуск 2: Языкознание. Грозный, 1966.

[3] *Мальсагов З. К.* Грамматика ингушского языка. Грозный, 1963, с. 26.

[4] Поскольку бацбийский (цова-тушинский) в принципе не расходится с чеченским и ингушским, ограничиваемся примерами из последних.

См. образцы склонения этих имён существительных:

Чеченский язык

И.	*хьархуо*	*ламаруо*	*белхалуо*	*къонаха*
Р	*хьархуочун*	*ламаруочун*	*белхалуочун*	*къонахчун*
Дат.	*хьархуочунна*	*ламаруочунна*	*белхалуочунна*	*къонахчунна*
Эрг.	*хьархуочуо*	*ламаруочуо*	*белхалуочуо*	*къонахчуо*
Инстр.	*хьархуочуьнца*	*ламаруочуьнца*	*белхалуочуьнца*	*къонахчуьнца*

Ингушский язык

И.	*хьаьрхуо*	*ламаруо*	*болхалуо*	*къонах*
Р	*хьаьрхуочун*	*лоамаруочун*	*болхлуочун*	*къонахчун*
Д.	*хьаьрхуочунна*	*ломаруочунна*	*болхлуочунна*	*къонахчунна*
Эрг.	*хьаьрхуочуо*	*лоамаруочуо*	*болхлуочуо*	*къонахчуо*
Инстр.	*хьаьрхуочунца*	*лоамаруочунца*	*болхлуочунца*	*къонахчунца*

Для сравнения приведем образцы склонения субстантивированных прилагательных, причастий, порядковых числительных и отдельных разрядов местоимения, которые, как было указано выше, склоняются по типу склонения приведенных имен существительных.

Чеченский язык

И.	*диканиг* «добрый»	*доьшург* «читающий»	*шолгIаниг* «второй»	*сайниг*
Р.	*дикачуьнан*	*доьшучуьнан*	*шолгIачуьнан*	*сайчуьнан*
Д.	*дикачунна*	*доьшучунна*	*шолгIачунна*	*сайчунна*
Эрг.	*дикачуо*	*доьшучуо*	*шолгIачуо*	*сайчуо*
Инстр.	*дикачуьнца*	*доьшучуьнца*	*шолгIачуьнца*	*сайчуьнца*

Ингушский язык

И.	*дикадар* «добрый»	*дешашдар* «читающий»	*шолгIадар* «второй»	*садар* «мой»[5]
Р.	*дикачун*	*дешачун*	*шолагIачун*	*сачун*
Д.	*дикачунна*	*дешачунна*	*шолагIчунна*	*сачунна*
Эрг.	*дикачуо*	*дешачуо*	*шолагIчуо*	*сачуо*
Инстр.	*дикачунца*	*дешачунца*	*шолагIчунца*	*сачунца*

В несубстантивированной форме рассматриваемые слова склоняются по принципу одной основы, имея лишь одну форму для всех косвенных падежей с общим формантом: чеч. *-чу*, инг. *-ча*.

Чеченский язык

И.	*Дика говр* «Добрый конь»	*Доьшу кехат* «Читаемое письмо»

[5] Поскольку в русском отсутствует полное структурное соответствие данному разряду слов, перевод их условный, а перевод их косвенных форм не представляется возможным.

Р.	*дикачу говран*	*доьшучу кехатан*
Д.	*дикачу говрана*	*доьшучу кехатана*
Эрг.	*дикачу говруо*	*доьшучу кехатуо*
Инстр.	*дикачу говраца*	*доьшучу кехатуо*

И.	*ШолгIа де*	*Иштта Iа*
	«Второй день»	«Такая зима»
Р.	*шолгIачу динан*	*иштачу Iаьнан*
Д.	*шолгIачу денна*	*иштачу Iаьнна*
Эрг.	*шолгIачу динуо*	*иштачу Iаьнуо*
Инстр.	*шолгIачу денца*	*иштачу Iаьнца*

Ингушский язык

И.	*Дика говр*	*Деша каьгIат*
Р.	*дикача говра*	*дешача каьгIата*
Д.	*дикача говрана*	*дешача каьгIатана*
Эрг.	*дикача говруо*	*дешача каьгIатуо*
Инстр.	*дикача говраца*	*дешача каьгIатаца*

И.	*шоллагIа ди*	*Иштта Iа*
Р	*шоллагIчи ден*	*иштача Iан*
Д.	*шоллагIча динна*	*иштача Iанна*
Эрг.	*шоллагIча динуо*	*иштача Iануо*
Инстр.	*шоллагIача денца*	*иштача Iанца*

Примечательно, что в форме множественного числа лишь у существительных со значением лица формант косвенных падежей *-чу* || *-ча* замещается формантом *-й* || *-й* (для несамостоятельных форм) и *ш* (для самостоятельных форм), исключая форму родительного падежа.

	чеч.	инг.
	Несамостоятельные формы	
И.	*белхалуой̃ газета*	*болхлуой газета* «рабочая газета»
Р.	*белхалуой̃ газетан*	*болхлуой газета*
Д.	*белхалуой̃ газетана*	*болхлуой газетана*
Эрг.	*белхалуой̃ газетуо*	*болхлуой газетуо*
Инстр.	*белхалуой̃ газетаца*	*болхлуой газетаца*

	чеч.	инг.
	Самостоятельные формы	
И.	*белхалуой*	*болхлуой* «рабочие»
Р.	*белхалуой*	*болхлуой*

Д.	*белхалуошна*	*болхлуошта*
Эрг.	*белхалуоша*	*болхлуоша*
Инстр.	*белхалуошца*	*болхлуошца*

У остальных из приведенных разрядов слов такое замещение не наблюдается.

Приведённые субстантивированные формы имён и имена существительные со значением лица в форме единственного числа в самостоятельном употреблении склоняются по принципу двух основ: одна основа с корневой морфемой *-чу* || *-чуь* || *-ча* + живые форманты косвенных падежей — *-на, -уо, -ца* и др.

Двухосновный принцип склонения субстантивированных форм обусловлен тем, что такие формы имеют в диахронном плане разнородный характер: атрибутивность как первичный по времени признак + субстантивность как вторичный по времени признак.

Сложнее вопрос о разнородности склонения суффиксально-производных существительных со значением лиц по тем или иным признакам.

Дело в том, что эти существительные также представляют собой субстантивированные в диахронном плане атрибутивные формы, которые в свою очередь возникли в результате эллипса определяемого члена соответствующего детерминативного словосочетания с последующим возникновением суффиксов словопроизводства путем стяжения глагольной связки и суффикса относительного прилагательного. Проиллюстрируем сказанное: *ламара* || *ломара (ча* || *чи) ва* || *йа* «горный || из гор (человек) суть» — *ламара/ломара ва* || *йа* (из гор суть) — *ламарав(й)* || *ламаров(й)* — *ламаруо* || *ломаруо* «горец»; *ламара* || *ломара* (от *лам* || *лом* — гора, *-ра* — формант исходного I падежа, + *-ча* || *-чи ва* || *йа* — глагол-связка) *в* — показатель грамматического класса мужчин; *й* — показатель класса женщин; суффиксальный дифтонг *-уо* в составе формы *ламаруо — горец* возник вследствие слияния конечного краткого гласного *а* форманта *-ра* и показателя грамматического класса в составе глагола-связки *ва* || *йа* «есть». Подобным же путем возникли и другие суффиксы лиц *-луо, -хуо* (ср. *чIебила (ча) ва* || *йа — чIебила ва* || *йа — чIебиллуо* «чеберлоевец» от местности *чIебила; хьарха (ча) ва* || *йа — хьарха ва* || *йа — хьархуо* «мельник» от *хьер* || *хьайр* «мельница») Собственно так возникает второй элемент-дифтонг *-уо*, который самостоятельно выступает в качестве словообразовательного суффикса. Начальные согласные звуки *л, р, х* восходят к формантам местных падежей, соответственно к формантам падежей направительного, исходного элатива[6] Генезис их не удается выяснить.

---

[6] *Чокаев К. З.* Словообразование имён существительных в чеченском языке (с привлечением материалов из ингушского и бацбийского языков). — Известия ЧИ НИИЯЛ, т. IV, вып. II: Языкознание. Грозный, 1962; *Он же:* Морфология чеченского языка, ч. II, Грозный, 1970; *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. — Грозный, 1963, с. 397—398.

По нашему мнению, элемент *-ча* || *-ч(у)*, наличествующий в формах косвенных падежей у приведенных суффиксально-производных существительных вайнахских языков, — не что иное, как эллипсированный при образовании синтетических форм член соответствующего аналитического комплекса *-ча* || *-чи* «человек» (resp. «медведь»), восстанавливаемый в косвенных формах падежей в виде корневой морфемы или реликта второй основы *-чу* || *-ча* в составе приведённых субстантивированных имен (ср. ав. *с̆* — *е*) и существительных со значением лиц, а в косвенных формах несубстантивированных прилагательных, причастий, порядковых числительных и некоторых местоимений, сам выступающий в функции живого падежного форманта.

Определённый интерес в связи с изложенным представляют параллели из родственного аварского языка — ср., например, ав. *МагIарулчи* — «горец», букв. «горный человек», *мугIрул* — форма род. падежа слова «гора», *чи* — «человек». Известно, что в аварском *-чи* выступает в значении словообразовательного суффикса, но в нашем случае при сочетании с формой род. падежа оно выступает в значении «человек». В даргинском это слово функционирует в значении вопросительного местоимения *-чи?* «кто?»

Надо думать, что данный элемент в свете приведенных данных не имеет отношения к тюркскому словообразовательному суффиксу *-чи*.

Дело в том, что в историческом прошлом, как известно, в языках не было прилагательного как части речи, в атрибутивной функции выступали имена существительные, отнесенные к другому существительному в соответствующем определительном словосочетании. В дальнейшем происходит процесс становления сперва относительных, позже качественных прилагательных.

Таким образом, на определенном этапе развития языка функцию атрибутивного члена соответствующего словосочетания выполняет, как было отмечено, существительное, чаще в косвенной форме, причем важное значение имеет место, которое данный атрибутивный член занимает в составе соответствующего словосочетания по отношению к определяемому члену, — в нашем случае он занимал препозитивное положение по отношению к определяемому члену — *ч(а)* «человек» (resp. «медведь»), который до наших дней сохранился в значении «человек» в родственных нахским дагестанских (аварский, табасаранский, агульский *-чи*) языках, а в значении «медведь» — и в нахских; ср. *Ламара ча ва* || *йа* — *ламара ва* || *йа* — *ламаруо* «горный человек — горец»; ср. также *буц* — *баьццара* (*кехат*) «трава — зеленый (букв. травянистая (бумага)»; *мас* — *месала* (*куй*) «волос — пушистая (букв. волосяная (шапка)»; *-ра, -ла* — детерминанты (resp. падежные форманты).

Когда мы утверждаем, что разбираемый реликт второй основы деривативных форм *-чу* || *-ча* восходит именно к *-ча* || *чи* — «человек—медведь», берётся во внимание то, что указанные формы несут в себе значение «признаковости»: лицо по разным признакам;

в подобной функции выступали также и предшествующие аналитические комплексы, на основе которых возникли рассматриваемые синтетические падежные формы. Таким образом, изменилась лишь форма выражения, значение же осталось прежнее.

При этом старая форма не исчезает бесследно, а переходит в другое состояние, оставаясь в консервированном виде в недрах новой формы в виде реликта предшествующей стадии развития языковой материи.

Таким реликтом мы и рассматриваем элемент *-чу* || *-чуь* || *-ча*, обнаруживаемый в косвенных формах падежей указанных имен.

Следует оговориться, что, очевидно, субстантивированные формы (прилагательные, причастия, порядковые числительные и некоторые разряды местоимений) не возникли в результате эллипса соответствующего определяемого компонента словосочетания со значением лица-человека *(чи* || *ча)*, а восходят непосредственно к сложным причастным формам (соответствующее слово + причастная форма глагола-связки *верг* || *йерг* || *дерг* || *берг)* ингуш. *вар* || *йар* || *дар* || *бар;* итумк.-шатоевск. *вер* || *йер* || *дер* || *бер* «сущий» от глагола-связки *ва* || *ву (й, б, д);* см. чеч. *доьшуш верг (йерг* || *дерг* || *берг)*, инг *дешаш вар (й, д, б)*, итумк-шат. *дешаш вер (й, д, б)* «читающий»; чеч. *шолагIверг* || *шоллагIниг (й, б, д)*, инг. *шоллагIвар (й, б, д)*, итумк.-шат *шолагIа вер (й, б, д)* «второй», чеч. *савер* || *сайниг (й, б, д);* инг *савер (й, б, д)*, итумк-шат. *савер (й, б, д)* «мой» и т. д.

На основе данных причастных форм возникли в чеченском плоскостном диалекте субстантивированные формы с суффиксом *-ниг (диканиг* «добрый», *вониг* «злой», *шолгIаниг* «второй», *сайниг* «мой» и др.), вернее, *суффикс -ниг* — результат выпадения классного показателя в *(й, д, б)* и дрожащего *-р; -н* — получен из назализованного окончания соответствующих несубстантивированных форм *(дика* — «добрый», *шолгIа* — «второй», *са* — «мой» и т. д.) При этом следует иметь в виду, что суффикс *-рг* представлен в прошлом в полногласной форме *-риг*, что и показывают некоторые горные говоры чеченского языка (чеберлоевский и др.)

Хотя при возникновении приведенных субстантивных синтетических форм в соответствующих аналитических формах отсутствовало слово-компонент *-ча* || *-ч(и)* «человек-медведь», но оно могло подразумеваться по аналогии, о чем свидетельствуют классные показатели, в частности, *в* || *й*, непосредственно указывающие на разумный предмет[7]

---

[7] О том, что в нахских и других иберийско-кавказских языках первоначально было только два грамматических класса с показателями в парадигме ед. ч. *в* (для лиц мужского пола и *й* для лиц женского пола), общеизвестно. Остальные классы и их показатели возникли позже. См.: *Чикобава А. С.* К вопросу о процессах нейтрализации и дифференциации (спецификации) грамматических классов в дагестанских и нахских языках. Вопросы иранской и общей филологии. — Тбилиси, 1977; *Он же*: К генезису второго грам. класса (женского рода) в горских иберийско-кавказских языках *(резюме)*. — Сообщ. АН ГрузССР, т. III, № 4, Тбилиси, 1942.

Появление же *-ча* || *-чу* в косвенных формах несубстантивированных атрибутивных слов (местоимений, порядковых числительных, причастий) можно объяснить тем, что первоначально эти формы употреблялись только в сочетании со словом *-ча* || *-чи,* так как прилагательное на начальной стадии развития языка выступало, как отмечалось, лишь в форме имени существительного в сочетании с другим существительным — определяемым членом соответствующего определительного словосочетания. Таким словом — определяемым могла быть и форма *-ча* || *-чи,* которая впоследствии органически слилась с атрибутивным именем при превращении его в грамматическую категорию прилагательных. Такое предположение приложимо также к сказанному выше о субстантивных формах: если элемент *-чи* || *-ча* наличествует в несубстантивных формах, то само собой разумеется, допустимость его присутствия и в субстантивных формах, возникших на основе первых.

Таким образом, и в формантах косвенных форм падежей несубстантивированных атрибутивных слов усматривается реликт древнейшего общекавказского слова «человек-медведь» (чеч., инг. *ча,* даг. *чи*)[8].

Как было отмечено, данное слово в самостоятельном употреблении в значении «человек» сохранилось в некоторых дагестанских языках. В нахских оно утеряло свое значение «человек», что, видимо, объясняется появлением в них синонимных слов «адам», «стаг», а бытует оно в этих языках в своем первичном значении «медведь». Но так как, согласно марксистской диалектике, говоря словами В. И. Ленина, «...все развивается, значит все переходит из одного в другое»[9], — в своем «человеческом» значении данное слово обнаруживается в приведенных формах косвенных падежей ряда частей речи нахских языков.

Исследователь вайнахских языков кандидат филологических наук М. И. Чапанов в своей диссертации «Эргативная конструкция предложения в нахских языках» высказал мысль о том, что формант *-ч(у)* восходит к указательному местоимению *цо* «он», «этот», «тот»[10].

С дейктическим местоимением связывают данный формант и некоторые другие специалисты нахских и родственных им дагестанских языков[11].

Мы в принципе не исключаем вероятность наличия генетической связи указанного форманта с дейктическим местоимением (ср. также чеч., инг. *суо* «я», *шу* «вы»; *ш, с ч*). В то же время

---

[8] *Чокаев К. З. Человек-медведь, человек-олень* — слова общего корня в иберийско-кавказских языках. Тезисы докладов пятой региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. — Орджоникидзе, 1973; *Рогава Г. В.* К вопросу о структуре именных основ и категориях грамм. классов адыгских (черкесских) языков. Тбилиси, 1956.

[9] *Ленин В. И.* Философские тетради. Из-во полит. лит., т. 38. М., с. 229.

[10] *Чапанов М. И.* Эргативная конструкция предложения в нахских языках. — Известия ЧИ НИИЯЛ, т. IV, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962, с. 128.

[11] *Абдуллаев З. Г.* К генезису формантов датива в даргинском языке. — Вопросы языкознания, 1982, № 1.

мы допускаем возможность генетического родства данного форманта также со словом «человек-медведь». При этом мы исходим из того факта, что наиболее архаичные слова в иберийско-кавказских языках, как и других языковых группах, не были дифференцированы на части речи, а выражали нерасчлененное в лексико-грамматическом отношении понятие. Вероятно, из таких архаичных слов-корней впоследствии и выделились имена существительные, местоимения и другие именные (и глагольные) части речи, которые могут сохраняться и поныне в разных генетически родственных языках[12] как в функции самостоятельных слов, так и функции различных формантов.

Иллюстрацией данного положения, видимо, и служит факт наличия *ч(и)*: а) в функции вопросительного местоимения в даргинском; б) в значении имени существительного «человек» в аварском, табасаранском, агульском; в) в функции форманта косвенных падежей, возможно, и других категорий разных имен — в нахских.

В заключение следует отметить гипотетичность отдельных положений данной статьи, хотя логика марксистской диалектики применительно к науке о языке вселяет в нас уверенность в вероятности приведенных нами положений. В то же время считаем, что исследование вопроса на более обширном материале, представляющем разные группы иберийско-кавказских языков, в особенности дагестанских языков, может пролить свет на некоторые неясные вопросы данной проблемы.

---

[12] См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958; *Яковлев Н. Ф.* Материалы для кабардинского словаря. Вып. 1. М., 1927; *Рогава В. Г* Указ. соч.; *Чокаев К. З.* Морфология чеченского языка. Ч. I. Грозный, 1968.

Р. А. Саламова

ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В МЕЛХИНСКОМ ГОВОРЕ ЧЕЧЕНСКОГО ЯЗЫКА

Как во всех нахских языках и их диалектах, так и в мелхинском говоре, все падежи подразделяются на основные (именительный, эргативный, родительный, дательный), которые выражают абстрактные отношения, и локативные (или послеложные), функцией которых является выражение положения предмета в пространстве.

Эргатив говора обнаруживает некоторые особенности по сравнению с эргативом в чеченском литературном языке и его плоскостном диалекте.

Общее для нахских языков подразделение существительных на две категории: категория человека (личности) и категория вещи (предмета) и неразумных существ, — это основное деление выражается также и семасиологически: *мала?* «кто?» (род. пад. *хьāни?*) — относится только к человеку; *хIу*ᴴ*?* «что?» (род. пад. *сиēни*ᴴ*?*) — ко всему прочему.

Семасиологическое противопоставление человека (личности) и вещи (предмета) и неразумных существ находит свое отражение и в склонении имен существительных (образование эргатива) — в именах категории человека использованы форманты:*-а, -с(-ас)*[1].

Им. пад.	*воI* «сын»	*йоI* «девушка»	*кIанк* «мальчик»	
Эрг. пад.	*воI-а*	*йоI-а*	*кIанк-а*	
Им. пад.	*нāна* «мать»	*дā* «отец»	*вошо* «брат»	*дāда* «дедушка»
Эрг. пад.	*нāна-с*	*дā-с*	*вош-(а)с*	*дāд-а-с*
Им. пад.	*хьāша* «гость»	*къ̄уонах* «молодец»	*нускул* «невеста»	*найц* «зять»
Эрг. пад.	*хьāш-а-с*	*къ̄уонах-ас*	*нускул-ас*	*найц-ас*

[1] *Чикобава А. С.* К генезису второго грамматического класса в горских кавказских языках. — Сообщ. АН ГрузССР, т. III, № 4, Тб., 1942.

В отличие от плоскостного диалекта и чеченского литературного языка, в мелхинском говоре (в речи стариков) такие имена, как *хьаша* «гость», *къуонах* «молодец», *нускул* «невеста», *найц* «зять», в эргативе имеют формант *-(а)с.*

Чеченский язык:

Им. пад.	*воI* «сын»	*йоI* «дочь»	*кIант* «мальчик, сын»	
Эрг. пад.	*воI-уо* || *а*	*йоI-уо* || *а*	*кIант-а*	
Им. пад.	*нана* «мать»	*да* «отец»	*ваша* «брат»	*дада* «дедушка, отец»
Эрг. пад.	*нан-а-с*	*да-с*	*ваш-а-с*	*дад-а-с*
Им. пад.	*хьаша* «гость»	*къуонах* «молодец»	*нускул* «невеста»	*нуц* «зять»
Эрг. пад.	*хьеш-уо*	*къуонах-чуо*	*нускул-уо*	*ноьвц-уо*

В именах *воI, йоI* используются форманты *-уо* || *а*, в имени *кIант* — формант *-а;* в именах *нана, да, ваша, дада* использован формант *-(а)с;* в именах *хьаша, нускул, нуц* — формант *-уо;* имя *къуонах* склоняется как субстантивированное прилагательное; *хьеш* — основа род. п., *ноьвц* — основа род. п.

В мелхинском говоре сохранены архаичные формы склонения. В именах категории вещи (предмета) в эргативном падеже использованы флексии *-во* (при склонении односложных имен типа открытого слога); *-ие* (при склонении имен, обозначающих животных) и флексия *-уо (ав)* для всех остальных существительных[2].

Мелхинский говор:

а) флексия *-во* (для односложных имен типа открытого слога):

Им. пад.	*ча* «медведь»	*хи* «вода»	*джи* «овца»	*кIа* «пшеница»
Эрг. пад.	*ча-во*	*хи-во*	*джи-во*	*кIа-во*

---

[2] *Гагуа Р Р* Склонение имен существительных в бацбийском языке. — В кн.: Вопросы изучения ИКЯ. Институт языкознанания АН СССР, М., 1961, с. 72—88; *Арсаханов И. Г* Чеченская диалектология. Грозный, 1969, с. 32; *Бибулатов Н. С.* Типы склонения имен существительных в говорах плоскостного диалекта чеченского языка. Изв. ЧИ НИИИЯЛ, т. 7, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1966, с. 142—144.

Чеченский язык:

Им. пад.	*ча* «медведь»	*хи* «вода»	*джӣ* «овца»	*кIа* «пшеница»
Эрг. пад.	*че-н-уо*	*хи-н-уо*	*джӣ-н-уо*	*кIе-н-уо*

В чеченском языке имеет место наращение т. н. основообразующего согласного элемента *-н* во второй основе. Имена *ча* «медведь», *кIа* «пшеница» для образования эргатива используют основу родит. пад.

б) флексия *-ие* (при склонении существительных, обозначающих животных):

Им. пад.	*джIъали* «собака»	*луом* «лев»	*буорз* «волк»
Эрг. пад.	*джIъал-ие*	*луом-ие*	*барз-ие*

ДжIъалие йӣна йара буорз (собака убила этого волка) — мелх. гов.

ДжIъаьлуо йӣна хIара буорз (в том же значении) — чечен. яз.

в) флексия *-уо (ав)* (для всех остальных имен существительных):

Им. пад.	*тур* «сабля, шашка»	*урц* «нож»	*лам* «гора»	*кулг* «рука»
Эрг. пад.	*тур-уо*	*урц-уо*	*лам-уо*	*кулг-уо*

Как в некоторых горных диалектах и говорах (шаройском, шатойском, нашхойском, лам-аккинском), так и в мелхинском флексия эргатива *-уо* имеет более широкое употребление, чем в плоскостном диалекте[3].

Им. пад. *саг* «человек»

Эрг. пад. *саг-уо (саг-а-ва)*, где *саг-а* старая форма эргатива.

В чеченском языке: *стаг* (им. пад.), *стаг-а* (эрг. пад.).

Противопоставление человек — вещь, по-видимому, имело место и в склонении собирательных числительных:[4] *шимм-а* (флексия *-а* для человека; *шимм-уо* — флексия *-уо* для всего остального).

---

[3] *Имнайшвили Д. С.* Шаройский диалект чеченского языка. — ИКЯ, т. 17, Тбилиси, 1970.

[4] *Магомедов А. Г* Категория грамматического класса и категория лица в глаголе чеченского языка. Махачкала, 1975, с. 10—13.

«Эргатив, образованный из чистой основы посредством суффикса *-с*, является первичным, непроизводным падежом», — пишет Гагуа Р. Р. в статье «Склонение имен существительных в бацбийском языке»; и далее «...эргативом передается субъект переходного глагола»[5]

1 *Да̄-с дие̄ра циск* (отец принес кошку).

2. *Да̄-с деъара цициг* (в том же значении), где *да̄-с* «отец» в эргативном падеже, *циск* (*цициг* «кошка») — в именит. падеже; *дие̄ра* — переходный глагол.

Из послеложных падежей обращают на себя внимание направительный I и локатив.

а) Для направительного I в серии местных падежей в мелхинском использованы форманты: *-га, -ие, -ие-га, -а, -а̄-га:*

-га̄:	Им. п.	*хи* «вода»	*цIе* «огонь»	*джӣ* «овца»
	Мест.	*хи-га* «к воде»	*цIар-га* «к огню»	*джӣ-га* «к овце»
-ие:	Им. п.	*Iург* «дыра»	*пиеш* «печка»	*лерг* «ухо»
	Мест.	*Iург-ие̄* «к дыре»	*пие̄ш-ие̄*	*лерг-ие̄* «к уху»
-ие-га:	Им. п.	*луом* «лев»	*говр* «лошадь»	
	Мест.	*луо̄м-ие̄-га* «ко льву»	*говр-ие̄-га* «к лошади»	

Т. к. в именах, обозначающих животных, в эргативе используется флексия *-ие̄*, для выражения направительного падежа стало необходимым добавление второго предлога *-га*.

а:	Им. п.	*йурт* «село»	*хьу*[н] «лес»
	Мест.	*йурт-а* «к селу»	*хьун-а* «к лесу»
-а-га:	Им. п.	*на̄х* «люди»	*сие̄сак* «женщина, жена»
	Мест.	*на̄х-а̄-га* «к людям»	*сие̄сак-а̄-га* «к женщине, жене»

[5] *Гагуа Р. Р.* Склонение имен существительных в бацбийском языке. — Вопросы изучения ИКЯ, с. 72—88.

Направительный I выражает направление, обращение к какому-нибудь предмету или лицу. В чеченском языке во всех вышеприведенных именах используется формант *-ие*, который присоединяется к склоняемой основе.

б) В мелхинском, как в шаройском и кистинском диалектах, представлены общей формой направительный I (*хьанга?* «к кому?», *сенга?* «к чему?» || куда?) и локатив (*хьангахь?* «у кого?», *сенгахь?* «у чего? || где?»):[6]

Им. пад.	*сиесак* «женщина, жена»
Напр. I	*сиесак-а-га* (*далла ас ахча* «женщине, жене отдал я деньги»)
Локат.	*сиесак-а-га* (*да ахча* «у женщины, жены есть деньги»)
Им. пад.	*йурт* «село»
Напр. I	*йурт-а* (*вода суо* «в село иду я»)
Локат.	*йурт-а* (*делла ъа дов* «в селе произошла эта соора)

В чеченском языке: для направительного I используется флексия *-ие*, а локатив образуется от направительного I прибавлением предлога *-хь*.

Им. пад.	*сиесаг* «женщина, жена»	*йурт* «село»
Напр. I	*сиесаг-ие* «женщине, жене»	*йуьрт-а* «в село»
Локат.	*сиесаг-ие-хь* «у женщины, жены»	*йуьрт-а-хь* «в селе»

Отличительной особенностью мелхинского говора является наличие в нем особой формы имени, используемой в обращениях (т. н. звательный падеж). Образуется он посредством форманта *-ӣ* (долгого). *ӣ* (долгий), который представлен в исходе звательного падежа, получен в результате стяжения гласного исхода именной основы и форманта звательного падежа *-ӣ* (в рассматриваемых ниже примерах: $a + и > ӣ$; $и + и > ӣ$):

вот-ӣ	($<$ *вот-и* $+$ *и*)	«обращение к дяде»
нӣн-ӣ	($<$ *нӣн-а* $+$ *и*)	«мать»

---

[6] *Имнайшвили Д. С.* Шаройский диалект чеченского языка. — ИКЯ, т. 17. Тбилиси, 1970. *Алироев И. Ю.* Кистинский диалект чеченского языка. — Изв. ЧИ НИИИЯЛ, т. 3, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962, с. 35.

дāд-ӣ	(< *дāд-а* + *и*)	«отец, дедушка»
вош-ӣ	(< *вош-о* + *и*)	«обращение к старшему брату»
йиш-ӣ	(< *йиш-а* + *и*)	«обращение к старшей сестре»
дāц-ӣ	(< *дāц-и* + *и*)	«обращение к тете по отцу»
нāц-ӣ	(< *нāц-и* + *и*)	«обращение к тете по матери»

Сул-ӣ, Хас-ӣ, Хал-ӣ, Мум-ӣ «личные имена от Сулумбек, Хасан-бек, Хьалим, Мухьмад».

Нāнӣ, ва нāнӣ хьӯога хьайалӣе йаха (мама, мама приди сюда говорят). В такой конструкции предложения не только формант *-ӣ*, но и частица *вā*, употребляемая при повторе, выражает звательную форму.

Эта форма в чеченском литературном языке сохранилась в двух именах, да и то параллельно с формами *ваш-ā* «обращение к старшему брату и дяде по отцу»; *йиш-ā* «обращение к старшей сестре и к тете». И в чеченском языке и плоскостном диалекте звательная форма может образоваться при повторах с частицей *вā*.

Т И. Дешериева

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «АБСОЛЮТНОМ» ПАДЕЖЕ

Мы исходим из положения о том, что: а) падежные системы языков различной типологии не являются наборами «принципиально различных» по семантике единиц, поскольку в них одноименные падежи имеют подавляющее большинство одинаковых (основных) функций; б) исходный падеж парадигмы склонения, имеющий первичную основу, вполне обоснованно именуется авторами грамматик единым термином «именительный» (nominativ), поскольку его первичные, основные функции одинаковы в языках различной типологии; его дополнительные (различительные) признаки (выражение одушевленности ~ неодушевленности, активности ~ инактивности субъекта действия, лица, рода, числа) вторичны и не являются основополагающими. Попытка строгого доказательства этой гипотезы, имеющей уже историческую традицию, была ранее предпринята нами в специальном исследовании падежных систем разноструктурных языков[1]

Правомерно говорить о наличии или отсутствии той или иной категории в языках данной типологии лишь при наличии достаточно точного определения этой категории. В противном случае как положительный, так и отрицательный вывод является гипотетическим. Известно, что общепринятого определения падежа не существует. Попытка в какой-то мере изменить положение в этом вопросе была ранее сделана нами[2]. Предложенная теория затем была показана в действии при исследовании конкретных представителей нахских и восточнославянских языков в упомянутой выше монографии. Было показано, что между именительными падежами русского (номинативного) и чеченского (эргативного) языков нет не только «принципиальной», но и существенной разницы.

Используя в докладе Критерий К* при сравнении именительного падежа номинативных языков (на материале индоевропейских, тюркских и др.) с именительным падежом языков эргативных

---

1 *Дешериева Т И.* Структура семантических полей чеченских и русских падежей. М., 1974.

2 *Дешериева Т И.* Критерий определения в языке самостоятельных падежей, производных падежей (производных падежных форм) и падежных вариантов.— ВЯ, 1970, № 3. Далее этот Критерий имеет сокращенное обозначение К*.

(кавказских и др.), мы приходим к выводу о том, что второй из них является вариантом первого, поэтому введение для него специального термина «абсолютный падеж» излишне. Аналогично может быть доказано, что именительный падеж («инактив») языков активной типологии также является вариантом именительного падежа номинативных языков.

В соответствии с содержанием Критерия К* достаточно доказать, что при сравнении именительного падежа эргативных языков — $И_{эрг}$ (x) и именительного падежа номинативных языков — $И_{ном.}(x)$ имеет место комбинация № 8 выполнения/невыполнения его условий. Эта комбинация предполагает выполнение условия α и невыполнение условий β_1, β_2, β_3. Чтобы доказать, что при сравнении $И_{эрг.}$ (x) и с $И_{ном}$ (x) выполняется условие α Критерия К*, мы должны показать, что каждому предикату семантического поля $И_{эрг.}$ (x) можно поставить в соответствие хотя бы один предикат из семантического поля $И_{ном.}(x)$, близкий ему по смыслу (т. е. сравнимый с ним или соподчиненный). Это значит, что объемы понятий (v_1, v_2), соответствующие сопоставленным предикатам, находятся в каком-нибудь из положений, указанных ниже на рисунках 1, 2, 3, 4, 5, где v_3 — объем более широкого понятия, включающий в себя v_1, v_2.

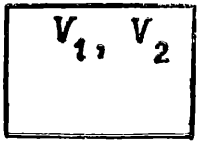

Рис. 1.

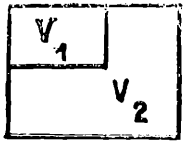

Рис. 2.

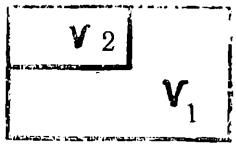

Рис. 3.

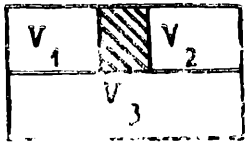

Рис. 4.

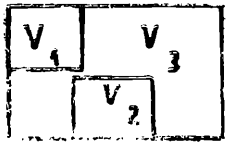

Рис. 5.

Очевидно, условия β_1, β_2, β_3 Критерия К* не выполняются при сравнении $И_{ном.}$ (x) и с $И_{эрг.}(x)$, поскольку последние имеют аффиксы, независимые друг от друга. Итак, доказав, что при сравнении $И_{эрг}$ (x) с $И_{ном}$ (x) выполяется условие α, мы тем самым докажем, что выполяется комбинация № 8 условий выполнения/невыполнения Критерия К* и, следовательно, докажем, что $И_{эрг.}$ (x) является вариантом $И_{ном.}$ (x).

Для доказательства этого положения опишем прежде всего семантические поля сравниваемых категорий $И_{эрг.}$ (x) и $И_{ном}$ (x).

Основными предикатами семантического поля И (x) являются:

$И_{эрг.}{}^{1}(x) \equiv$ «*x* исходная форма наименования лица, предмета, явления». Пример: *Словарная форма имен существительных.*

$И_{эрг.}{}^{2}(x) \equiv$ «*x* форма подлежащего при непереходном глаголе-сказуемом». Примеры: лакск. *гъарал ларчIунни* «дождь пошел»; аварск. *эмен рокъове вуссана* «отец домой вернулся»; лезг. *буба базардиз фена* «отец на базар пошел»; чеч. *со Iуьллу* «я лежу», *нана корехь хиъна Iа* «мать сидит у окна»; инг. *селхан лекце хиннаяцар из* «вчера на лекции не была она»; бацб. *се йашо гIазивхч йа пстIеилохь* «моя сестра — прекраснейшая из женщин»; адыг. *кIалэ-р къэкIуагъ* «юноша пришел»; каб.-черк. Ar ma-ve «он пашет»; груз. cxen-i movida «лошадь пришла»[3] и др.

$И_{эрг.}{}^{3}(x) \equiv$ «*x* форма подлежащего при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: мегр. osur-k gaatibu cqar-i «женщина согрела воду»; груз. kac-i klavs datv-s, сван. märe adgäri däsdw-s «человек убивает медведя»; дарг. *хIянчи усталигIиб урухкIар* «дело мастера боится»; лакск. *та чагъар чичлай ур* «он письмо пишет»; чеч. *из болх беш ву;* инг. *из болх беш ва* «он (вообще) работу делает»; и др. Здесь необходимо отметить, что в эргативных языках сфера $И_{эрг.}$ *(x)* нередко ограничена серией презенсных времен и конструкциями со значением обобщенности действия.

$И_{эрг.}{}^{4}(x) \equiv$ «*x* форма прямого дополнения при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: чеч. *зудч-о коч тоьгу* «жена шьет рубашку»; инг. *да-с лаьтта оах* «отец пашет землю»; бацб. *АникIо-с коцун хи доттир* «Анико в кувшин воду налила»; аварск. *до-с бецулеб буго ххер* «он косит сено»; каб.-черк. *щIалэ-м тхылъы-р етх* «парень письмо пишет»; груз. deda-m pur-i gamoaxo «мать хлеб испекла» и др.

$И_{эрг.}{}^{5}(x) \equiv$ «*x* форма именной части составного сказуемого». Примеры: чеч. *хIара дечиг наж бу* «это дерево — дуб (есть)»; инг. *из кхалсаг веший сесаг йа* «эта женщина — сестра брата (есть)» и др.

$И_{эрг}{}^{6}(x) \equiv$ «*x* форма приложения, уточнения». Примеры: чеч. *Тхо, колхозхой, хIинца ялташ чудерзон доладо* «Мы, колхозники, начинаем сейчас убирать хлеб» (Н. Ф. Яковлев); инг. *нана-турпалхо* «мать-героиня» и др.

$И_{эрг.}{}^{7}(x) \equiv$ «*x* форма обращения». Примеры: чеч. *Мухтар, схъавола!* «Мухтар, иди сюда!» и др.

$И_{эрг.}{}^{8}(x) \equiv$ «*x* форма главного члена номинативных, субстантивных предложений». Примеры: чеч. *Буьйса. Бутт...;* инг. *Бийса. Бутт...* «Ночь. Луна...»; и др.

Основными предикатами семантического поля именительного падежа номинативных языков — $И_{ном.}(x)$ являются:

$И_{ном.}{}^{1}(x) \equiv$ «*x* исходная форма наименования лица, предмета, явления». Пример: *Словарная форма имен существительных.*

---

[3] Здесь и далее примеры взяты, в основном, из очерков в кн.: Языки народов СССР, т. 4, Иберийско-кавказские языки, М., 1967.

$И_{ном.}^{2}(x) \equiv$ «x форма подлежащего при непереходном глаголе-сказуемом». Примеры: русск. *Земля вращается вокруг солнца;* укр. Зеленіють по садачку черешні та вишні (Т. Шевченко); литовск. patekėjo saule «взошло солнце»; молдавск. *каса а фост планификатэ.* «Дом был запланирован»[4]; англ. An dirplane was heard flying over the wood «Было слышно, как самолет летел над лесом»[5]; и др.

$И_{ном.}^{3}(x) \equiv$ «x форма подлежащего при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: русск. *Я изучаю историю СССР;* белорусск. Вы мяне зусім не зразумелі «Вы меня совсем не поняли»; литовск. Mes vakar pradėjome vežti rugius «Вчера мы начали возить рожь»; молдавск. *Еал аскулта пе копилаш* «Она слушала ребенка»[6]; чувашск. *Эпĕ кĕнеке вулатăп* «Я читаю книгу», Платниксем сурт таваççĕ «Плотники строят дом»[7]; англ. Students greeted the professor with loud applause «Студенты приветствовали профессора громкими аплодисментами»[8]; и др.

$И_{ном.}^{4}(x) \equiv$ «x форма прямого дополнения при переходном глаголе-сказуемом». Примеры: англ. Students greeted the professor; чувашск. *Эпĕ кĕнеке вулатăп* «Я читаю кингу», Платниксем çурт таваççĕ «Плотники строят дом»; и др. Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в индоевропейских языках номинатив в функции прямого дополнения обычно стоит после сказуемого; в тюркских — в препозиции к сказуемому. При подчеркнутой определенности объекта последний принимает форму дательно-винительного падежа (в чувашском, например) или винительного — кумыкском, ногайском и других языках[9].

$И_{ном.}(x)_{9} \equiv$ «x форма именной части составного сказуемого». Примеры: русск. *Я (есть) студент;* нем. Er ist Student; англ. He is a student; укр. Ти — серце, сповнене любові, ти — правий непоборный гнив... (М. Рильский) «Ты — сердце, полное любовью, ты — праведный и горзный гнев»; и др.

$И_{ном.}^{6}(x) \equiv$ «x форма приложения, уточнения». Примеры: русск. *Мы, ученые, обязуемся способствовать выполнению директив XXVI-го съезда КПСС; Марья-чудесница;* и др.

$И_{ном.}^{7}(x) \equiv$ «x форма обращения». Примеры: русск. *Пионеры*

---

[4] Языки народов СССР, т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966, 145, 518, 547.

[5] *Беляева М. А.* Грамматика английского языка. М., 1965, с. 188.

[6] Языки народов СССР, т. 1, с. 145, 182, 518, 557.

[7] Языки народов СССР, т. 2. — Тюркские языки, М., 1966, с. 48.

[8] *Беляева М. А.* Указ. соч., с. 13.

[9] См., например: *Кадыраджиев К. С.* К вопросу о склонении в кумыкском языке; *Шихмурзаев Д. М.* Функции основного падежа в ногайском языке. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979.

и школьники, овладевайте знаниями!; укр. Беріться до праці, товариші! Беритесь за работу, товарищи!» и др.

$И_{ном}{}^{8}(x) \equiv$ «x форма главного члена номинативных, субстантивных предложений». Примеры: русск. *Ночь. Луна...;* укр. Ліс, Ріка. «Лес. Река»; белорусск. Асенні дзень «Осенний день»; и др.

Поставим теперь в соответствие каждому предикату $И_{эрг}{}^{n}(x)$ $(1 \leqslant n \leqslant 8)$ предикат $И_{ном.}{}^{n}(x)$, с тем же порядковым номером. Обозначим объем предиката $И_{ном}(x)$ символом $v_1{}^{n}$, а соответствующего ему предиката $И_{эрг.}{}^{n}(x)$ — символом $v_2{}^{n}$ Можно утверждать, что $И_{эрг.}{}^{n}(x)$ и $И_{ном.}{}^{n}(x)$ сравнимы при любом $1 \leqslant n \leqslant 8$. В самом деле, при $n=1$ $v_1{}^{1}=v_2{}^{1}$ (см. рис. 1), или $v_1{}^{1} \subset v_2{}^{1}$ (рис. 2), или $v_1{}^{1} \supset v_2{}^{1}$ (рис. 3), или $v_1{}^{1} \cap v_2{}^{1} \neq 0$ (рис. 4), так как именная лексика любых двух языков сравнима по числу обозначенных ею понятий. Таково же будет соотношение объемов $v_1{}^{2}$, $v_2{}^{2}$ (при $n=2$), поскольку номинатив в функции подлежащего при непереходном глаголе-сказуемом весьма характерен как для номинативных, так и для эргативных языков.

При $n=3$ $v_1{}^{3} \subset v_2{}^{3}$, потому что номинатив в функции подлежащего при переходном глаголе-сказуемом менее характерен для эргативных языков. В этой функции здесь чаще выступает эргатив или другой падеж, совмещающий функцию эргатива и других падежей (родительного, творительного и др.).

При $n=4$ $v_2{}^{4} \subset v_1{}^{4}$, что объясняется тем, что номинатив в функции прямого дополнения более употребителен в языках эргативных.

Соотношение объемов $v_1{}^{n}$ $v_2{}^{n}$ при $5 \leqslant n \leqslant 8$ будет таким же, как и при $n=1$, 2, так как языки номинативной и эргативной типологии не имеют заметных различий в частоте и принципах реализации предикатов $И_{эрг}{}^{n}(x)$, $И_{ном.}{}^{n}(x)$, с указанными порядковыми номерами.

Итак, каждому предикату $И_{эрг}(x)$ из семантического поля $И_{эрг}(x)$ мы поставили в соответствие предикат $И_{ном.}(x)$ с тем же порядковым номером n из семантического поля $И_{ном.}(x)$, сравнимый с ним. Следовательно, при сравнении $И_{эрг.}(x)$ с $И_{ном}(x)$ выполняется условие **а** Критерия К* и комбинация № 8 выполнения-невыполнения условий этого Критерия. А это значит, что $И^{эрг.}(x)$ является вариантом $И_{ном.}(x)$, что и требовалось доказать.

Рассмотренный нами вопрос о статусе «абсолютного падежа» не является чисто терминологическим. Это принципиальный вопрос, имеющий непосредственный выход в теорию грамматики и типологию. В частности, от того или иного его решения зависит корректность или некорректность утверждения о «принципиальном» отличии «абсолютной конструкции» предложения в эргативных языках от номинативной конструкции языков номинативных, якобы вообще не имеющей места в языках эргативных, равно как утверждения о том, что падежные системы номинативных, эргативных, активных языков являются наборами «принципиально различных категорий», именуемых падежами. Некорректность этих

утверждений является следствием приведенного выше доказательства вариативности именительного падежа эргативных языков по отношению к именительному падежу языков номинативных.

В предлагаемом нами варианте решения рассматриваемого вопроса введение терминов «абсолютный падеж», «абсолютная конструкция» излишне; они лишь затрудняют сравнительно-типологические исследования разноструктурных языков, их, по-возможности, единообразное описание, необходимое, например, при создании энциклопедии «Языки мира».

М. Е. Алексеев

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАЛЕЗГИНСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КОСВЕННОЙ ОСНОВЫ НА СОГЛАСНЫЙ

Одним из важнейших принципов именного склонения в лезгинских (как и в дагестанских в целом) языках является противопоставление прямой и косвенной основы. Первая обычно совпадает с формой номинатива (абсолютива), вторая вычленяется во всех остальных падежах. Существующие аффиксы косвенной основы условно можно подразделить на две группы: вокалические, т. е. состоящие из одного гласного, и консонантные, имеющие в своем составе хотя бы один согласный. Природа взаимоотношений показатеелй обеих групп в настоящее время недостаточного изучена. В порядке рабочей гипотезы нами принимается в качестве возможной следующая ситуация: каждое имя существительное в пралезгинском языке имело две формы косвенной основы — вокалическую и консонантную. Эти формы могли противопоставляться по определенности ~ неопределенности и т. п. В настоящей работе предлагается попытка реконструировать для пралезгинского состояния некоторые аффиксы второй группы.

В исследованиях по лезгинским языкам отмечаются следующие показатели косвенной основы на согласный (часто трактуемые как суффиксы эргатива, поскольку его форма обычно совпадает с косвенной основой):

лезг. *-ди, -ци, -цIи, -чи, -чIи; -ади, -еди; -уни, -ини; -ра, -ре*[1];
таб. *-ди, -ри, -ли, -ни, -ну (-на-), -ру (-ра-), -лу*[2];
агул. *-ди, -ала, -ела, -ура, -ани, -уна, -уни*[3];
рут. *-ди; -ар, -ыр; -ал, -ыл; -мы-; -ш-*[4];

---

[1] См. *Жирков Л. И.* Грамматика лезгинского языка. Махачкала, 1941, с. 33; *Мейланова У А.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. Махачкала, 1960, с. 8. Диалектные варианты в приводимом списке опущены.

[2] См. *Магометов А. А.* Табасаранский язык. Тбилиси, 1965, с. 99; *Ханмягьмадов Б.* Табасаран чIал. Педучилищейиз вуйи учебник. Махачкала, 1966, с. 70.

[3] См. *Шаумян Р* Грамматический очерк агульского языка. М.—Л., 1941, 23; *Магометов А. А.* Агульский язык. Тбилиси, 1970, с. 72.

[4] См. *Джейранишвили Е. Ф.* Основные вопросы фонетики и морфологии цахурского и мухадского (рутульского) языков. — АДД. Тбилиси, 1966, с. 48—53; *Ибрагимов Г Х.* Рутульский язык. М., 1978, с. 248—253.

цах. *-не-, -ш-*[5];

арч. *-ли, -ни; -му, -ми; -тай; -ири, -ари* и др.[6]
крыз. *-ырды, -ирды; -ил; -ыр; -джи*[7];
буд. *-ылд, -илд, -улд; -ыл, -ил, -ул; -ын, -ин, -ун, -джэ;*

уд. *-н-, -ин-; -т̄-*[8].

Как видно из вышеприведенного списка, консонантные показатели косвенной основы в лезгинских языках достаточно разнообразны. В специальной литературе предлагались различные способы объяснения подобного разнообразия. С одной стороны, различные суффиксы косвенной основы считались историческими фонетическими видоизменениями одного из них. По мнению Е. А. Бокарева, например, крыз., буд. *-р* (аффикс эргатива) и уд. *-н* восходят к **-ди (>*ри>р; >*ни>н)*[9]. Аналогично решает вопрос о многоформантности косвенной основы в лезгинском языке Б. Б. Талибов, возводящий к **-ди* не только форманты *-ц̄и, -цIи, -ч̄и, -чIи,* но и *-уни/-ини* и *-ра/-ре*[10]. С другой стороны, была высказана гипотеза о генетической связи аффиксов косвенной основы с классными показателями[11]

На наш взгляд, возможность объяснения разнообразия суффиксов косвенной основы теми или иными фонетическими процессами в значительной степени сомнительна. Так, постулации перехода **д>р* перед ударными *а, е* явно противоречит материал лезгинского языка, где в данной позиции имеем *т̄*. В позиции же между узкими гласными, где ожидался бы переход **д>н, д* сохраняется, ср. *тини-ди* «тесто» (эрг. пад.) и т. п. Что же касается гипотезы о классном происхождении детерминантов косвенной основы, то следует заметить, что она не получила пока надежного обоснования. Вместе с тем сопоставительный анализ вышеперечисленных аффиксов позволяет утверждать, что по крайней мере часть из них уже функционировала на пралезгинском уровне.

---

[5] См. *Курбанов А. И* Система склонения в цахурском языке. — АКД. Баку, 1968, с. 10—11, *Талибов Б. Б.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей цахурского языка. — В кн.: Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979, с. 9.

[6] См. *Микаилов К. Ш.* Арчинский язык. Махачкала, 1967, с. 44; *Кахадзе О. И.* Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков.— АДД. Тбилиси, 1973, с. 13.

[7] См. *Саадиев Ш. М.* Склонение имен существительных в крызском языке.— В кн.: Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. М., 1961, с. 243.

[8] См. *Джейранишвили Е. Ф.* Удийский язык. Тбилиси, 1971, с. 50; *Панчвидзе В. Н.* Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974, с. 48.

[9] *Бокарев Е. А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка. — В кн.: Вопросы грамматики. М.—Л., 1960, с. 46.

[10] *Талибов Б. Б.* О некоторых фонетических процессах в згинском языке.— Уч. зап. ИИЯЛ, т. II. Махачкала, 1962, с. 132—133.

[11] См., например, *Ханмагомедов Б. Г.-К.* Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков.— АКД. Махачкала, 1958, с. 18—19.

Так, показатель косвенной основы *-*ра* может быть реконструирован на основе следующего сопоставления: лезг. -*р*/-*ре* (в зависимости от ряда гласного основы), таб. -*ру* (в эргативе)/-*ра*- (в остальных падежах), агул. -*ура*, рут. -*ар*, -*ыр*/-*ир*, арч. -*ири*, крыз. -*ыр*/-*ир*/-*ьр*. Судя по данным современных языков, этот показатель принимали одушевленные имена.

Наиболее последовательно употребление данного показателя при одушевленных именах в лезгинском языке, где его принимают односложные названия животных, птиц и насекомых, ср. *лам-ра* «осел», *шутI-ра* «клоп», *ких-ре* «сойка» и т. д. Кроме того, он отмечается у нескольких названий лиц: *лукI-ра* «раб», *чам-ра* «жених», *паж-ра* «незаконнорожденный». В других языках представлены различные тенденции в изменении сферы употребления данного форманта. В арчинском и крызском языках его функции сведены к минимуму: в первом можно отметить лишь имена *беIкI-ири* «баран», *нецI-ири* «вошь», *нетI-ири* «гнида», во втором — *лькI-ьр* «теленок», *кыс-ыр* «курица», *лиш-ир* «вошь», *лыф-ыр* «голубь», *тIытI-ыр* «муха».

Не исключено, однако, что рефлексом пралезг. *-*ра* является первый компонент крызского суффикса -*ырды*/-*урды*, где вторая часть восходит к другому форманту косвенной основы **то*. В этом случае к вышеприведенным примерам можно добавить также *сар-ыр-ды* «медведь», *къур-ур-ды* «заяц», *кьал-ыр-ды* «мышь», *сел-ыр-ды* «улар». Легко заметить, что двойная аффиксация в данном случае вызвана сонорным исходом прямой основы.

В будухском языке при названиях животных отмечается суфф. -*улд*, -*илд*: *къоч-улд* — «баран», *хилгъ-илд* — «лошадь», *тIей-илд* — «жеребенок», *лем-илд* — «осел», *курчI-улд* — «щенок», *кыс-ылд* — «курица» и т п. Это наталкивает на мысль о существовании суфф. *-*ырды* уже на протошахдагском уровне. Процесс *р > л в данном случае мог быть вызван вытеснением в будухском языке аффикса *-*ур*- формантом -*ул*-, т. е., по существу, аналогией.

Дальнейшее развитие этого суффикса протекало неоднородно. Если в исходном состоянии его принимали названия животных с сонорным исходом прямой основы, то в будухском сфера употребления -*улд*- распространилась и на другие имена данной лексической группы (ср. *къоч* «баран», *кыс* «курица» и др.). В крызском же возобладала тенденция к оформлению этим аффиксом имен с сонорным исходом независимо от их семантики, ср. *тIирырды* «сучок», *кыл-ырды* «рука», *кьын-ырды* «клятва» и др.

Иная ситуация наблюдается в табасаранском, агульском и рутульском языках. Здесь, с одной стороны, рефлексы *-*ра* употребляются не только при названиях животных, но и при именах других семантических групп, ср. таб. *хаIв-ру* «воротник», «вымя», *диф-ру* «облако», *луг-ру* «рукав» и др., агул. *арс-ура* «серебро», *мурцI-ура* «перо», *рудж--ура* «хвост», *тIинкI-ура* «капля» и др., рут. *мык-ыр*

— «лед», *дал-ыр* — «палка», *лидж-ир* — «жребий», *лыз-ыр* — «глина» и др. С другой стороны, при ожидаемых рефлексах *-*ра* в данных языках могут выступтаь иные консонантные показатели, ср. таб. *джакьв-ли* «птичка», *пеъ-ли* «курица», *датт-ли* «петух», *марчч-ли* «овца» и др., агул. *вакI-ала* «свинья», *цIегь-ела* «коза» (в рутульском подобные примеры отсутствуют).

Подобное положение, очевидно, явилось следствием взаимодействия множества частных фонетических и семантических аналогий, приведших к разрушению исходной системы (ср. употребление *-ура* в агульском при именах с корневыми *-р-*, *-н-* или оформление названий птиц в табасаранском аффиксом *-ли*). Во всяком случае более проблематичным представляется предположение о былой соотнесенности *-*ра* с более широким кругом имен, поскольку четких соответствий вне класса названий животных, насекомых и птиц устновить не удается.

Обзор развития пралезгинского показателя *-ра* будет неполным, если не учесть два обстоятельства. Во-первых, следы его функционирования можно обнаружить в некоторых формах номинатива типа крыз. *сар*, буд. *сор* «медведь» < пралезг **сверъ*, косв. осн. *сверъ-ра* (ср. лезг *сев-ре*), крыз., буд. *хор* «собака» (ср. агул. *гъуй*, род. пад. *гъва-ра-н*) и т. п., где этот формант выступает ныне в окаменелом виде. Во-вторых, к пралезг *-*ра*, по-видимому, восходит аффикс эргатива в рутульском и шахдагских языках[12].

В последнем случае следует предполагать процесс переразложения формы эргативного падежа у имен, имевших показатель *-*ра*:

	Исходное состояние	Современное состояние (рут. яз.)
Ном.	*йац* «бык, вол»	*йац*
Эрг.	*йац-ара* ‖ *йац-а*	*йац-а-ра*
Род.	*йац-ар-ды* ‖ *йац-а-д*	*йац-а-д*
Дат.	*йац-ар-ыс* ‖ *йац-а-с*	*йац-а-с*

Вычленившийся таким образом аффикс эргатива распространился затем и на парадигму других имен (аналогичный процесс, вероятно, имел место и в шахдагских языках). Лишь в некоторой части словаря рутульский язык сохранил старое оформление эргатива, ср. *дид* «отец» — эрг *дид-аь* и нек. др.

Наконец, следует отметить, что табасаранский суффикс *-ри*, характеризующий названия людей (*авам-ри* «невежда», *аьбаб-ри* «немой», *игит-ри* «храбрец» и т. д.), имеет иное происхождение: *-р-* здесь является окаменелым показателем личного класса, в то время как исконным суффиксом косвенной основы является *-и*.

---

[12] На подобную связь в свое время указывал *Бокарев Е. А.* Указ. соч., с. 46.

Пралезгинский показатель *-не- представлен в современных лезгинских языках следующими рефлексами: лезг. *-ади/-еди*, таб. *-ди* (диал. *-ри*), агул. *-ди*, рут. *-уди-*, цах. *-не-*. Во многих языках произошло совпадение пралезгинских показателей *-не- и *-ти- (> *ди*), однако соображения функционального порядка позволяют их разграничить.

Прежде всего обращает внимание очевидная семантическая обусловленность лезг. *-ади/-еди*, присоединяющегося к названиям неисчисляемых объектов (ср. *жив-еди* «снег», *муркI-ади* «лед», *цIвегь-еди* «сыворотка» и т. д.), в то время как *-ди* в этом языке за редкими исключениями присоединяется к многосложным именам любой семантики. Во-вторых, цах. *-не-* характерен для имен той же семантической группы (ср. *ник-не* — «молоко», *нукь-не* — «земля», *нухъ-не* — «солома»), причем соответствие лезг. *д* ~ цах. *н* указывает именно на исконный *н (ср. аналогичные соответствия в лексемах «вода», «блоха», «куропатка», «звезда» и др.). Учитывая это, в остальных языках можно разграничить два различных по происхождению аффикса *-ди:* один из них употребляется при заимствованиях и многосложных именах (< *-ти), второй же (< *-не-) — при односложных именах, обозначающих вещества.

Отметим, что показатель *-не- лишь в лезгинском языке сохранил свою продуктивность. В остальных языках круг имен, его принимающих, весьма ограничен, ср. таб. *накьв-ди* «могила» < *«земля», *нахъв-ди* «солома», *руг-ди* «пыль» и др., агул. *некьв-ди* «земля», рут. (хнюх.) *йак-ыди* — «мясо», *леъе-ди* «шкура», *нах-цди* «солома», *накь-цди* «земля», *руг-ади* «пыль». Как видно, вышеприведенные лексемы в целом достаточно хорошо соответствуют друг другу (добавим также лезг. *некI-еди* «молоко» ~ таб. *никк-ди* ~ агул. *некк-ди* ~ рут. *нек-ыди* ~ цах. *ник-не*). Поскольку в табасаранском языке имел место процесс *д > р, характерный для некоторых говоров[13], можно полагать, что некоторые литературные формы с аффиксом *-ри* типа *йиф-ри* «медь» восходят к исконным формам с *-ди (< *-не) и проникли в литературный язык в результате междиалектных контактов (ср. ханаг. *йиф-ири* «медь» и т. п.).

Пралезгинский показатель *-ни восстанавливается на основе следующего соответствия: лезг. *-цни/-цни*, таб. *-ни*, агул. *-ани* (?), буд. *-цн/-цн/-ын*, уд. *-н-*, *-цн-*. Сфера функционирования этого аффикса может быть реконструирована исходя из данных лезгинского и табасаранского языков. В первом суфф. *-цни/-цни* достаточно продуктивен и, противопоставляясь суфф. *-ади/-еди*, маркирует

---

[13] См. *Магометов А. А.* Табасаранский язык, с. 61—62.

названия исчисляемых предметов, ср. *кӏул-уни* «веник», *къаш-уни* «драгоценный камень», *рикӏ-ини* «дверь» и т. д. В табасаранском суфф. *-ни* отмечается лишь у нескольких лексем, обозначающих непарные части тела: *риджв-ни* «хвост», *ушв-ни* «рот», *хъуӏхъ-ни* «нос», *дуьд-ни* «горло»[14].

Таким образом, можно говорить о том, что суффикс **-ни* присоединялся к исчисляемым именам. В остальных лезгинских языках его функции значительно видоизменились. Так, довольно широки функции *-н-/-ин-* в удинском. В будухском произошло позднейшее перераспределение суфф. *-ун-*, употребление которого регламентировано ныне фонетически: сонорным исходом прямой основы, ср. *кьыл-ын* — «голова», *гӏин-ин* — «кишка», *чӏер-ин* — «волос» и т. п. Наши сведения о соответствующих агульских рефлексах, к сожалению, очень скудны. А. А. Магометов приводит формы *муртт-уни* «угол» и *руб-ани* «игла»[15] У Р Шаумяна находим также *кӏур-ани* «дерево»[16], что явно недостаточно для каких-либо далеко идущих утверждений. Такие же агульские формы, как *дарс-уни* «урок», *кьул-уни* «доска», *атб-уни* «жила», могли быть результатом влияния лезгинского языка.

Для реконструкции пралезгинского показателя **-ли* можно привлечь следующие соответствия: таб. *-ли*, агул. *-ала/-ела*, рут. *-ал-/-ыл-*, арч. *-ли*, крыз. *-ил*, буд. *-ул-*, уд. *-ла-* (?). Реконструкция семантической соотнесенности этого суффикса не представляется в настоящее время возможной. Во-первых, арч. *-ли* является практически универсальным показателем косвенной основы, употребляясь без каких-либо семантических и фонетических ограничений (лишь после *н -ли* > *-ни*). То же можно сказать и о шахдагских рефлексах за исключением того, что в будухском запрещена сочетаемость *-ул-* с именами, имеющими сонорный исход прямой основы. Во-вторых, крайне ограниченно использование суфф. *-ла-* в удинском: в нашем распоряжении имеется лишь один пример — *га* «место», род пад. *га-ла-й* || *га-н-ей*.

Хотя свидетельства табасаранского, агульского и рутульского языков, на первый взгляд, могут показаться более информативными, здесь опять же не обнаруживается ни семантической, ни фонетической регламентации. В данном случае можно было бы восстанавливать **-ли* непосредственно при каждой лексеме, обнаруживающей соответствие таб. *-ли* ~ агул. *-ала/-ела* ~ рут. *-ал-/-ыл-*, ср.

	таб. (ханаг.)	**рут. (хнюх.)**
«ноготь»	*шӣав-ли*	*хьеб-ел-*

---

[14] См. *Ханмагомедов Б. Г.-К.* Система склонения..., с. 8. Отметим, что суфф. *-ну (-на-)* в табасаранском языке, маркирующий обозначения отвлеченных понятий типа *гудж-ну* «сила», *дад-ну* «вкус», *дих-ну* «зов», имеет иное происхождение. С одной стороны, его широкое употребление в заимствованной лексике указывает на несомненное новообразование. С другой стороны, не исключена его связь с адъективным (местоименным) суффиксом *-ну-*.

[15] *Магометов А. А.* Агульский язык, с. 74.

[16] *Шаумян Р* Указ. соч., с. 23.

«сказка»	*махъ-или*	*махв-ал-*
«дождь»	*мархь-или*	*маф-ал-*
«колючка»	*дзадз-или*	*заз-ал-*
«щипцы»	*кьаIмцц-или*	*къецI-ел-*

Тем не менее подобную реконструкцию, видимо, нельзя признать надежной.

Как видно, хотя точно сферу употребления каждого из вышеперечисленных показателей установить не удается, они являлись в пралезгинском языке своего рода классификаторами. Тем не менее, увязывать эти показатели с категорией класса непосредственно было бы ошибкой. Во-первых, распределение имен по косвенным основам не совпадает с классным. Во-вторых, между рассматриваемыми формантами и классными показателями отсутствует материальное тождество, если не считать случайного совпадения *-*ра* с показателем I—II кл. сильной серии и II кл. слабой серии *-*р*-.

Помимо охарактеризованных выше суффиксов к общелезгинскому состоянию можно возводить также суфф. *-*ти*, представленный следующими рефлексами: лезг. -*ди* (> -*ци* и пр.), таб. -*ди*, агул.-*ди*, арч. -*тай*, крыз. -*джи*, буд. -*джэ*. Практически во всех языках сфера его употребления ограничена многосложными и заимствованными словами. Лишь в арчинском суфф. -*тай* маркирует имена с исходом на -*й* типа *дей-тай* «глиняный материал» и т. п. Исходя из этого, можно говорить об исконном оформлении данным аффиксом многосложных имен, причем, по-видимому, только некоторых из них. В целом же оправданным можно считать возведение данного форманта к аффиксу прилагательного.

В заключение отметим некоторые общедагестанские параллели рассмотренных выше суффиксов:

пралезг. *-*ра* ~ лак. -*ра*- ~ гин. -*ру*- / -*ра*-,

пралезг. *-*ни* ~ дарг. -*ни*- ~ лак. -*ни*-,

пралезг. *-*ли* ~ лак. -*лу*- ~ дарг. -*ли*- ~ гунз. -*ла*- ~ беж. -*ла*-/-*ли*- ~ гин. -*ли*- ~ ботл. -*ла*-.

А. М. Асланов

НЕКОТОРЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ БЕСПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Независимо от структурного совершенства, функционального статуса, от наличия и отсутствия письменности, от генетической и типологической принадлежности, все живые языки развиваются.

На различных уровнях развития находятся литературные и бесписьменные языки. Функционирующие в Азербайджанской ССР бесписьменные языки делятся на две группы: 1) языки с относительно богатым лексическим составом; 2) языки с относительно бедным словарным запасом.

Языки, относящиеся к первой группе, в тридцатые годы имели письменность, на них печатались учебники, на эти языки переводилась общественно-политическая, художественная и отчасти научно-техническая литература. Сюда относятся лезгинский, аварский, цахурский, удинский, талышский, татский и курдский языки.

Языки второй группы: крызский, будухский, хиналугский не имели письменности.

Роль морфологической категории падежа в языках различных систем не является одинаковой. В одних языках она развивается, а в других она постепенно сужает свою позицию, передавая свои функции другим категориям. Даже в очень близких родственных языках развитие системы падежей дает различные результаты.

Как известно, система падежей пространственных отношений картвельских и абхазо-адыгских языков относительно проста. Она осложняется в нахских языках. Еще сложнее представлены локативные падежи в дагестанских языках. Восемь серий местных падежей в бежтинском — по два падежа в каждой (падежи покоя и удаления), семь серий — по три падежа в каждой (падежи покоя, направительного и удаляющего) — в андийском, годоберинском, ахвахском, багвалинском, тиндинском, цезском, гинухском и гунзибском; по шесть серий (трехпадежная) — в ботлихском и хваршинском.

Примерно такое же положение в языках южнодагестанской подгруппы: в агульском 8 серий, в табасаранском 7 серий, в лезгинском 5 серий локативных падежей. Претерпели некоторые количественные и качественные изменения падежные системы дагестанских языков, представленных в Азербайджанской ССР.

По определению А. М. Дирра и Б. Б. Талибова, в цахурском представлено 10, по А. И. Курбанову, — 12, а по мнению А. Н. Генко, — 16 падежей, передающие пространственные отношения. Местных падежей в цахурском — двенадцать.

Делятся они на четыре серии. В каждую серию входят падеж покоя, исходный, направительный. Окончания падежей покоя: *-а, -э, -аль, -эль, -ана, -к;* исходных: *-анче, -энче, -ле, -ссе, -ке;* направительных; *-хъа.* Эти окончания восходят к самостоятельным словам: *а* «внутри», *анче* «изнутри», *ахъа* «вовнутрь», *къалхъа* «наверх», *агьина* «на низ», *огъахъа* «на верх по вертикали», *авхъа* «вниз по вертикали», *кIанехъа* «по направлению к предмету», «на дно».

В процессе развития категории падежа цахурского языка самостоятельные лексические единицы — наречия места превратились в окончания: *агъалла* «на верх», *агьина* «на низ», *кьадалгъана* «поперек по горизонтали» функционируют и как самостоятельные слова, и как окончания; *чIалагыкеъалла* «по лесу на верх», *чIалагылекIена* «по лесу вниз», *чIалагыкегъана* «по лесу поперек».

В различных говорах цахурского языка сохранились еще древние формы: *чIалагыке ггаль алла,* буквально «по лесу *ртом* на верх», *чIалагыле ггаль эгьина,* букв. «по лесу ртом вниз». Однако отсутствует *чIалагыле ггаль къадалгъана,* букв. «по лесу *ртом* поперек». Очевидно, уменьшается число противопоставлений серии.

С интересным фактом сталкиваемся в материалах хиналугского языка: «...в морфологической системе хиналугского языка перекрещиваются элементы склонения и спряжения. Это относится... к аффиксам *и, р, с, х, ш,* встречающихся как в системе склонения, так и в системе спряжения в качестве наиболее древних и устойчивых морфологических элементов».

Местные падежи в крызском делятся на древние и поздние. Утрачивая свою первоначальную конкретную падежную функцию, формы локальных падежей приобретали новые значения.

К производным формам относит Ю. Д. Дешериев будухские послеложные конструкции модели: *имя существительное + послелог,* оформленный формантом падежа; *мыкIатIыджы йандже* «мимо веревки», *мыкIатIыджы тараф* «в сторону вереки», где послелоги являются заимствованными из азербайджанского языка.

Сравнительно проще представлена система падежей в удинском языке. Местных падежей в нем шесть. Их относят к послеложным падежам, в которых послелоги, превращаясь в аффиксы, слились с падежными формами; *адамар-хо, адамар-ахол-ан, адамар-ачI, адамар-ал, адамар-астIа, адамар-енкI-ена,* где *-а, -л, -а, -ч, -а, -стIа, -а-хун, -айанкI, -ейанкI, -аъйнакI, -еъйнакI* являются реликтами самостоятельных слов.

Относительно падежа покоя на *-ль* в цахурском языке. Главное значение суперессива — указание на предмет, находящийся на поверхности другого предмета; *сиваль* «на горе», *йувуль* «на дереве». В результате семантического развития суперессив приобрел дополнительные значения, которые сохранились в устойчивых словосо-

четаниях-фразеологических выражениях *улель оо*, букв. «над глазом», *кIыриль йыкьра*, букв. «тяжело на ухо».

А. Дирр порою путает суперессив с инессивом на *-а, -е*. И это не случайно. Суперессив применяется в отношении топонимов, где соответствует русскому «в»; *Гурджустан* «Грузия» — *Гурджийль* или *Гурджустаныль* «в Грузии» *Уруссатыль* «в России», *Германийейль* «в Германии». В отношении ряда топонимов в этом значении употребляется инессив на *-а, -е; Дагыстанее* «в Дагестане», *Къалалее* «в Калале», *Джинее* «в Джиныхе».

Часто инессив и суперессив употребляются как синонимы; *сувее* || *суваль* «на горе», *къайее* || *къайейль* «на камне», *аьчее* || *аьчейль* «на ветке». Инессив на *-н, -е* показывает предмет, который находится внутри другого полого предмета; *кьовее* «в бочке», *сандукьее* «в сундуке», *хаа* «дома». Нахождение овец внутри горы исключено, однако говорим: *ваькьаьбы сувее* «овцы в горе».

Формант субессива *-к* во многих дагестанских языках совпадает. В цахурском языке отмечено весьма интересное социальное явление. Обычно о замужестве женщины употребляется третий локатив (инессив третий) *Маьммаьдна йучу манкъусане вор* букв. вместо ожидаемого инессива первого в других говорах; *тахсыр* «Сестра Мамеда у него есть (за него замужем)». А по данным кумского и кетюклинского говора Кахского района установлено, что в смысле замужества женщины за кого-либо употребляется инессив четвертый; *Маьммаьдна йучу манкъук вор* букв. «Сестра Мамеда за ним прикреплена». В указанных говорах в словах, связанных с религией, возможно, мы имеем дело с инессивом пятой серии «под ним», «под его властью», *тахсыр* «вина», *бынагь* «грех» *манкъуль* «вина на нем», *бынагь манкъуль* «грех на нем», здесь выступает инессив либо IV, либо V серии: *тасыр манкъук* и др.

В некоторых говорах наметились реликты направительного падежа пятой серии; *вакхъа* «под тобой», *аьчейкхъа* «под ветку»; *Вакхъа дошаг гебчы* «Под тобой постелили матрац», *Аьчейкхъа сайкIал гьуву* «Дали подпорку под ветку». В других говорах этой форме соответствует послеложная конструкция; *вак авхъа, аьчейк авхьа*. Возникает вопрос: какая из двух форм является первичной? Естественно, по идее уменьшения местных падежей и замены их послеложными конструкциями *вакхъа* — не что иное как следы направительного падежа пятой серии. Здесь уже наличествует развитие от синтетизма к аналитизму.

Судя по предварительным данным, диалекты аварского и лезгинского языков, представленные в Аз.ССР, отошли от диалектов и литературных языков, функционирующих в ДАССР

Многопадежность иберийско-кавказских и малопадежность индоевропейских и тюркских языков интерпретировать географическим фактором — сложностью ландшафта территории распространения кавказских языков было бы односторонним упрощенчеством. Категорическое утверждение развития одних языков от аналитизма к синтетизму, а других — от синтетизма к аналитизму тоже было бы неверно.

С. М. Джамирзаев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩНОСТИ ПАДЕЖНОГО СОСТАВА В ВАЙНАХСКИХ И БАСКСКОМ ЯЗЫКАХ В СВЕТЕ БАСКСКО-КАВКАЗСКОЙ ГИПОТЕЗЫ

Вопрос о баскско-кавказских языковых отношениях правомерен и актуален.

Как отмечает французский басколог-кавказовед Р. Лафон, «баскские и кавказские языки очень интересны для типологического изучения языков, для риссмотрения вопроса о расчленении языков на диалекты и о контактах. Кроме того, к ним тесно примыкают важные проблемы истории и предыстории: родство баскского и кавказских языков; вопрос о баскском и иберийском, о кавказских языках и древнейших языках Передней Азии»[1]. Далее, подытоживая свои взгляды по данному вопросу, Р. Лафон подчеркивал, что единственная группа языков, с которой так или иначе путем применения правил сравнительного метода удастся объединить баскский язык, — это кавказские языки[2]. По его мнению, сходные черты между баскским и иберийско-кавказскими языками не могут объясняться случайностью, они подразумевают наличие генетического родства[3]

В связи со сказанным, в порядке постановки проблемы, мы хотим коснуться некоторых вопросов общности падежного состава в вайнахских (чеченском и ингушском) и баскском языках с учетом соответствующих данных хурритского и урартского языков (сходство падежных функций, материальное единство падежных функций, материальное единство падежных окончаний и др.). Сле-

---

[1] Цитируется по кн.: *Дзидзигури Ш. В.* Баски и грузины. Тбилиси, 1979, 161.

[2] См.: Revue de l'engeignement superienr. Paris, 1967, № 3—4.

[3] См.: Lafon R. Basque. — Currentterens in Linquistics. Edited by Thomas A. Sebeok (vol. 9 «Linquistics in Western Europe», Paris, 1972).

дует также отметить, что факты таких совпадений (общностей) выявляются и на других уровнях языка[4].

Нахские языки дают интересный материал, который позволяет сравнить их с баскским и мертвыми языками Передней Азии (урартским, хурритским и др.)[5].

---

[4] Для иллюстрации данного положения можно привести несколько примеров. Из-за длительного влияния романских языков абруптивы исчезли в баскском языке, кроме одного *-чI-* (Ю. Зыцарь). Абруптивы широко представлены в вайнахских языках. Как и в вайнахских языках, сонорный *-р-* невозможен в начале слова в баскском.

Грамматический класс, наличный в нахских языках, исторически предполагается и в баскском (см.: *Зыцарь Ю. В.* О родстве баскского языка с кавказскими. — ВЯ, 1955, № 5, с. 58, 19). Об идентичности склонения и общности падежного состава речь идет в данной статье. Обнаруживают близость следующие формы личных местоимений: баскское *уза* — чеченское *иза* «тот», баскское *хIа* — чеченское *хьо* «ты». Кроме того, в обоих языках имеется тройственная система отдаленности предмета от говорящего (в указательных местоимениях). В сравниваемых языках представлена двадцатиричная система счета. Можно отметить и идентичность вспомогательных глаголов: баскское *да* — чеченское *ду//да* «есть» (напр. баскское *оц да* — чеченское *дарц ду//да* «холод есть»). По своему строю баскский глагол аналитический, как и в нахских языках. Совпадают формы времен: будущее и прошедшее. Имеется масдар.

Эргативная конструкция предложения имеется в баскском и вайнахских языках. При переходном глаголе реальный субъект, как правило, стоит в эргативном падеже. Если глагол непереходный, то субъект будет стоять в именительном падеже, т. е. в обоих языках склонение имен зависит от спряжения глагола. «В отдельности такие явления могут обнаружиться в любом языке... комплекс же признаков — другое дело... Баскский язык резко отличается от индоевропейских языков в существенных моментах: в структуре слова (имени, а особенно — глагола) и соответственно — в структуре предложения. И вот именно в этих моментах отмечаются поразительные совпадения с иберийско-кавказскими языками» (см.: *Чикобава А. С.* Басколог-кавказовед Р Лафон и очередные задачи иберийско-кавказского языкознания. В кн.: Баскский язык и баскско-кавказская гипотеза. Тбилиси, 1976).

В отношении баско-вайнахских лексических связей можно отметить тот факт, что в обоих языках совпадают некоторые названия, связанные с частями тела человека, этнонимией и топонимией и др., которые, как известно, представляют наиболее устойчивую часть лексического фонда языка. Напр., баскское *мут* «речь, дар слова» — чеченское *мотт//мот* «язык, речь, дар слова»; баскское *музур* — чеченское *муцIур* «рот, уста»; баскское *беги* «глаз» представляется возможным сравнить с чеченским *бIарг//-бIаьрг* «глаз». Префиксальный *б-* баскского слова Я. Браун выделяет как омертвевший классный показатель, который имеется и в чеченском языке. В приведенном баскском слове *б-* выделяется как окаменелый показатель класса «вещей». Мнение Я. Брауна разделяется и Ю. Зыцарем (см.: *Зыцарь Ю. В.* О родстве баскского языка..., с. 58).

См. работы: *Браун Я., Климов Г А.* Об историческом взаимоотношении урартского и иберийско-кавказских языков. — Тезисы докладов. Тбилиси, 1954, с. 50—51; Trombetti A. Elementi di glottologia, Bologna, 1923; *Чикобава А. С.* Проблема родства иберийско-кавказских языков. — Тезисы докладов на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965, с. 8; *Дьяконов И М.* Языки древней Передней Азии. — М., 1967, с. 21—24; *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963; с. 41—51, *его же.* Иберийско-кавказские языки. — В кн.: Языки Азии и Африки, т. 3. М., 1979, с. 95 и др. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд., т. 28, М., 1978, с. 425.

Материал по вайнахским языкам берется на уровне нахского языка — основы (См.: *Дешериев Ю. Д.* Сравн.-историч. грамматика...), а по баскскому — из работ по истории баскского языка с учетом диалектных данных.

В вайнахских и в баскском языках, а также в древне-восточных языках (хурритском, урартском) представлены следующие падежи: именительный, эргативный, родительный, дательный, совместный (или инструменталис), направительный (или местный), которые совпадают по функциям. В определенных случаях у перечисленных падежей в отмеченных языках совпадают и падежные форманты. Это обстоятельство имеет принципиальное значение. Дело в том, что каждый из перечисленных падежей в отдельности может обнаружиться в разных языках мира, но комплекс одинаковых падежей — не случайное явление.

Материальное и функциональное совпадение эргатива (показатель *-с*) в нахских и урартском языках отмечены в специальной литературе[6]. Эргативный падеж в баскском языке, совпадая по функции с эргативом вайнахских языков, имеет показатель *-к*. Эргативный падеж в вайнахских и баскском языках представлен как самостоятельная морфологическая единица. Иного характера эргатив мы наблюдаем в большинстве иберийско-кавказских языков (и в частности — из языков нахской группы — в бацбийском языке), в которых эргативный падеж совмещает функции с одним из основных падежей[7] В означенных языках реальный субъект при переходном глаголе стоит в эргативном падеже, а ближайший объект — в именительном.

Кроме того, совпадают падежные форманты и у следующих падежей. Например, в чеченском языке совместный падеж имеет окончание (показатель) *-ц(а)*, который правомерно сравнить с показателем подобного падежа *-з* в баскском, *-(а)з-ура* в хуоритском (во множ. числе). В урартском языке падежный показатель не выявлен. Направительный падеж в нахских языках имеет показатель *-га* || *-та, -ие* (а также послелог *-тIе*), ср. баскское *-ра(т)*, где *-ра* вставочное, а *-т* встречается в архаичных формах имени (Ю. Зыцарь) В хурритском и урартском языках представлен показатель *-та*. Ю. Д. Дешериев сравнивает показатели родительного падежа вайнахских и урартского языков, который представлен в виде гласный + носовой согласный *-н* (в чеченском) и — гласный *-и* (в урартском)[8] В баскском языке имена собственные в данном падеже имеют показатель *-ен*. Как отмечает И. М. Дьяконов, в урартском языке родительный падеж интенсивно вытесняется формой притяжательного прилагательного на *-ин(а)*. По его мнению, подобное явление наблюдается и в других языках Малой Азии и Кавказа: оно известно в ликийском, лувийском и хеттском иероглифическом, нахских, лезгинских и др.[9]

Некоторые трудности представляет сравнение формантов дательного падежа: *-а* (в урартском), *-и* (баскском), *-а* || *-на* (в че-

---

[6] См. работы: Trombetti. Elementi di glottologia... *Дешериев Ю. Д.* Сравнительно-историческая грамматика..., с. 45.

[7] См.: *Топурия Г В.* Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий, их функции в иберийско-кавказских языках.— В кн.: Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Нальчик, 1977, с. 28.

[8] См.: *Дешериев Ю. Д.* Указ. соч., с. 45.

[9] См.: *Дьяконов И М.* Указ. соч., с. 137

ченском) Дело в том, что по сравнению с согласными гласные более поддаются историческому изменению. Поэтому трудно судить о надежности сравниваемых элементов.

Нахские, баскский, хурритский и урартский языки имеют большое количество форм местного падежа, т. н. послеложные падежи. Вопрос о них нами опускается, потому что он требует специального исследования.

Надо иметь в виду, что баскско-вайнахские совпадения и соответствия не исчерпываются приведенными. Мы ограничились сравнением тех примеров, которые трудно отнести к заимствованиям или случайным совпадениям и являются отголосками былых, более близко-родственных отношений.

Нам кажется, что приведенный грамматический материал баскского и вайнахских языков при более широком и полном учете данных других иберийско-кавказских и мертвых переднеазиатских языков в определенной степени поможет в решении проблемы их родства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сборник «Падежный состав и система склонения в кавказских языках» вошли материалы IX региональной научной сессии по изучению кавказских языков, проходившей в Махачкале 16—18 сентября 1981 г.

Они содержат анализ падежной системы языка, функционирования отдельных падежей, особенностей эргатива, генезиса падежных формантов и т. д.

Круг языков, охваченных исследованием, — все иберийско-кавказские языки: картвельские и абхазо-адыгские, нахские и дагестанские, а в разработке тех или иных вопросов приняли участие многие ведущие ученые-кавказоведы.

Все это говорит о значимости и практической необходимости данного сборника.

С. М. Гасанова

СОДЕРЖАНИЕ

Картвельские и абхазско-адыгские языки

Введение 3

Чикобава А. С. Об эргативном падеже — «косвенном» и «прямом» — в иберийско-кавказских языках 5

Ломтатидзе К. В. Окаменелый падежный суффикс в клятвенных выражениях в абхазском и абазинском языках 9

Рогава Г. В. К формированию системы склонения имен по принципу двух основ по данным абхазско-адыгских языков 14

Апридонидзе Ш. Т. Формы обращения и вопрос слогового состава грузинских личных имен 17

Балкаров Б. Х. Об особенностях выражения прямого дополнения в абхазо-адыгских языках 22

Блягоз З. У. О некоторых особенностях склонения заимствованных имен существительных в адыгейском языке 29

Гишев Н. Т. К вопросу о составе и названиях адыгских падежей 32

Меретуков К. Х. Об особенностях склонения некоторых адыгейских топонимов 37

Тутарищева М. К. О некоторых особенностях склонения собственных имен существительных в языке адыгейской периодической печати . . 42

Гагиев И. И. Семантико-синтаксические связи именных композитов абазинского языка со структурой N. N. (имя существительное+имя существительное) 49

Шаов А. А. О соответствии субъектно-объектной и словарной формы имени в адыгских языках 56

Зекох У. О типах склонения в адыгских языках 61

Тхаркахо Ю. А. Вариантность падежных форм и их стилистическая значимость (на материале адыгейского языка) 65

Абрегов А. Н. Парадигма склонения и подача названий растений в терминологических и диалектных словарях адыгских языков 70

Аршба Н. В. Гласные и согласные варианты лично-классных префиксов глагола *у-, и-*, выражающих функции падежей в абхазском языке . 76

Каражаев Ю. Д. Об онтологии грамматической категории и о винительном падеже в осетинском . 83

Дагестанские и нахские языки

Магомедбекова З. М. Локативные падежи в аварско-андийских языках 86

Магометов А. А. Диалектные различия в склонении личных местоимений даргинского языка 93

Бурчуладзе Г. Т. О распространителях основ ряда *-нГ-* в лакском языке 99
Кикилашвили В. И. Особенности склонения указательных местоимений в хиналугском языке 108
Абдуллаев З. Г. К генезису падежных формантов в даргинском языке 114
Абдуллаев И. Х. Об аблауте в системе лакского именного склонения 120
Гайдарбв Р. И. О некоторых исторически значимых особенностях лезгинских диалектов в области склонения 128
Гюльмагомедов А. Г. О предсказуемости падежных форм именных компонентов словосочетаний в дагестанских языках 133
Ибрагимов Г. Х. Общности в склонении имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках 138
Мейланова У. А. Исторические сдвиги в падежной системе лезгинского языка 147
Муркелинский Г. Б. О развитии падежной системы в лакском языке 153
Микаилов К. Ш. О маркированном Nominativ'е в староаварском языке 161
Саидова П. А. Особенности локативов в закатальском диалекте аварского языка 163
Гасанова С. М. Особенности падежной системы амухского наречия даргинского языка 166
Абдуллаев А. А. Изменения в употреблении некоторых падежей лакского языка в связи с лакско-русским билингвизмом 170
Исаев Н. Г. К вопросу о значении местных падежей в цахурском языке 173
Исаев М. Г. Особенности склонения существительных и местоимений анцухского диалекта аварского языка 176
Мусаев М. М. Серии аллатива и их образование в даргинском языке 184
Исаков И. А. Системное и асистемное в склонении субстантивов в гунзибском языке 192
Ганиева Ф. А. Некоторые вопросы склонения хиналугского языка 196
Сулейманов Н. Д. Диалектные варианты падежных форм именных компонентов в глагольных фразеологизмах агульского языка . . . 201
Чокаев К. З. К генезису одного форманта косвенных падежей в вайнахских языках 203
Саламова Р. А. Особенности склонения имен существительных в мелкинском говоре чеченского языка 211
Дешериева Т. И. К вопросу о так называемом «абсолютном» падеже 217
Алексеев М. Е. К реконструкции пралезгинских показателей косвенной основы на согласный 223
Асланов А. М. Некоторые изменения в падежной системе бесписьменных языков Азербайджана 230
Джамирзаев С. М. Некоторые вопросы общности падежного состава в вайнахских и баскском языках в свете баскско-кавказской гипотезы 233
Заключение 237

ПАДЕЖНЫЙ СОСТАВ И СИСТЕМА СКЛОНЕНИЯ
В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Сборник статей

Редактор *С. Усик*
Художник *Р Гаджиханова*
Технический редактор *Н. Жукова*

Н/К
Сдано в набор 27.02.87 Подписано к печати 16.07.87. С 01627.
Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Усл. п. 15,0. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 500 экз.
Заказ 301. Цена 1 р. 05 коп.

Дагестанский филиал АН СССР
Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ТМО Т. 1 млн. З. 1318—84

37=

кр-1

Цена ~~1 руб. 05 коп.~~